

Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XXIII. OLOMOUCKÉ DNY RUSISTŮ
10.–11. 09. 2015

Martina Pálušová / editorka

Olomouc
2016

**Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XXIII. Olomoucké dny rusistů
10.-11. 9. 2015**

Univerzita Palackého v Olomouci

**Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XXIII. Olomoucké dny rusistů
10.–11. 9. 2015**

ROSSICA OLOMUCENSIA
Vol. LV

Martina Pálušová
editorka

Olomouc 2016

Oponenti: prof. Valerij M. Mokienko, DrSc.
PhDr. Mgr. et Mgr. Natálie Rajnochová, Ph.D.

Neoprávněné užití tohoto díla je porušením autorských práv a může zakládat občanskoprávní, správněprávní popř. trestněprávní odpovědnost.

Editorka © Martina Pálušová, 2016
© Univerzita Palackého v Olomouci, 2016

ISBN 978-80-244-4938-8
ISSN 0139-9268 (print)

Содержание

Доклады лингвистической секции и переводческой секции

<i>Ольга Борисовна Абакумова, Дмитрий Игоревич Абакумов:</i> Возможности использования модели КДМ для анализа смысла рекламного слогана в телевизионном ролике.....	11
<i>Андрей Артёмов:</i> Семантическая диффузность синонимов и паронимов в чешском и русском языках.....	19
<i>Светлана Михайловна Белякова:</i> О синкретизме коннотативной семантики (<i>август</i> в современном языковом сознании русских).....	35
<i>Алеш Бранднер:</i> Выражение целевых отношений в русском языке средством предложных конструкций – их параллели в чешском языке.....	43
<i>Ван И-цзюнь (Wang Yi-chun):</i> Контраст как средство характеристики персонажей в рассказе Дины Рубиной «Любка».....	51
<i>Франтишка Витковска-Михна:</i> Язык до Киева доведёт: языковая коммуникация в области туризма.....	59
<i>Ян Галло:</i> Основные подходы к анализу нарративных текстов.....	69
<i>Иоанна Гожеляна, Александра Урбан-Подольян:</i> «Бог» и «дьявол» в оригинальном тексте и переводе на польский язык повести Валентина Распутина Прощание с Матерой.....	77
<i>Елена Вячеславовна Дзюба:</i> Коммуникативные стратегии и тактики представления образа политического лидера СССР и России (по материалам биографий Р. Медведева).....	91
<i>Ольга Евгеньевна Ермачкова:</i> Использование языковой игры в публицистике.....	97

<i>Валентина Анатольевна Закревская: Проявление синкретизма в функционировании глаголов разных видов (на материале архангельских говоров) .....</i>	105
<i>Елена Вадимовна Косарева: Деловая презентация в коммуникативно-прагматическом аспекте .....</i>	111
<i>Александр Александрович Мальшев: Глагольная оценочность в спортивном медиадискурсе (на материале разных видов спорта).....</i>	117
<i>Анна Манасовна Меньщикова: «Поэма без героя» А. Ахматовой: проблема перевода с точки зрения поэтики незавершенного.....</i>	123
<i>Лейла Юрьевна Мирзоева: Синкретичный характер оценок степени достоверности в русском языке XVII–XVIII вв. ....</i>	131
<i>Елена Владимировна Проскурякова: Пословица в газетном заголовке в свете когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла .....</i>	137
<i>Анастасия Андреевна Соколова: Несколько замечаний к глагольным формам прошедшего времени в древнерусских текстах XI–XIII вв. ....</i>	145
<i>Нина Цингерова: Возможности использования теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа (на примере анализа понятия «демократия») .....</i>	153
<i>Екатерина Александровна Щеглова: Сопоставление дискурса путешествий XIX и XX вв. ....</i>	161

Доклады фразеологической секции

<i>Мария Доброва: Интернет как среда актуализации фразеологических неологизмов</i>	169
<i>Катажина Дэмбска: О метафорическом характере сверхлексемных единиц с компонентом <i>сердце</i> и их фразематическом потенциале (на материале русского языка)</i>	177
<i>Инна Владимировна Калита: Характеристика человека посредством фразеологизмов с лексемой <i>голова</i> (компаративный ракурс: чешский vs. белорусский)</i>	185
<i>Елена Невзорова-Кмеч: Русские жаргонно-разговорные выражения в речи молодежи в XXI веке</i>	193
<i>Маркета Свашкова: Старое и новое во фразеологической картине мира русских и чехов при описании внешнего облика человека</i>	199
<i>Людмила Степанова: Изменение состава фразеологических неологизмов в новых словарях</i>	207
<i>Людмила Владимировна Столбовая: Структурирование и интерпретация семантического пространства фразеологизмов со значением «состояния человека»</i>	215
<i>Ядвига Тарса: Фразеологизмы в демотиваторах</i>	221
<i>Оксана Цагашова: Новые слова и словосочетания из области моды (на материале современных русских и чешских женских журналов)</i>	227
<i>Милада Янковичова: Игра в шахматы и шахматные фраземы</i>	235

**ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
СЕКЦИИ**

Ольга Борисовна АБАКУМОВА, Дмитрий Игоревич АБАКУМОВ
Россия, Орел

Возможности использования модели КДМ для анализа смысла рекламного слогана в телевизионном ролике

Possible applications of CDM model in the analysis of advertizing slogan in TV commercial

Abstract: The paper discusses cognition-discourse model of proverb's sense actualization in discourse (CDM), offered for description of semantics and pragmatics of advertizing slogan in television advertisement. Analysis of advertizing slogans by means of CDM model has shown that leading communicative strategy of these units is socially oriented aiming at making use of the population without caring for their true interests and the advertizing slogan similar to proverb in discourse turns to be an indirect speech act implicitly calling for buying the goods of the firm that has ordered the commercial.

Key words: Cognition-discourse model – advertizing slogan – television media discourse – communicative strategies – manipulation – illocution – perlocution.

Когнитивно-дискурсивная модель (КДМ), предложенная О. Б. Абакумовой (см. [Абакумова 2009, Абакумова 2013 и др.]), опирается на прагматически ориентированную теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Habermas 1987], когнитивную теорию метафоризации окказиональных фреймов, расширенный аппарат референциально-ролевой грамматики, логико-семиотическую классификацию инвариантных моделей пословиц, функциональную теорию оценки и классификацию деонтических норм в семантике пословиц. Составляющие модели Ю. Хабермаса получают иное наполнение. Модель КДМ имеет четырехчастную структуру.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая) связана с выбором говорящим коммуникативного действия или стратегии, которые могут быть ориентированы либо на достижение взаимопонимания (собственно коммуникативное действие), либо на успех без учета интересов слушающего (стратегическое действие). Во втором случае выделяются 1) индивидуально-инструментальная стратегия, используемая в межличностном общении, 2) социально-стратегическое действие, целью которого является ориентация на определенную социальную группу, но с учетом собственных интересов говорящего и 3) драматургическое стратегическое действие, при котором говорящий демонстрирует свои личностные качества (интеллект, остроумие), что часто сопровождается языковой игрой.

Konstativa (когнитивная составляющая) включает анализ пропозиции высказывания и ее реализацию в трех типах фреймов (образном, обобщенном и конкретно-ситуативном); это позволяет выявить семантический тип предиката, тематические отношения компонентов пословичного высказывания, что составляет ситуационный компонент высказывания, а также определить пресуппозицию и ассерцию (логический компонент), соотнести элементы текста с представлениями об элементах действительности, произвести их отождествление или уподобление, актуализовать форму высказывания (*референциальный* компонент).

Representativa (экспрессивная составляющая) отражает личные отношения и оценки говорящего и включает *модальный, иллюкутивный и оценочный* компоненты пословичного высказывания. Аксиологический предикат оценочного суждения, как правило, не бывает выражен на уровне поверхностной структуры, он входит в пресуппозицию высказывания.

Regulativa (регулятивная составляющая) связана с результатом воздействия высказывания, с его *перлокутивным эффектом*, она отражает взаимодействие коммуникантов, основанное на деонтических нормах социального поведения, принятых в данной культуре (*нормативный* компонент) и инференцией высказывания слушающим (*инференциальный* компонент) [Абакумова 2013].

Пример 1. Пословица в бытовом диалоге (на материале телевизионного сериала «Каменская»).

Старший по званию следователь уговаривает более молодого сотрудника поехать в тюрьму, чтобы убедиться, что известный криминальный авторитет действительно умер.

Коротков: Миша, ты Галла видел?

Доценко: На фотографии.

Кортков: Только на фотографии?? Это же легенда криминального мира. Нужно к нему в тюрьму съездить. Детям своим потом будешь рассказывать про этого бандита.

Доценко: Не... Не поеду, у меня жена дома...

Коротков: Доценко, *от сумы да от тюрьмы не зарекайся!* Суму тебе жена соберет, а сейчас собирайся. В твоём возрасте от командировок не отказываются.

Kommunikativa. Высказывание говорящего имеет индивидуально-инструментальную коммуникативную стратегию, так как слушающего пытаются заставить совершить действие, которое он осуществлять не собирался. Скрываясь за народным авторитетом, говорящий побуждает слушающего совершить нужное ему действие.

Konstativa. Говорящий претендует на истину, поскольку жизнь человека непредсказуема и зависит от множества разнообразных обстоятельств. Пропозиция содержит предикат «зарекается», актантами являются *сума* и *тюрьма*, позиция агенса свободна. Пословица моделирует динамическую ситуацию, в центре которой находится человек, уверенный в том, что его никогда не постигнет беда, нужда, несчастье, и которого предупреждают, что все может измениться в любую минуту.

Логическая структура: зарекается от чего?

Семантический класс глагола: действие, связанное с некоторым состоянием, о временности которого предупреждают.

Образный фрейм: некто клянется и уверен, что никогда не попадет в тюрьму и не пойдет просить милостыню, не подозревая, что его ожидает;

Окказиональный фрейм: младший лейтенант надеется, что ему не придется ехать в командировку в тюрьму, но получает приказ;

Обобщающий фрейм: субъект, уверенный в своем благополучии, получает предупреждение о возможных переменах к худшему.

Representativa. Говорящий претендует на искренность, но он лукавит, так как сам не хочет ехать, а заставляет делать это младшего по

чину и возрасту. Обигрываются актанты *сума* и *тюрьма*, которые, кроме всего прочего, совпадают ритмически. *Тюрьма* используется в прямом значении, *сума* переосмысливается как сумка командировочного, что становится возможным благодаря словообразовательной и семантической близости слов *сума* и *сумка*. Модальность высказывания эпистемическая, на которую наслаивается аксиологическая и деонтическая модальности. Говорящий шутит, но он имеет на это право. Его социальный опыт и положение дают ему такую возможность. Его оценка ситуации положительная, он знает, что в данном случае имеет право использовать свое служебное положение. Иллокутивная сила – косвенный директив.

Regulativa. Претензии на правильность выполняются. Высказывание получает иллокуцию приказа, отданного в мягкой форме, но который все же не обсуждается и которому нужно подчиниться. Опираясь на социальные нормы, заложенные в пословице, Доценко понимает, что ехать придется.

Данная статья имеет целью показать, что модель когнитивно-дискурсивного описания пословиц в разных типах дискурса может быть успешно применена и к анализу реализации смысла других языковых единиц, например, рекламных слоганов, сходных по структуре и функции с пословицами.

В современных условиях с момента возникновения массового производства в задачи рекламы стало входить не только простое информирование о предложениях производящих организаций, но и проведение культурно-идеологической обработки населения с целью решить проблему сбыта излишков товаров, актуальную в связи с растущей продуктивностью экономической системы. Следовательно, современная реклама не может быть абсолютно противопоставлена агитации и пропаганде и предполагает решение стоящих перед ней задач посредством комплексного использования всей совокупности имеющихся маркетинговых средств стимулирования сбыта. Иными словами, реклама как комплекс маркетинговых коммуникаций включает одновременно: advertising – рекламу в средствах СМИ; sales promotion – содействие продажам; public relations – сопряженные «общественные отношения»; direct-marketing – направляемый рынок [Матюшевская 2003].

В основе любых рекламных технологий лежит манипулирование покупательским поведением. Специалисты говорят о нескольких стадиях манипулирования сознанием. Сначала, определив устойчивые стереотипы, проведя мотивационный анализ, выявив существующие

в обществе ценности, манипулятор пытается подчеркнуть, углубить их. Затем вносятся практически незаметные, но весьма значимые элементы, которые начинают исподволь влиять на наше восприятие данного события. И, наконец, оказывается глубинное влияние на наши жизненные ценности с целью их абсолютного изменения вплоть до противоположных [Нойманн 2008].

Анализ рекламных текстов, проведенный с помощью когнитивно-дискурсивной модели КДМ, показал, что ведущей коммуникативной стратегией использования рекламного текста (слогана) является социально ориентированная стратегия, предполагающая использование большой группы населения без учета ее интересов (см. определения стратегического действия в работе Ю. Хабермаса [Habermas 1987]).

В качестве примера рассмотрим анализ реализации рекламного слогана «Папа может», призывающего покупать колбасу фирмы «Останкино».

Пример 2. Коммуникативная ситуация, представленная рекламным роликом, следующая. На перемене между уроками девочка (ученица 2–3 класса) разворачивает бутерброд с колбасой, который ей приготовили дома. Она делает большие глаза, увидев огромные куски толсто порезанной колбасы, лежащие на большом куске хлеба. За этим наблюдает учительница, которая спрашивает: «Верочка, кто же это тебе такой бутерброд приготовил?». «Папа!» – отвечает девочка. На что учительница с улыбкой кивает головой: «Папа может!». Девочка в ответ тоже кивает.

Kommunikativa. Учительница использует собственно коммуникативное действие, в то время как авторы рекламы применяют социально ориентированную стратегию с целью оказать влияние на зрителей.

Konstativa. Пропозиция высказывания выражена двухместным предикатом «может», который, однако, используется как одноместный, где занята только субъектная позиция. Предикат действия переосмысливается как предикат состояния, приобретает обобщенное значение.

Образный фрейм: родитель мужского пола собрал ребенка в школу и приготовил ему бутерброд с колбасой.

Обобщенный фрейм: отец семейства – самый важный человек в семье, который все знает и умеет (папа все может!). Это первый тип логико-семиотической модели по классификации Г. Л. Пермякова [Пермяков 1978].

Конкретно-ситуативный фрейм: уважающий себя отец семейства будет покупать колбасу только фирмы «Останкино».

Representativa. Модальность эпистемическая и аксиологическая (учительница положительно оценивает поведение папы девочки, хотя и иронически, она уверена, что только мужчина может такими кусками порезать колбасу). По форме – утверждение (ассертив).

Regulativa. Опираясь на социальные нормы (семейные ценности, в соответствии с которыми родители должны заботиться о своих детях), рекламный слоган рекомендует мужчинам (и их женам) покупать к завтраку колбасу фирмы «Останкино». Перлокутивный эффект заключается в том, что зрители запоминают ролик, добрую улыбку учительницы и кивок девочки, которая с аппетитом начинает есть свой бутерброд. У них появляется желание купить именно такую колбасу. Этот ролик учитывает культурную традицию и стереотипы, согласно которым русские очень эмоциональные люди и выше всего ценят свою семью, своих близких.

Анализ этого и подобных роликов с помощью модели КДМ показал, что рекламный слоган, как и пословица, представляет собой *косвенный речевой акт* директивного типа, целью которого является совет, призыв, предупреждение, в частности, рекомендация приобрести товар указанной в ролике фирмы.

Использованная литература:

- АБАКУМОВА, О. Б. (2013): *Пословичные концепты в паремическом дискурсе*. Автореферат дисс... докт. филол. наук. Орел.
- МАТЮШЕВСКАЯ, П. А. (2003): Реклама. In: *Социология. Энциклопедия*. Минск: Интерпресссервис. Книжный дом А. А. Грицанов и др.
- НОЙМАНН, Э. (2008): *Глубинная психология и новая этика*. Москва: Азбука.
- ПЕРМЯКОВ, Г. Л. (1978): О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. In: *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура. Смысл. Текст)*. Москва: Наука.
- АВАКУМОВА, О. В. (2009): Proverbs in newspaper text and media discourse. In: *Auspicia*, VI, 2009, c. 2. s. 128–134.
- HABERMAS, J. (1987). *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.

Профиль авторов:

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета. Читает лекции по общему языкознанию и истории лингвистических учений, основам прагмалингвистики, введению в межкультурную коммуникацию. Область научных интересов – проблемы паремиологии: семантика и прагматика пословиц, когнитивно-дискурсивное моделирование.

Абакумов Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Орловского государственного университета. Область научных интересов – языковые особенности рекламы

Орловский государственный университет
ул. Комсомольская, 95
302026, Орёл
Россия
www.univ-orel.ru
abakumova-ob@mail.ru

Андрей АРТЁМОВ

Чешская Республика, Ческе Будейовице

Семантическая диффузность синонимов и паронимов в чешском и русском языках

Semantic Diffusion of Synonyms and Paronyms in Czech and Russian language

Abstract: The article deals with distinguishing the connotations of similar-sounding lexemes in Czech and Russian language, as well as with synonyms and paronyms. When comparing a number of words in both Slavic languages, we find out that the semantics of many of them is only recognized with difficulty by the students of the language. The paper presents a number of chains of lexical units and describes the correlation (etymological, morphological and semantic) between Russian and Czech lexical units. The semantic diffusion of some lexemes reveals the peculiarities of the language in the conceptualisation of the linguistic phenomena which can be designated as “typical“ of the particular language.

Key Words: Semantic diffusion – synonyms – paronyms – Russian – Czech.

Проявление семантической диффузности в работах современных лингвистов рассматривается с нескольких точек зрения.

С одной стороны, различные аспекты этого процесса в рамках лингвистической семасиологии непосредственно влияют на описание многозначности, полисемии и неоднозначности/синкретизма [Зализняк 2004: 22], что связано с возможностью совмещения нескольких значений¹ в одном слове. Такие значения при определённых условиях могут

---

¹ «Подобная «диффузность» отдельных значений не создаёт затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью «совмещения» некоторых из них в определённых контекстах» [Шмелёв 1973: 80].

быть различимы одновременно, создавая почву для возникновения каламбуров, игры слов и т.д. (В некоторой степени к группе слов, в которой у минимально двух лексем совмещается, хотя чаще всего ошибочно, одно и то же значение, относятся паронимы. К ним вернёмся в этом тексте несколько позднее). При описании многозначности семантическая диффузность скрыта в единой лексеме, в рамках которой происходит «перетекание» значения на основе форм переноса (метафоры, метонимии и их разновидностей). Способность к реализации различных форм переноса и сама реализация переноса, как нам представляется, и есть одним из проявлений семантической диффузности.

С другой стороны, наблюдается процесс смещения значения при анализе синонимов. О таком смещении (или в определённых случаях расширении, сужении, дополнении и т.д.) семантики можно говорить при необходимости выявления доминанты синонимического ряда [Денисов 2013: 169] или же при констатации, что синонимия основывается на цикличности, при которой лексические единицы «не просто «зацеплены» одна за другую, а объективно соотносятся каждая с каждой» [Бережан 1973: 84–85]. Кроме как при поиске доминанты или при составлении строго фиксированного синонимического ряда процесс семантической диффузности в ещё большей степени проявляет свою значимость в представлениях «о синонимическом пространстве как о диссипативной структуре, т.е. «мягкой», «размытой», но воспроизводимой и самонастраивающейся» [Караулов 2010: 114; Дударева 2011: 19]. Такой подход близок к пониманию рассматриваемого когнитивной лингвистикой понятия семантического ядра, которое объединяет все лексические единицы с близкой семантикой. Понимание семантического ядра для целей данной статьи выводим из определения семантического поля. «Семантическое поле – это компактная часть словаря, покрывающая какую-то определённую «понятийную сферу» данного языка. Оно неповторимо, управляется своими внутренними законами и реализует свою «картину мира», не совпадающую с аналогичным явлением как в разных языках, так и в истории одного и того же языка» [Тарланов 1988: 20]. *Семантическое ядро*, таким образом, можно характеризовать как наиболее типичные черты семантики, в которых «сгущается» всё характерное в значении лексических единиц со схожими семами, или как реализацию таких главных черт в одной или нескольких основных лексических единицах. Семантическое поле в отношении описания картины мира средствами языка также можно сопоставить с пониманием концепта [Манерко 2000: 42].

Дополнительно к упомянутым двум сторонам своего проявления семантическая диффузность играет роль в теории перевода, где описывается как процесс, понимание которого помогает различать значения межъязыковых омонимов и, соответственно, при преподавании иностранных языков может рассматриваться его прикладной аспект [Гасек 2011, 116–117]. Для изучающих иностранный язык семантическая диффузность важна с точки зрения понимания процесса формирования значения, а практически для расширения собственного лексикона при осознании семасиологических процессов, когда необходимо соответствующие лексические единицы правильно соотносить с определённым семантическим ядром, сформировавшимся в данном языке. При этом в формировании семантического ядра в каждом языке важную роль играют не только семиотические процессы, но и психолингвистические, в частности особенности менталитета носителей языка.

Принимая во внимание сказанное выше, под *семантической диффузностью* в данной статье понимаем процесс смещения значения, вызванный возможностями семантики соответствующей лексической единицы (прежде всего, под воздействием полисемии, а также других свойств слова). В рамках одного языка о таком смещении значения можно говорить при рассмотрении омонимов и паронимов, а также при выделении собственного значения каждого отдельного слова в синонимическом ряду или при реконструкции семантического ядра с обозначением семантических связей между его элементами в рамках отдельного концепта.

Явление семантической диффузности особенно широко проявляет себя при взаимодействии двух родственных языков, к примеру, при наличии схожих по происхождению лексических единиц, семантика которых в каждом языке в отдельности со временем получила особое развитие, а также в других случаях, которые будут рассматриваться далее.

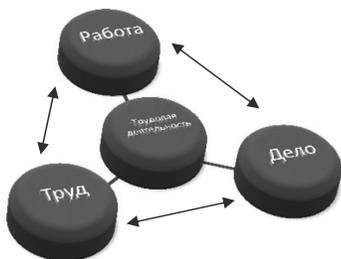
О двуязычном аспекте семантической диффузности пишет Т. М. Шкапенко [Шкапенко 2012: 42], которая со ссылкой на польских исследователей понимает данное явление как «неопределённость содержания языковых знаков различного уровня (морфем, лексем, словосочетаний, предложений, текстов), размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и языковой коммуникации» [Kiklewicz 2007: 374]. На основании исследований, связанных с усвоением польской лексики русскими студентами, Т. М. Шкапенко выдвигает гипотезу «о том, что в определённых случаях

носители языка не ощущают дискретности отдельных лексико-семантических вариантов слова, и семантическая диффузность представляет собой способ хранения класса многозначных слов в ментальном лексиконе его носителей» [Шкапенко 2012: 42]. Данное утверждение становится основанием для более подробного анализа парадигматических отношений в рамках семантического ядра (или «ядра репрезентаций концепта» у Л. А. Манерко [2000: 42]) с привлечением материала родственных языков, который помогает наглядно представить особенности значения каждой отдельной лексической единицы.

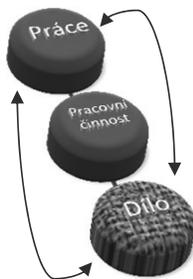
Примером проявления такой «дискретности» на уровне семантического ядра является реализация лексемы *дело* и её вариантов в русском языке. На рисунке 1 мы попытались схематично изобразить связи между главными репрезентантами семантического ядра «трудовая деятельность» в русском языке, обобщённо базирующееся, прежде всего, на лексических единицах *работа*, *труд*, *дело*, являющихся основными репрезентантами семантического ядра. «Облако значений» каждого из приведённых репрезентантов может быть представлено большим количеством лексических единиц², состоящих между собой в парадигматических связях, кроме того такое «облако» может «накладываться» коннотациями своих значений на соседние или же может происходить смещение значения в ту или иную сторону. В рамках концепта «трудовая деятельность» в русском языке находим как минимум три лексические единицы (*работа*, *труд*, *дело*), которые взаимодействуют друг с другом посредством относительно равномерных парадигматических синонимических отношений и каждая из которых могла бы стать центром следующего разветвлённого «облака значений».

При рассмотрении схожего концепта в чешском языке устанавливаем, что «трудовая деятельность» (*pracovní činnost*) выражается, прежде всего, единственной нейтральной лексической единицей *práce*, которой в русском языке противостоят три такие единицы. На рисунке 2 представлено соотношение чешских лексем, в котором определённую роль может играть и нейтральная лексема *dílo*, которая, выражая в первую очередь «результат трудовой деятельности», неравнозначна лексеме *práce* и может быть в семантическое ядро включена лишь опосредованно и с оговорками (или же вообще останется за границей данного семантического ядра в числе других лексических единиц, «привязанных» к значению *práce* в рамках данного семантического пространства).

² Перечисление и способы размещения таких единиц в рамках создания трёхмерных «облаков значений» оставляем пока за пределами данного исследования.

Рис. 1: Схематичное представление основных репрезентантов семантического ядра «трудовая деятельность» в русском языке.

Рис. 2: Схематичное представление основных репрезентантов семантического ядра «трудовая деятельность» в чешском языке.

Проявление семантической диффузности в таких случаях можно анализировать как на уровне семантического ядра и подчинённых семантических уровней, так и вне семантического ядра на прослеживании ассоциативных комбинаций выбранного значения или же во взаимодействии соответствующих концептов разных языков (если такие концепты при компарации с другим языком вообще существуют).

Описание реализации семантической диффузности в двуязычном аспекте, вероятно, стоит начать с упоминания о межъязыковой омонимии родственных языков. Это излюбленная тема у начинающих изучать славянские языки, остающаяся по-прежнему популярной и лежащая на поверхности при синхронной компарации. Одним из широко описываемых и анализируемых аспектов межъязыковой омонимии стали так называемые «ложные друзья переводчика». Репрезентация данного явления в двуязычном и многоязычном вариантах имеет уже длительную традицию³. При простом синхронном

³ Упомянем лишь некоторые работы, посвящённые данной теме: ГАСЕК, Б. Г. (2011): Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки). In: Материалы международной заочной научно-практической конференции «Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия». 03 мая 2011 г. Новосибирск, НП «Сибирская ассоциация консультантов», с. 115–118. ЕРМОЛОВИЧ, Д.И. (2007): «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... Мосты. Журнал переводчиков, №4(16), с. 33–40. КОМИССАРОВ, В.Н. (2005): «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания. (К постановке проблемы.) Мосты. Журнал переводчиков, №2(6), с. 14–17. VAVREČKA, M. (2007): *Rus-*

сравнении подобных лексических единиц как правило не говорят о синкретизме⁴. Черты синкретизма можно обнаружить при анализе развития лексической единицы из единого «прототипа» в разных славянских языках, т.е. при диахронном рассмотрении отдельных единиц.

К примеру, синкретический характер имеют следующие лексические единицы русского и чешского языков (которые в большинстве случаев скорее паронимичны из-за несколько иного в родственном языке фонетического облика, иных аффиксов или флексий, но зачастую изучающими язык воспринимаются как тождественные):

	Имена существительные	Имена прилагательные	Глаголы
1.	сруб – <i>sруб</i>	справедливый – <i>spravedlivý</i>	слышать – <i>slyšet</i>
2.	лицо – <i>líce</i>	быстрый – <i>bystrý</i>	пахнуть – <i>páchnout</i>
3.	ягоды – <i>jahody</i>	лакомый – <i>lakomý</i>	выдавать – <i>vydávat</i>

Табл. 1: Примеры омонимичных/паронимичных лексических единиц русского и чешского языков по выбранным частям речи.

В первой строке приведённой таблицы находим лексические единицы, которые весьма близки по своему значению в обоих языках, но у них также найдём ряд специфических черт (**фонетических** – смягчение [v], иной характер [l] в русском и чешском языках в примере *справедливый* – *spravedlivý*; **морфологических** – отличающиеся флексии, а также другая парадигма склонения и спряжения, различные суффиксы глаголов *слышать* – *slyšet*; **синтаксических** – иная сочетаемость: архаичное *spravedlivý dědic*, *spravedlivý dluh*⁵ и др., у чешского глагола *slyšet* возможна сочетаемость с другим глаголом: *Slyšel jsem ho krásně zpívat*), которые необходимо оговаривать отдельно. Касательно проявления семантической диффузности показателен пример *сруб* – *sруб*. Смещение значения у данных лексических единиц ощущает не каждый изучающий русский или чешский языки. В русском языке, прежде всего, речь идёт о «деревянном сооружении из нескольких венцов,

ká slovesa a jejich české ekvivalenty. Brno: Computer Press. ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno, Masarykova univerzita.

⁴ см. Synkretismus. In: KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (editoři) (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, s. 472.

⁵ см. результаты поиска к слову *spravedlivý* на сайте: Vokabulář webový [on-line]. Verze 0.4.2. [Цитируем 30. 9. 2015]. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. Dostupný na <<http://vokabular.ujc.cas.cz>>.

скреплённых обычно в форме четырёхугольника' (С. *избы*. С. *колодца*. С. *шахты*. // Бревенчатая постройка. На даче сделали с.) (БТС). Примеры демонстрируют, что в большей степени данную лексему используют для обозначения ещё не готового строения, для постройки в «сыром» виде, которая ещё должна пройти через процесс усадки, устройства окон, дверей, крыши, дополнительной отделки и т.д., изредка используется и в обобщённом значении для обозначения бревенчатой постройки. В чешском языке, наоборот, речь идёт о готовой постройке особого типа из брёвен или бруса преимущественно в некоторых регионах Чешской Республики, как правило, в деревенской среде. Соответственно лексическая единица *sруб* помещена в «Тезаурусе чешского языка» в статье *obydlí* и синонимична с *chata*, *chalupa*, *chaloupka*, *barabizna*, *chatrč*, *chajda*, *dřevěnka*, *chýše*, *bouda*, *přístavek*, *přístřešek*, *kůlna*, *kolna*, *budka*... и т.д., хотя ещё более близкими синонимами могут быть также *srubový dům*, *roubenka*.

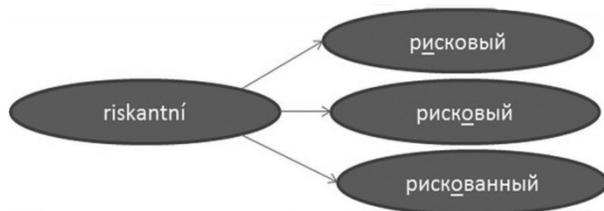
Вторая строка Табл. 1 демонстрирует ещё более глубокое смещение значений и их постепенное самостоятельное развитие в каждом из выбранных языков в отдельности, тем не менее, связь с изначальным «общим» значением (или элемент «общего» значения) в них ощущается. Дистрибуция семантики русской лексемы *лицо* в чешском языке распределяется на *obličej* – *tvář* – *líc/lice* с тем, что каждая из предложенных лексем чешского языка имеет иное словоупотребление и может иметь другую стилистическую окраску. Русское *быстрый* в своём основном употреблении безусловно соответствует чешскому *rychlý*, но и в *bystrý* сохраняется некоторая отсылка к интенсивности признака совершаемой деятельности, т.е. эквиваленты *сообразительный*, *остроумный*, *понятливый*, *меткий*, *смекалистый* и др. опосредованно включают в себя скорость мышления. Представленные глаголы *пахнуть* – *ráchnout* соотносятся с различным восприятием запаха: в чешском языке речь идёт о негативном ощущении запаха, в русском – о нейтральном.

Остальные примеры Табл. 1 (пункт 3) показывают существенное проявление семантической диффузности, благодаря которой произошло *значительное* расхождение между значениями схожих по звучанию слов: *ягоды* (в чешском языке только *bobule*, причём в сознании чеха скорее всего нельзя говорить о существовании концепта, так широко используемого в русском языке) – *jahody* (чаще всего *клубника*, с различением *zahradní jahody* – клубника, *lesní jahody* – земляника); *лакомый* (*chutný*, *lákový*: в русском языке необходимо обратить

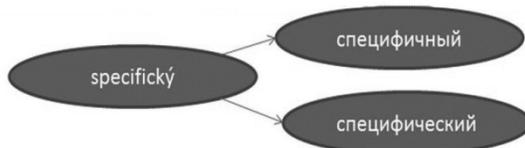
внимание на особую сочетаемость, весьма частотным выражением которой является *лакомый кусочек*) – *lakotý* (*скупой, жадный, скаредный*); *выдавать* (в большей степени эквивалентно 1. *odevzdávat, poskytovat*, 2. *prozrazovat, praskat někoho*) – *vydávat* (чаще реализует значения 1. *издавать* (книги, статьи), 2. *затрачивать средства*).

При неумении или невозможности расшифровать в контексте проявление семантической диффузности часто имеет место среди изучающих язык явление интерференции когда семантика схожих по ряду признаков лексем накладывается друг на друга в родственных языках. При проявлении интерференции возникает ложное понимание воспринимаемой информации или же неправильная передача её.

Несколько размытая граница обнаруживается между межъязыковыми омонимами и паронимами (в их узком понимании). Речь идёт о таких эквивалентных единицах, которые схожи по звучанию, но не тождественны как омонимы. В двуязычном аспекте некоторые из них могут переводиться одной лексической единицей или, наоборот, одной лексеме соответствует несколько схожих по звучанию эквивалентов. Довольно часто такое явление связано с переводом в обоих языках заимствованных слов, например:

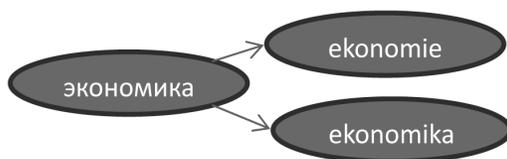

Рис. 3: Паронимия в русских эквивалентах к чешской лексеме *riskantní*. (Подчёркнута ударная гласная.)

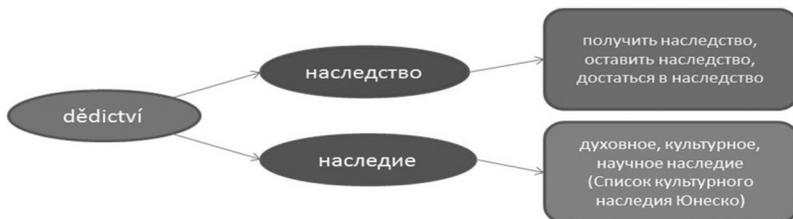
Рис. 4: Паронимия в русских эквивалентах к чешской лексеме *specifický*.

Выбор того или иного эквивалента в приведённых примерах будет продиктован потребностями контекста, синтаксической сочетаемостью данных имён прилагательных, нюансами стилистики и т.д. Следующий пример демонстрирует скорее разницу подходов к терминологии, которая отражается на языковой стороне проблематики при необходимости поиска нужного эквивалента, когда в чешской экономике различаются два родственных понятия: обобщённо *ekonomie* как наука о хозяйствовании и *ekonomika* – само хозяйствование, ведение хозяйства как таковое:

Рис. 5: Паронимия, возникшая под воздействием развития различных точек зрения в подходе к терминологии.

Ещё один пример паронимии, проявляющей себя в эквивалентах, связан с развитием в русском языке двух языковых традиций: древнерусской и старославянско-церковнославянской. Дуализм некоторых форм, который в незначительной степени сохраняется до наших дней, иногда служит для различения возвышенного (книжного) и нейтрального стилей в русском языке. В некоторых случаях, как в нашем нижеследующем примере, это касается также различения конкретного и абстрактного понятий:

Рис. 6: Дистрибуция семантики чешского *dědictví* в русском языке при обозначении конкретного и абстрактного понятий.

С подобным процессом сталкиваемся при сопоставлении некоторых схожих понятий, при передаче которых другим языком важную роль играет синонимия. Касается это как конкретных, так и абстрактных понятий. Также при анализе синонимов, как упоминалось выше, большое значение имеет выделение носителями разных языков того или иного концепта в восприятии мира, а у схожих концептов важны «детали», которые отличают языковой концепт одного языка от другого.

Среди конкретных понятий находим как в чешском, так и в русском языке различную передачу особенностей быта или систематизации некоторых общепринятых явлений. В компаративном плане можем найти случаи «расщепления» семантики. Например, в чешском широко используются лексемы *náměstí* и *náves*, которые русскому были бы без особого объяснения непонятны. Оба слова частично можно отнести к реалиям чешской жизни. Хотя оба можно перевести на русский язык как площадь, всё же в русском ассоциативном ряду площадь связана с городом, а не с деревней, и русскому может показаться вполне необычным, что для деревенской площади или широкого пространства в центре деревни в чешском языке есть особая лексема *náves*, с восприятием которой у чехов связан абсолютно другой ассоциативный ряд, чем у русских. (В данном случае можно говорить о синкретизме в передаче семантики общераспространённого концепта).

Несколько иной пример встретим при необходимости репрезентации лексическими средствами русского языка интернационализма *hotel*. Чаще всего приходят на ум два известных синонимичных эквивалента: *гостиница* и *отель*. В данном случае речь идёт о давно конкурирующих лексемах, на примере которых в узуальном употреблении в последние годы можно демонстрировать предпочтения говорящих. И при обыкновенном поиске в Интернете, обнаружим, что лексема *отель* обрела в русском языке оттенок большей значимости соответствующего заведения и стала использоваться для придания ощущения качества, шарма, шика. Коннотацию «*гостиница за границей, как правило, в развитых странах*» приобрела лексема *отель* уже в период существования СССР.

Разъяснение семантики абстрактных понятий изучающим язык зачастую также вызывает определённые затруднения. К примеру, в чешском восприятии любви важно отличать глагольную конструкцию *mít rád(a)* от глагола *milovat*. Разница – для чеха принципиальная – русскому, начинающему изучать чешский язык, покажется непонятной или тривиальной, поэтому при передаче глагола *любить* русскими

начинающими изучать чешский язык, часты фактические ошибки. К таким же случаям относится известная дифференциация абстрактных понятий русского языка: *добро – благо, истина – правда, лень – неохота* и многие другие⁶.

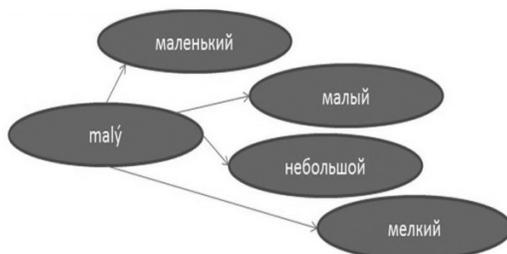
При упоминании о проявлении семантической диффузности в межъязыковой омонимии или паронимии русского и чешского языков мы затронули, прежде всего, фонетико-транслатологический аспект, но важен и лексико-морфологический или грамматический аспект, который в меньшей мере связан с внешней формой лексемы, а скорее касается изменения её грамматических характеристик. К примеру, такой аспект можно демонстрировать при сопоставлении категорий рода и числа у схожих по звучанию имён существительных. У таких заимствований, как *трамвай – tramvaj, пассаж – pasáž, гараж – garáž, информация – informace, спорт – sport* и др., необходимо при их употреблении помнить об отличии грамматических особенностей:

Различия в роде	Примечание	Различия в употреблении числа	Примечание
<i>трамвай – tramvaj</i>	В русском языке – мужской род, в чешском – женский.	<i>информация – informace</i>	В русском языке отдаётся предпочтение единственному числу, в чешском у данной лексемы более частотным является употребление множественного.
<i>пассаж – pasáž, гараж – garáž</i>		<i>спорт – sport</i>	Во множественном числе в русском языке используется выражение <i>виды спорта</i> , в чешском используется <i>sporty</i> .

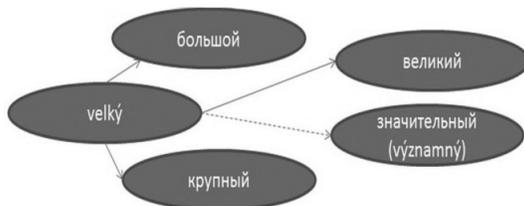
Табл. 2: Грамматические различия некоторых синкретичных лексем русского и чешского языков.

⁶ см. ARTEMOV, A. (2015): Základní lexikální jednotky konceptu 'pracovní činnost' v ruštině v komparaci s češtinou. *AUSPICIA. Recenzovaný vědecký časopis pro oblast společenských a humanitních věd*, č. 2, 2015, str. 82.

Семантическая диффузность несколько иным образом проявляется при необходимости передачи синонимических отношений одного языка лексическими средствами другого языка. В этой связи особо стоит упомянуть о синонимии имён прилагательных и «размытости» их семантики, которая имеет место даже у весьма частотных лексем, таких как *маленький* и *большой*. Если в чешском языке для их обозначения могут служить вполне семантически стабильные (здесь мы имеем в виду бóльшую ясность в употреблении) лексические единицы *malý* и *velký*, то русский язык демонстрирует целую шкалу таких нейтральных лексем, которые «ведут себя» по-разному в разных контекстах, требуют значительной внимательности в отношении их употребления. Объяснение их использования в данном контексте, к сожалению, часто сводится лишь к языковому чутью, стилистической «пригодности», к начитанности или эрудированности изучающего русский язык. Это касается имён прилагательных, показанных на *Рис. 7* и *8*, степень эквивалентности которых чешским прилагательным схематично обозначена близостью или удалённостью от них.

Рис. 7: Основные и наиболее частотные русские эквиваленты к чешскому имени прилагательному *malý*.

Рис. 8: Основные и наиболее частотные русские эквиваленты к чешскому имени прилагательному *velký*.

Безусловно возможно и иное визуальное представление показанных имён прилагательных, причем здесь можно применить и иные эквиваленты к *malý (menší)*, *malý (mělký)*, *malý (větší)* и т.д., но в данном случае это не принципиально. Здесь лишь касаемся проблемы перевода частотных прилагательных русского и чешского языков, которая требует комплексного изучения, а также разработки более подробных учебных пособий, которые помогут изучающим упомянутые языки глубже освоить эту тему.

Остаётся также разобрать случаи, когда происходит нарушение действия семантической диффузности или она не действует вообще.

Нарушение прямого воздействия семантической диффузности происходит при перераспределении информации в словосочетании или в предложении, например: *slavonický podzemní komplex chodeb* – *славоницкий комплекс подземных коридоров*. Произошло перераспределение информации, а с ней и перераспределение семантики отдельных составляющих словосочетания, в итоге уменьшилось прямое воздействие семантической диффузности.

К другим такого рода случаям можно отнести и универбацию, в результате которой происходит частичная или полная трансформация семантики, например: *sázená vejce* – *глазунья, z větší části* – *преимущественно; встать на колени* – *kleknout, снять головной убор (шляпу)* – *steknout* и др.

Нарушение семантической диффузности демонстрируют примеры интерференции значения неопытными пользователями языка, когда, к примеру, разговорное «Железно!» студенты переводят как „*Je to železné!*“, „*Je to z kovu!*“, в лучшем случае „*Je to pevné!*“ вместо „*Platí!*“, „*Stoprocentně!*“. Или же посвящение С. В. Довлатова в повести «Заповедник» «*Моей жене, которая была права*» студенты переводили как „*Mé ženě, která byla ta pravá*“ вместо „*Mé ženě, která měla pravdu*“. Подобные нарушения рассматриваемого процесса происходят и в других случаях, когда речь идёт о лексических единицах, к которым трудно подобрать «прямой» однозначный эквивалент: в фразеологических единицах, проприях, именах собственных, реалиях и т.д., играющих значительную роль в концептуализации языкового видения мира того или иного народа.

Явление семантической диффузности, затронутое нами в данной статье в двуязычном ракурсе, требует ещё более глубокой проработки. Тем не менее уже в этой статье мы наметили основные аспекты проявления данного процесса, в частности в парадигматических связях между лексическими единицами двух языков, представили

многочисленные примеры-иллюстрации. Всеобъемлющий анализ семантической диффузности также ведёт к пониманию механизмов концептуализации действительности в разных языках.

Использованная литература:

- БЕРЕЖАН, С. Г. (1973): *Семантическая эквивалентность лексических единиц*. Кишинёв: Издательство «Штиинца».
- ГАСЕК, Б. Г. (2011): Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки). In: *Материалы международной заочной научно-практической конференции «Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия»*. 03 мая 2011 г. Новосибирск, НП «Сибирская ассоциация консультантов», с. 115–118.
- ДЕНИСОВ, Ю. Н. (2013): О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда. In: *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, №2 (118), с. 169–174.
- ДУДАРЕВА, Я. А. (2011): Особенности семантической структуры слов с диффузным значением (на материале ассоциативного эксперимента со словами-синонимами русского языка). In: *Вестник Томского государственного университета*, №351, с. 19–21.
- ЕРМОЛОВИЧ, Д. И. (2007): «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... In: *Мосты. Журнал переводчиков*, №4(16), с. 33–40.
- ЗАЛИЗНЯК, Анна А. (2004): Феномен многозначности и способы его описания. In: *Вопросы языкознания*, №2, с. 20–45.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н. (2010): *Ассоциативная грамматика русского языка*. Москва: Издательство «ЛКИ».
- КОМИССАРОВ, В. Н. (2005): «Ложные друзья переводчика» в структуре английского высказывания. (К постановке проблемы.) In: *Мосты. Журнал переводчиков*, №2(6), с. 14–17.
- КУЗНЕЦОВ, С. А. (гл. редактор) (1998): *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт». (В тексте используем сокращение – БТС.)
- МАНЕРКО, Л. А. (2000): Новая методика исследования категоризации в лингвистике. In: *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*, №2, с. 39–52.
- ТАРЛАНОВ, З. К. (1988): *Методы и принципы лингвистического анализа*. Петрозаводск: Издательство ПГУ.
- ШКАПЕНКО, Т. М. (2012): Семантическая диффузность в двуязычном аспекте. In: *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, №8, с. 42–47.
- ШМЕЛЁВ, Д. Н. (1973): *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. Москва: Наука.

- ARTEMOV, A. (2015): Základní lexikální jednotky konceptu 'pracovní činnost' v ruštině v komparaci s češtinou. In: *AUSPICIA. Recenzovaný vědecký časopis pro oblast společenských a humanitních věd*, č. 2, 2015, s. 79–90.
- KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (editoři) (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- KIKLEWICZ, A. (2007): *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: Wydawnicza LEKSEM.
- VAVREČKA, M. (2007): *Ruská slovesa a jejich české ekvivalenty*. Brno: Computer Press.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno: Masarykova univerzita.

Kontaktní adresa autora:

Mgr. Andrey Artemov, Ph.D.,
Katedra cizích jazyků,
Ústav podnikové strategie,
Vysoká škola technická a ekonomická v Českých Budějovicích,
Okružní 517/10,
370 01 České Budějovice,
e-mail: artemov@email.vstecb.cz

Светлана Михайловна БЕЛЯКОВА

Россия, Тюмень

О синкретизме коннотативной семантики (август в современном языковом сознании русских)

**On Syncretism of Connotative Semantics
(August in Modern Language Consciousness of Russians)**

Abstract: In the article based on the material of name of one of the months – August – the author discusses characteristics of manifestation of syncretism in the lexical system of the Russian language. The author identifies and analyzes types of connotative semantics (extralinguistic and linguistic), syncretic presented in the word August as a reflection of secondary linguistic interpretation of the world. Considered and the possible use of plural forms of nouns – the names of the months due to their semantic and pragmatic characteristics.

Key Words: Syncretism – connotations – temporality – August – secondary language interpretation of the world – types of connotative semantics.

Явление синкретизма в языках мира, в том числе и в русском, привлекают в последнее время внимание исследователей. Различные аспекты этого феномена, связанные с определением его сути, основных характеристик, специфики проявления на разных уровнях языка, рассматриваются, в частности, в работах В. В. Бузарова, Л. Воборила, И. В. Высоцкой, Н. В. Гутовой, М. В. Пименовой и др. Вслед за И. В. Высоцкой мы понимаем синкретизм как «универсальное средство языка, обусловленное единством чувственного и рационального мышления и проявляющееся в способности языковой единицы выражать комплекс противопоставленных лексических и/или грамматических значений» [Высоцкая 2006]. При изучении синкре-

тизма внимание лингвистов главным образом приковано к грамматическому строю языка, и лишь в незначительной степени – к его лексическому уровню. Однако, на наш взгляд, особенности этого уровня также дают возможность объяснить их исходя из понятия синкретизма. Такой подход предлагается в данной статье, где в качестве языкового материала исследуется коннотативный компонент значения имени существительного с темпоральной семантикой.

Лексические единицы, связанные с обозначением времени, неизбежно имеют многослойную семантику. Это объясняется сложностью самого феномена времени, а также эмоциональным его восприятием сознанием человека. При этом различные лексемы ведут себя по-разному, а некоторые, например, обозначения его отрезков, ошибочно кажутся нам простыми и не обладающими семантической и этнокультурной нагруженностью. В частности, наименования месяцев в русском языке обычно представляются лингвистическим материалом, не вызывающим особого интереса у исследователей. Перед нами замкнутая лексико-семантическая группа, четкое множество, члены которого могут быть просто пронумерованы в соответствии с принятым порядком. Соответствующим образом они и определяются толковыми словарями, например, *август* – «восьмой месяц календарного года» (МАС). Ср. также строку из известной песни А. Дольского: «и кончился месяц под номером восемь». Однако этим самым уже закладывается определенное противоречие (или даже несколько) в существовании и, соответственно, – в описании этого набора лексем. Прежде всего, мы видим четкость границ лексической группы, что встречается в языке чрезвычайно редко. Далее – это моносемантичность слова (в известном смысле это тоже четкость границ, но в пределах одной лексемы), что тоже наблюдается не столь часто. Важным обстоятельством является и то, что, хотя набор и порядок следования месяцев определяет внешний по отношению к языку фактор – календарь, основанный на астрономических наблюдениях, существует и некоторая исторически сложившаяся условность системы. Наконец, на языковые феномены накладывает отпечаток и определенная сакральность календаря, до конца не изжитая и поныне.

Все эти особенности порождают усиление коннотативных компонентов в значении лексемы. В связи с этим нам представляется справедливым заключение Н.Н. Болдырева о существовании первичной и вторичной языковой интерпретации мира. «Результатом первичной интерпретации мира выступают системы так называемой

естественной категоризации..., осуществляемой при непосредственном участии языка и наследуемой языком в виде системы лексических классов и категорий. Объектом вторичной интерпретации являются существующие (и уже представленные в языке) коллективные знания о мире, о категориях объектов и событий. Ее результатом являются новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера...» [Болдырев 2014: 55]. Можно предположить наличие в языке обратно пропорциональной зависимости между денотативной и коннотативной частями семантики, по крайней мере, в словах с темпоральным значением. Вторичная интерпретация в рассматриваемом языковом материале может быть весьма существенна.

При обращении непосредственно к названиям месяцев мы должны, прежде всего, отметить их «равноправие», порядок следования, связанный с астрономическими реалиями и, на первый взгляд, не предполагающий ранжирования. Так, в народном сознании, отраженном в известной сказке, а также пословицах, они называются братьями (все существительные относятся к мужскому роду). Однако даже простейший анализ такого очевидного показателя, как частотность в русских текстах, демонстрирует значительный разброс. По материалам Национального корпуса русского языка (основной корпус), он колеблется в пределах от 17220 употреблений (ноябрь) до 23615 (август) / 23618 (май). В аутсайдерах также февраль с показателем 17524. Наблюдается волнообразное изменение частотности употребления названий месяцев в русских текстах, создающее довольно четкий ритм. При этом отчетливо видна следующая закономерность: высшие точки принадлежат месяцам, заканчивающим сезоны весны (май) и лета (август), а низшие – соответственно зимы (февраль) и осени (ноябрь). Это противоречит представлениям об астрономических точках года, маркированных в традиционной культуре, и может быть обусловлено целым рядом причин. Что касается *августа*, нелишне напомнить, что до петровской реформы календаря в России им заканчивался год, кроме того, в церковном календаре он по-прежнему остается последним месяцем, т.е. это период двойного завершения – лета и года в целом. Терминальные, конечные элементы в рамках какой-либо системы всегда играют особую роль, так как «наиболее значимы в оценке времени границы» [Толстая 1997: 65].

Таким образом, несмотря на типичность и «равноправие», наименование каждого из месяцев обладает собственной спецификой,

складывающейся из нескольких элементов, своим ассоциативным потенциалом. В рамках данной статьи более подробно рассмотрим август.

Коннотативная семантика, наслаивающаяся на денотативную, в наименованиях месяцев (в нашем случае – августа) может быть разделена на несколько типов. То, что синкретично представлено в языке, естественно, поддается лингвистическому анализу. Перечислим их: 1) фенологическая (частично отражающая денотативный компонент или базирующаяся на нем), 2) индивидуально-образная (поэтическая), 3) социально-историческая (социально-политическая), 4) религиозная (христианская). Некоторые нюансы может добавить и внутриязыковая коннотация: фонетическая благозвучность, ассоциации, своеобразие внутренней формы слова. Это можно проиллюстрировать фрагментом известного стихотворения М. Цветаевой:

*Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским...*

Фенологическая семантика представлена, например, в следующих контекстах: *в июле – августе крупные реки мелеют, а мелкие и вовсе пересыхают* (1997); *наиболее часты грозы в августе – до 27 за месяц* (1997); *тот август 1972 года запомнился многим москвичам страшной жарой* (1996); *август стоял прекрасный, солнечный, нежаркий и без дождей* (1970); *август, незаметно оборачивающийся сентябрем. Мое любимое время* (2011) и др. Контексты позволяют разделить их на две группы. В одной фиксируются непосредственно типичные фенологические приметы августа: грозы, звездопады, созревание плодов, постепенный переход от лета к ранней осени. В другой описывается погода августа какого-то определенного года, типичная или отклоняющаяся от некоего стандарта. При этом в целом месяц с этой точки зрения, как правило, оценивается положительно.

Социально-историческая семантика, напротив, в целом характеризуется отрицательной оценкой. Это выражено в расхожем утверждении о том, что август является месяцем катастроф. Действительно, многие исторические и даже трагические события XX века происходили именно в этом месяце. Приведем некоторые контексты, подтверждающие это: *дотянули до августа 14-го года, когда ... началась первая мировая война* (1977); *первую советскую атомную*

бомбу испытали в августе 1949 года (2009); 20 августа, в самый тревожный день путча (1998); в августе 1996-го, когда боевики захватили Грозный (2001); панихида по морякам, погибшим на подводной лодке в Баренцевом море. Август 2000 г. (2000) и другие. См. также прямые рассуждения на эту тему: Можно, конечно, списать последние аварии на известную российскую традицию: каждый август в стране случается какая-нибудь гадость – то подлодка затонет, то дефолт грянет, то ещё что-нибудь случится (2011). Подчеркнем, что здесь говорится о российской традиции, хотя некоторые трагедии явно выходят за пределы нашей страны. Можно говорить и о формировании современной мифологии, связанной, в частности, с рассматриваемым месяцем.

Религиозная (христианская) семантика имеет под собой достаточно оснований, особенно по отношению к августу. Как известно, на этот месяц приходится довольно много христианских праздников: Ильин день, три Спаса, Успение Богородицы, а также Успенский пост. «Все времена держатся на закрепках литургических» (П. Флоренский) – в какой-то мере это актуально и для нашего секуляризованного общества. Соответствующих контекстов в основном корпусе НКРЯ обнаружено не слишком много, однако они есть. Например: *месяц трёх Спасов (2002); сбор войск назначили в Коломне к Успенью Богородицы, то есть 15-го августа (2009); шестое августа по-старому, Преображение Господне (Б. Пастернак).*

Здесь следует упомянуть и о том, что в августе отмечается немало не только религиозных, но и светских праздников. См., например, следующий контекст: *Для всех, кто любит авиацию, август – особенный месяц. Традиционно третье воскресенье августа – День воздушного флота, а 12 августа свой праздник отмечают военные авиаторы (2009).* Таким образом, можно говорить о некоем «праздничном ореоле» этого месяца. Кроме того, в современном языковом сознании это, как правило, месяц отпусков, что кардинально отличается от восприятия, характерного для традиционной культуры и отраженного, например, в словаре В. Даля. См.: *Мужику в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять.*

Сочетание трагического и праздничного ореолов отражено не только в обыденном сознании, но и в поэтическом. Наиболее отчетливо видим это в известном стихотворении А. Ахматовой (отражающем

ее личный жизненный опыт), которое так и называется – «Август» (1957 г.):

*Он и праведный, и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.*

Нелишним будет напомнить, что «понимание праздника как опасного для людей разрыва границы между «тем» и «этим» миром составляет элемент языческой картины мира. По народным представлениям, все праздники опасны, и чем крупнее и «святей» праздник, тем он опаснее» [Толстая 2009: 239]. Отсюда существование различных запретов, связанных с праздничными днями, в частности запрет на работу. Однако вопрос о том, насколько это связано непосредственно с августом, оставляем пока открытым.

Названия месяцев обладают и некоторыми грамматическими особенностями, связанными, впрочем, с их семантической и прагматической спецификой. Так, формы множественного числа этих существительных в речевом узусе практически не используются или используются очень ограниченно. Это любопытная закономерность, которая отчетливо видна на фоне наименований других отрезков времени, в частности, дней недели. Ср. вполне употребительные конструкции типа *Все пятницы у меня заняты* или *Я не люблю понедельники при невозможности* **Все августы у меня заняты* и *сомнительном* **Я не люблю январь*. (Скорее всё-таки будет употреблена конструкция *Я не люблю январь*, где форма единственного числа приобретет собирательное или плюральное значение.) Выборка из Национального корпуса русского языка (основной корпус) показывает, что контексты такого рода единичны. На форму *августы* мы нашли лишь пять примеров (после устранения омонимичных форм), почти все они извлечены из художественных или мемуарных текстов. См.: *Неужели же я не буду отращивать хвосты неделям и часам, августам, декабрям и апрелям?* (Л. Гурченко 2009); *Какое время на дворе? Были ли августы, октябри?* (О. Новикова 1999); *Будут идти дни за днями, августы за августами* (Е. Гинзбург 1967). Причем все эти контексты являются своеобразными размышлениями о времени, его ходе, и словоформа *августы* вполне может быть заменена аналогичной, что размывает ее лексическое значение. Причина такой ущербности парадигмы может заключаться в следующем. Значительность временных отрезков в системе «месяц – год», особенно по сравнению с системой «день недели – неделя»,

мешает языку «увидеть» их типичность. Они, скорее, воспринимаются как нечто уникальное, что и мешает использованию плюральных форм. Очевидно, что и в сфере грамматики мы наблюдаем явление синкретизма, поскольку форма единственного числа совмещает в себе как сингулярность, так и плюральность. См., например: *Каждый год в сентябре я езжу на охоту*. Таким образом, в наименованиях месяцев (и в частности восьмого в календарном году) отмечается специфическое проявление семантического и грамматического синкретизма.

Использованная литература:

- БОЛДЫРЕВ, Н. Н. (2014): *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / изд. 4, испр. и доп.* Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина.
- БУЗАРОВ, В. В. (1996): Синкретизм как равноуровневое средство реализации языковой экономии. In: *Лингвистические категории в синхронии и диахронии*. Пятигорск, с. 19–42.
- ВОБОРИЛ, Л. (2014): Синкретизм в грамматической системе русского языка. In: *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů – 04.–06. 09. 2013*. Olomouc: VUP, s. 9–13.
- ВЫСОЦКАЯ, И. В. (2006): *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка*: дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01. М. (05. 09. 2015), <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/163904.html>.
- ГУТОВА, Н. В. (2005): *Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте*: дис. ... кандидата филол. наук: 10. 02. 01. Новосибирск (05. 09. 2015), <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/219720.html>.
- ПИМЕНОВА, М. В. (2011): Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии. In: *Вопросы языкознания*, 2011, № 5, с. 19–48.
- ТОЛСТАЯ, С. М. (1997): Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре. In: *Культура и история. Славянский мир*. М.: Индрик, с. 62–79.
- ТОЛСТАЯ, С. М. (2009): Праздник. In: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах*, т. 4. М.: Международные отношения, с. 237–240.

Профиль автора:

Белякова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, доцент.

Научные интересы: диалектная и общая лексикология, этнолингвистика, лингвокультурология.

Тюменский государственный университет – 625003

г. Тюмень,

ул. Семакова, 10.

<http://www.utmn.ru>

smbelyakova@gmail.com

Алеш БРАНДНЕР

Чешская Республика, Брно

Выражение целевых отношений в русском языке посредством предложных конструкций – их параллели в чешском языке

The Expression of Purpose Relations in Russian with Prepositional Constructions – their Parallels in Czech

Abstract: Purpose relations in Russian and Czech are primarily expressed in sentences by means of subordinate clauses of purpose. In the simple sentence, they are indicated by adverbial expressions which serve as adverbials of purpose. Adverbials of purpose both in Russian and in Czech are expressed via indirect cases; following verbs of motion also by means of infinitive. In Russian it can occasionally be eligible to insert purpose adverbials into transgressive structures. The article discusses purpose relationships in the simple sentence in Russian expressed by nominal constructions with primary and secondary prepositions. The situation in Russian is contrasted with the situation in Czech.

Key Words: Purpose relationships – adverbial of purpose – adverbial phrases – prepositional constructions infinitive – primary prepositions – secondary prepositions – simple case – prepositional case.

Целевые отношения в русском и чешском языках выражаются разнообразными и многочисленными средствами. Они передаются, главным образом, в сложном предложении; в простом предложении их средством выражения является обстоятельство. Обстоятельства цели указывают на цель, которой субъект старается достичь посредством данного действия.

Репертуар формальных средств для передачи обстоятельства цели в русском и чешском языках весьма широк. Отдельные разновидности базируются на некотором количестве семантических признаков [Horálek 1979: 779; Petr 1987: 105–106; Karlík, Nekula, Rusínová 1996: 469].

В центре нашего внимания будут русские обстоятельства цели, выраженные с помощью падежных форм имен существительных с предлогами. Регулярно будет обращаться внимание на их параллели в чешском языке.

Целевые отношения могут передаваться в русском языке с помощью конструкций с первообразными предлогами *в, для, за, к, на, от, по, под, про, против, с* [Havránek 1961: 453–454].

Для выражения цели действия лица широко используются конструкции с предлогом **для** + N_{gen} в сочетании с глаголом движения, появления. Аналогичная конструкция имеет место при сообщении о действии в пользу кого-либо, чего-либо в сочетании с глаголами широкого назначения. Ср.: *Аспирант собрал весь материал для своей диссертации* – *Aspirant shromáždil veškerý materiál pro svou disertaci*; *Нам нужны деньги для покупки мебели* – *Potřebujete peníze na koupi nábytku*; *Наш профессор поедет в американский университет для чтения лекций* – *Náš profesor pojedě přednášet na americkou univerzitu*; *Я приехал в Прагу для участия в конкурсе на лучший перевод* – *Přijel jsem do Prahy, abych se zúčastnil soutěže o nejlepší překlad*; Предлог **для** + N_{gen} является чаще всего встречающимся предлогом в целевом значении. В чешском языке ему соответствуют конструкции *pro* + N_{ak} , *na* + N_{ak} , а также выражения с инфинитивом. Многие сочетания подобного рода переводятся на чешский язык при помощи придаточного предложения с союзом *aby*.

Большинство обстоятельств цели выражает ожидаемое наличие какого-нибудь события, реализующегося в результате целенаправленной деятельности субъекта. Некоторые разновидности обстоятельств цели передают событие, наступление которого препятствует деятельности субъекта. Для выражения этой семантики употребляются сочетания **против** + N_{gen} (в чешск. яз. *proti* + N_{dat}) или **от** + N_{gen} (в чешск. яз. *před* + N_{inst}). Ср.: *Они выступают против агрессии* – *Vystupují proti agresi*; *Он спас меня от смерти* – *Zachránil mě před smrtí*.

Функцию обстоятельства цели выполняют также конструкции **за** + N_{ak} . Действие здесь реализовано, чтобы помешать другому действию. В чешском языке употребляются конструкции *místo* + N_{gen}

или сходное выражение *za + N_{ak}*. Ср.: *Брат отказался дежурить за меня – Bratr odmítl držet službu za mě // místo mě.*

Для описания семантики цели можно употребить конструкции *к + N_{dat'}*, выражающие ожидаемую реализацию действия / состояния в сочетании с такими глаголами, как *идти, стремиться, призывать, вызывать, собираться, приговаривать* и т. п. [Метс 1985: 274]. В чешском языке им соответствуют сходные выражения. Ср.: *В городе звонили к вечерне – Ve městě vyzváněli k večerní pobožnosti; Мы предоставили свой дом к услугам гостей – Svůj dům jsme dali k dispozici hostům.*

Для выражения собственно целевых отношений употребляются существительные, обозначающие действие, событие, процесс с предлогом *на + N_{ak}* в сочетании с глаголами движения, перемещения, изменения положения, состояния, а также с глаголами *звать, приглашать*. Данные конструкции акцентируют на действии, процессе [Жонхой 2003: 36–38]. Ср.: *Студенты приехали на стажировку – Studenti přijeli na stáž; Каждый день привозили его на допрос – Každý den ho předváděli k výslechu; Я приехал сюда на учёбу – Přijel jsem sem studovat; Маша приехала в Москву на повышение квалификации – Máša přijela do Moskvy, aby si zvýšila kvalifikaci.* Как следует из приведенных примеров, чаще всего встречающимся эквивалентом в чешском языке являются сходные выражения *na + N_{ak}* (реже *k + N_{dat'}*), инфинитив цели и придаточные предложения с союзом *aby*.

Действие, которое реализовано с целью реализации другого действия, можно обозначить также при помощи сочетания *в + N_{ak}*. Эта группа включает ограниченный круг отглагольных существительных со значением процесса, чаще всего в сочетании с глаголами перемещения. Ср.: *Часы я отдал в починку – Hodinky jsem dal na opravu // do opravy.* Такая конструкция лексически ограничена, в ее состав могут входить слова *ремонт, починка, переплёт, химчистка, стирка, набор* и др. Им в чешском языке соответствуют сочетания *na + N_{ak}* или *do + N_{gen'}*.

Обстоятельство цели может выражать пользу от ожидаемой реализации действия. Его позиция может быть занята как названием лица, в интересах которого что-либо совершается, так и предмета, являющегося целью совершаемого действия. Указанный признак реализуются посредством предлога *под + N_{ak}*. Ср.: *Он был выслан сюда под надзор полиции – Poslali ho sem pod policejní dohled; Мы отдавали ему деньги под сохранность – Dávali jsme ti peníze do úschovy; Часть других помещений была занята под другие надобности – Část budov*

byla **zabraná pro jiné účely**. Эквивалентами в чешском языке являются сочетания *pod* + N_{ak} *do* + *pro*_{gen.} + N_{ak} .

В нескольких более или менее устойчивых выражениях значение цели обозначает конструкция с предлогом **pro** + N_{ak} . Ср.: *Pro zapas oni имеют два тяжёлых орудия – V zásobě // do zásoby mají dva těžké kalibry*; *Удержалось у него тысячонок десяток, запряжённых pro чёрный день – Zbylo takových deset tisíc, které si schovával na zlé časy*. В указанных примерах параллелями в чешском языке являются конструкции *na* + N_{ak} *do* + N_{gen} *v* + N_{lok} .

Целевую семантику имеет также предлог **po** + N_{ak} . В качестве главного слова здесь чаще всего выступают глаголы *идти*, *отправиться*, *ступать* и др., в качестве зависимого – существительные с конкретным значением. Эти сочетания передают цель движения для приобретения кого-либо или чего-либо. С такими фразами можно встретиться в сказках или в текстах с фольклорным содержанием. В чешском языке им соответствуют сочетания *pro* + N_{ak} *na* + N_{ak} . Ср.: *Молодая бабёнка po воду пошла – Mladá ženička si (vy)šla pro vodu*; *Вместе они ходили po грибы и po ягоды – Chodili spolu na houby a na lesní plody*. Такие конструкции являются в современном русском языке устаревшими. Они представляют отклонение от литературной нормы. Встречаются они и в современной художественной литературе в устной речи персонажей (ср.: Астафьева 1974, 25). В современном русском языке для выражения данной семантики употребляются глагольные конструкции с предлогом **за** + N_{instr} . Ср.: *Утром мы пойдём в лес за грибами – Zítرا půjdeme do lesa na houby*; *Сестра пошла в магазин за фруктами – Sestra šla do obchodu pro ovoce*. В качестве чешских эквивалентов выступают предлоги *na* + N_{ak} *pro* + N_{ak} .

Однако существительные отвлеченного значения с предлогом **za** + N_{ak} в сочетании с глаголами *стоять*, *бороться*, *сражаться*, *высказаться*, *выступать*, *погибнуть*, *агитировать* и т. п. употребляются для выражения цели-стимула [Метс 1985: 274]. Ср.: *Они сражались за Родину – Bojovali za vlast*; *Все высказались за предложение – Všichni se vyjádřili pro návrh*. Чешскими эквивалентами являются предлоги *za* + N_{ak} *pro* + N_{ak} . В этой конструкции могут выступать также существительные, обозначающие конкретное лицо или предмет в сочетании с глаголами *бороться*, *сражаться*, *заступаться*, *голосовать*, *просить* и т. п. Ср.: *Мать боролась за сына – Matka bojovala za // o syna*; *Жители сражались за родной город – Obyvatelé bojovali o své rodné město*; *Отец заступался за свою мать – Otec se zastával své matky*; *Все голосовали за Иванова – Všichni hlasovali pro Ivanova*. В чешском языке встречаются

сочетания с предлогами *za, o, pro* + N_{ak} , в отдельных случаях – только беспредложное сочетание N_{gen} .

При обозначении движения с целью приобретения кого-либо или чего-либо употребляются конструкции с такими существительными, как *визит, просьба, приказ, жалоба* и т. п. в творительном падеже с предлогом *с* + N_{instr} в сочетании с глаголами движения с приставками *при-, за-*. Ср.: *Премьер-министр Франции прибыл в Москву с дружеским визитом – Francouzský ministerský předseda přijel do Moskvy na přátelskou návštěvu; Посол выступил с жалобой – Velvyslanec vystoupil se stížností.* На чешский язык такие конструкции переводятся в большинстве случаев при помощи *s* + N_{instr} ; в некоторых случаях *na* + N_{ak} , *na* + N_{lok} .

Помимо простых, первообразных предлогов, в русском языке целевые отношения выражаются также при помощи родительного падежа имени существительного с производными предлогами *ради, в честь, во имя, в интересах, в целях, с целью, в знак, в пользу, в поддержку*. В принципе, эти предлоги представляют устойчивые сочетания. Они встречаются в публицистике и в профессиональном общении, откуда проникают в разговорную речь и в язык художественной литературы.

Для выражения цели-стимула употребляются конструкции с существительными, называющими лицо или предмет, в интересах которого совершается действие, в родительном падеже с предлогами *ради* или *во имя*.

Предлог *ради* + N_{gen} выступает в конструкциях с существительными конкретного или абстрактного значения. Ср.: *Он пошёл на это только ради сына – Udělal to jen kvůli synovi; Ради вас я это с удовольствием сделаю – Kvůli vám // Pro vás to rád udělám; Ради урегулирования конфликта мирным путём необходимо начать переговоры – Pro urovnání konfliktu mírovou cestou je nutno zahájit jednání.* Из приведенных примеров следует, что сочетаниям с конкретными существительными в чешском языке соответствуют, как правило, конструкции *kvůli* + N_{dat} , между тем как у абстрактных и отглагольных существительных преобладает предлог *pro* + N_{ak} .

Производный предлог *во имя* + N_{gen} образует конструкции с существительными конкретными, абстрактными и глагольными. От остальных предлогов с целевой семантикой отличается неспособностью сочетаться с именами, обозначающими лицо. Рассматриваемые конструкции указывают на цель производимого действия. В большинстве случаев чешским эквивалентом является секундарный предлог *ve jméni* + N_{gen} . Ср.: *Сколько людей отдали жизни во имя Родины! – Kolik*

lidí obětovalo své životy ve jménu vlasti // pro vlast!; Mapu poměsta podniknut vo imya zašity mīra – Protestní pochod byl podniknut ve jménu obranu míru // na obranu míru. Из приведенных примеров следует, что некоторые конструкции можно перевести на чешский язык как конструкцией с предлогом *ve jménu* + N_{gen} , так и при помощи предлогов *pro* + N_{ak} или *na* + N_{ak} .

Предлог *radi* стилистически нейтрален, предлог *vo imya*, напротив, характерен для книжного и газетно-публицистического стиля речи и может носить торжественный характер.

При сообщении о действии в пользу кого-либо, чего-либо могут употребляться конструкции с предлогом **в знак, в честь, в память, в ознаменование** + N_{gen} в сочетании с глаголами устройства (*устроить, организовать, провести* и их синонимами).

Отыменной предлог **в знак** + N_{gen} указывает на действие с целью обозначения своего положительного отношения относительно объекта; не сочетается с существительными-наименованиями лица. В данных конструкциях чаще всего употребляются существительные, выражающие чувство, эмоции и отношение человека. Приведенным конструкциям соответствуют в чешском языке сочетания с предлогом *na znamení* + N_{gen} . Ср.: *Правительство в знак протеста отозвало своего посла – Vláda na znamení protestu odvolala svého velvyslance.*

Конструкция с предлогом **в честь** + N_{gen} располагает существительными, обозначающими цель мероприятия. Ее семантика – указание на торжественное событие. Ср.: *В честь высокого гостя в Кремле состоялся приём – Na počest významného hosta se konala v Kremlu recepcie.* Чешским эквивалентом данной предложной конструкции является ее дословный перевод *na počest* + N_{gen} .

Реже встречаются предлоги в **память** + N_{gen} и **в ознаменование** + N_{gen} , в конструкциях, которые указывают на торжественное событие, являющееся целью мероприятия. Ср.: *В память жизненного юбилея выдающегося учёного была организована научная конференция – Na památku // K ustění životního jubilea významného vědce byla zorganizována vědecká konference; Состоялся фейерверк в ознаменование годовщины победы над фашизмом – Konal se ohňostroj na oslavu // na počest výročí vítězství nad fašismem.* В качестве эквивалентов в чешском языке выступают выражения с торжественной окраской: *na památku, na počest, k ustění, na oslavu* и др. + N_{gen} . Именная группа *в ознаменование* + N_{gen} синонимична нейтральной группе *для* + N_{gen} и инфинитивному обороту

с союзом „чтобы“. Ср.: в ознаменование праздника – для ознаменования праздника – чтобы ознаменовать праздник [Жонхой 2003: 35].

Для выражения целевых отношений значительно реже употребляется производный предлог **в интересах** + N_{gen} . Данная конструкция указывает на предмет или лицо, в пользу которого совершается целенаправленное действие. В чешском языке наблюдается его дословный перевод *v zájmu* + N_{gen} . Ср.: *Все работают в интересах нашего народа – Všichni pracují v zájmu našeho lidu.*

Для передачи цели действия лица в официально-деловом и научном стилях речи широко употребляются предлоги **в целях, с целью** + N_{gen} [Bauer, Mrázek, Žaža 1960: 306]. Ср.: *Спасатели приехали с целью оказания помощи – Záchranáři přijeli za účelem poskytnutí pomoci; Этот договор был подписан в целях укрепления взаимоотношений между нашими странами – Tato smlouva byla podepsána za účelem // s cílem // v zájmu upevnění vzájemných vztahů mezi našimi zeměmi;* Дословным чешским эквивалентом данного предложного сочетания являются выражения *za účelem, v zájmu, s cílem* + N_{gen} .

Круг непервообразных предлогов с целевой семантикой сочетается с родительным падежом. Все эти предлоги и образования предложного характера имеют собственные значения. В большинстве случаев это однозначные лексические единицы. Семантика сочетания родительного падежа с таким предлогом определяется его лексическим значением [Шведова 1980: 439]. К однозначным предложно-падежным сочетаниям с семантикой цели можно также отнести предлоги **в пользу** + N_{gen} и **в поддержку** + N_{gen} с семантикой обозначения сообщения о действии в пользу чего-либо или кого-либо. Ср.: *Дело было решено в пользу истца – Záležitost se řešila ve prospěch žalobce; В поддержку мирных предложений выступают массы трудящихся – Na podporu mírových návrhů vystupují masy pracujících.* Сочетания в приведенных примерах переводятся на чешский язык дословно – *ve prospěch, na podporu* + N_{gen} .

Использованная литература:

- АСТАФЬЕВА, Н. И. (1974): *Предлоги в русском языке и особенности их употребления.* Минск: Высшая школа.
- ЖОНХОЙ, Ч. (2003): *Целевые отношения и способы их выражения в современном русском языке.* Москва: Компания Спутник.
- МЕТС, Н. А. [ред.] (1985): *Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов.* Москва: Русский язык.

- ШВЕДОВА, Н. Ю. [ред.] (1980): *Русская грамматика II. Синтаксис*. Москва: Наука.
- BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- HAVRÁNEK, B. [eds.] (1961): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- HORÁLEK, K. [eds.] (1979): *Русская грамматика 2*. Praha: Academia.
- KARLÍK, P., NEKULA, M., RUSÍNOVÁ, Z. [eds.] (1996): *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Lidové noviny.
- KUBÍK, M. [eds.] (1982): *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- PETR, J. [eds.] (1987): *Mluvnice češtiny 3*. Praha: Academia.

Профиль автора:

Doc. PhDr. Aleš Brandner, CSc.

Na svém pracovišti koná přednášky a semináře z normativní a historické mluvnice ruštiny. Jeho odbornou specializací je výzkum historického vývoje mluvnického systému ruštiny a dějin spisovné ruštiny. K dalším odborným zájmům patří otázky morfologie současné ruštiny s přihlédnutím k aktuálním vývojovým tendencím.

Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně
Arna Nováka 1
CZ-602 00 Brno
www.phil.muni.cz/šusů
brandner@phil.muni.cz

Ван И-ЦЗЮНЬ (Wang Yi-chun)

Тайвань, Тайбэй

Контраст как средство характеристики персонажей в рассказе Дины Рубиной «Любка»¹

**The Contrast's role in creation of portraits of characters:
D. Rubina's story of "Lyubka"**

Abstract: Contrast can strength the presentations of roles' image, augment the expressions of inner minds of roles. The usage of contrast not only appeal to readers' emotion, but also bring in the idea of story and convey the portraits to readers. In article one of effective author's methods of Dina Rubina in her short story "Lyubka" – creation of bright portraits of the main characters by usage of contrast is considered. This paper studied the stylistic devices related to the antithesis between roles and concluded the unique features of stylistic devices in portraits of characters in "Lyubka".

Key Words: Dina Rubina – Lyubka, contrast – story's character – stylistic device – literal imagery – portraits of roles – inner mind – externals – emotion.

1. Использование контраста позволяет раскрыть идею произведения и оказать эмоциональное воздействие на читателей, придать особую яркость впечатлению от прочитанного. В лингвистических кругах контраст понимается неодинаково. Мы понимаем контраст как «композиционно-стилистический принцип развертывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических, а также структурно-стилистических планов изложения» [РЯЭ 2003: 115].

---

¹ Данная статья выполнена при поддержке Ministry of Science and Technology (грант MOST 104-2410-H-034-024).

Наше исследование посвящено лингвостилистическому аспекту контраста как средству характеристики персонажей в рассказе Дины Рубиной «Любка».

В «Любке», написанной в начале перестройки, Д. Рубина возвращает нас в 1952 год, конец эпохи Сталина... Докторша-еврейка Ирина Михайловна по причине своей национальности и врачебной профессии потеряла работу, пережила предательство коллег. Оказалось, что именно Любка, человек с криминальным прошлым, умеющая быть благодарной, поддержала Ирину в трудную минуту. В рассказе «Любка» показано, что высота человеческого духа, а также его низость и подлость вовсе не зависят от образования, должности, профессии.

2. Изображение персонажа обычно идет в двух направлениях – описание внешнего в образе героя и показ его внутреннего мира. Оба они в художественном целом, несомненно, связаны [Селиверстова 2001: 128]. Контраст деталей внешнего мира реализуется через изображение наружности, одежды, речи, поведения, семьи и др. Так, явной непривлекательности докторши, чем, вероятно, и объясняется отчасти ее одиночество, противостоит дерзкая красота Любки. Ср.: *«Докторша некрасивая, веснушчатая. Губы мягкие, пухлые, глаза перед всеми виноватые»*, и обращающий на себя внимание нос: *«Нос [Ирины] не то чтобы очень велик, но как-то вперед выскакивает: Я, я, сначала – я! И все лицо скроено так, будто тянется к человеку с огромным вниманием»*. Д. Рубина акцентирует через сравнение не только деталь внешности, но и важную черту характера: *тянется к человеку со вниманием* – это проясняет и некоторые повороты сюжета – приглашение в дом малознакомой и с неприятным прошлым женщины, беспокойство Ирины за судьбу Любки, продолжающей общаться с врачом-еврейкой.

В описании Любки автор неоднократно подчеркивает одну деталь: *«Надо же – щеки впалые, плечи костистые, <...> а ноги – даже странно – что там твоя Психея!»*. Избрав однажды вектор сравнения *«ноги как у богини Психеи»*, известной прежде всего по дошедшим до наших дней античным мраморным скульптурам, Д. Рубина продолжает его развивать, привлекая различные определения: *«Кондакова <...> косилась на Любкины босые, мраморной красоты, ноги»*. *«Любка домывала в комнате пол, <...> мелькая в сумерках высокими, античной стройности ногами»*.

Глаза героинь – это зеркало души – постоянно в поле зрения автора. У маленькой Любки глаза были милые и чистые: *«бездетной Катьке*

[приемной матери] *приглянулась синеглазенькая прозрачная девчонка*». У взрослой Любки глаза упрямые, настойчивые, иногда опасные, как и она сама: «Любка была страшна, <...> *искрила глазами*». «Любка выпрямилась, одернула юбку, *нехорошо сощурил глаза*...».

У Ирины глаза виноватые: «Ирина подалась к ней [Мосельцовой] *бледным внимательным лицом. Это проклятое, виноватое от природы выражение глаз!*». Закатившиеся, безжизненные глаза как знак отсутствия жизни – у Иры, услышавшей от коллег и пациентов намек на «шпионских наймитов», к которым причислили и ее саму: «Ирина *мотнула головой, <...> задремезжала, как холодец, и, обморочно закатив глаза, повалилась на Любку окоченевшим телом*».

3. Речевая характеристика персонажей складывается из двух аспектов – во-первых, из авторского комментария, сопровождающего прямую речь и характеризующего ее прежде всего с эмоциональной стороны: «Ирина *подвинула Любкин паспорт к майору и сказала виновато: “– Ну, обворует – я к вам приду...”*». Весьма показательны авторские ремарки к речи Любки: «Ей нельзя мешать, а то она *огрызнется: “Да Ринмихална! Не дергайте меня, Христа ради, я ж считаю!”*».

Во-вторых, ярким характерологическим средством является собственно-прямая речь, воплощенная в диалоге или монологе языковая личность. Е. В. Осетрова отмечает важность речевого портрета как составляющей облика говорящего, участвующей в формировании целостного образа личности [Осетрова 1999: 59]. Ирина беспокоится за Любку, проявляет заботу о ней: «Люба... *Вы не представляете, какой это тяжелый хлеб – труд обдирищиц. Через месяц вы рук своих не узнаете*». «*Вы человек талантливый, Люба, сильный. ...Определю вас в вечернюю школу. А потом – в медучилище...*».

Речевая характеристика героя включает в себя и внутреннюю речь. Сознвая слабость своего характера, Ирина терзается в разгар «дела врачей» неумением сохранять лицо и ставить на место таких, как завистливая и мстительная Мосельцова: «*Как, как заставить себя быть непроницаемой? Мама умела оборвать таких, как Мосельцова, одним словом...*». Напротив, в очередном конфликте с соседкой Кондаковой грубый монолог Любки, как ягоды листочками в корзине, был пересыпан отборнейшим, великолепным, многоступенчатым матом: «<...> *ты [Кондакова] у меня ползком вокруг собственной жопы ползать будешь... Настучишь – хорошие люди в могиле достанут...*».

В рассказе речь Любки выдает привычку командовать, ее решительность и некоторый авантюризм: *«Ринмихална! Гоните-ка восемьдесят рублей!»*. А в словах Ирины заметно ощутима уклончивость, деликатность, сомнение: *«Люба, у нас же до зарплаты всего сотня осталась...»*. Любка непреклонна: *«Не жмитесь, выкрутимся!»*.

Комична история с продажей соседкой шубы. Нерешительная Ирина просит у знающей Любки «санкции» на приобретение: *«Люба, вот шубу у Екатерины Федоровны покупаем, совсем недорого»*. Кондакова, опасаясь вмешательства опытной Любки, едко комментирует: *«А вы, Ирина Михайловна, всегда теперь у домработницы спрашиваетесь позволения на покупки?»*. Ее предчувствия не напрасны: шуба проверки на прочность и качественность не выдержала.

4. Семья, воспитание и условия жизни определили социальный статус Ирины и Любки: одна – «воспитанная девочка из ученой семьи» – такое впечатление она производит на Любку при первой встрече; вторую родная мама из раскулаченных отдала паре профессиональных воров за *«буханку хлеба, три селедки, головку чеснока и большой кусок мыла»*.

Ирина выросла в семье врачей. Любка же – бандитка, воровка, зэчка, вышедшая из тюрьмы, с наколками на ногах и соответствующими ухватками. Одна в белейшем халате с «уютно вышитыми» шелком инициалами, вторая – в куцой линиялой зеленой кофте, кроме которой у нее ничего нет – *«ни чемодана, ни узелка»* – так явилась Любка к Ирине *«буквально в чем мать родила»*.

Итак, противоречие как положение, «при котором одно исключает другое» [Кузнецов 2000: 1032], кроется во всем: с одной стороны, в прошлом стабильная, сытая, приличная жизнь – с пошивом одежды у портнихи, а с другой – голодное криминальное детство, домушники, вокзалы, банда и... срок.

5. Контрастны соединенные судьбой характеры, представляющие как совокупность психических особенностей, действий и поступков, из которых складывается в целом личность человека. Послушной и бездумной дочерью Ирина была при мужественной и сильной маме (*«Как ты не понимаешь, Ирина! Сейчас захолустье для нас – спасение... Ничего. Подхвати живот, поедем»*). Так что подхватили живот и прибыли «по месту распределения»). Любка была независимой уже и в семье сво-

их приемных родителей: «... характер у Любки вырисовывался лютый, никто ей был не указ и не начальник...<...>».

Ирина несамостоятельна. Когда крепкий человек – мама – в несколько минут умерла, то Ирина, дипломированный врач, долго ползала вокруг нее, «как медвежонок вокруг убитой медведицы, оглашая воем квартиру, пытаюсь делать искусственное дыхание, не понимая, почему у мамы нет пульса и вообще ничего нет».

Наоборот, когда Штырю, приемного отца Любки, «хватила кондрашка и он, распластанный и мычащий, остался на Катькиных руках помирать и пачкать, Любка спокойно и властно взяла “дело” на себя».

Доверчивость Ирины – это доверчивость непуганого человека, не видевшего до некоторого времени необходимости опасаться чего- или кого-либо; это во многом определяет ее характер: «При маме Ирине ничего не было страшно, Ирина выросла в уверенности». Вот почему она предложила незнакомой молодой женщине пойти к ней в няни – «будто Любкина биография началась в кабинете медкомиссии».

Любка, с ее чутьем и жизненным опытом, недоверчива, осторожна и даже бдительна: «Любка настороженно помалкивала, соображая, какого рожна заботливой докторше надо». И для начала обещает подумать над ее предложением.

Разница в характерах хорошо видна в поступках. Наивностью и непрактичностью Ирины ярко оттеняется практическая сметка Любки: «Ну что ж вы, Ринмихална, как ребенок, в самом деле! ... Любая сволота вас облапошит...». Любка разбирается в жизни лучше Ирины и гораздо толковее обращается с деньгами: знает, на что и когда потратить, а когда и придержать («Аванс и получку Ирина отдавала теперь Любке с огромным облегчением, как раньше – маме»), и поучает легкомысленную Ирину: «Вы, Ринмихална, денег в шкафу, в белье, не держите. <...> Нельзя так простодушно жить». Любка, наоборот, в отношении к деньгам предельно серьезна и даже комична, когда увлеченно раскладывает веером на столе «небогатую получку Ирины и <...> долго передвигает туда-сюда бумажки, словно пасьянс раскладывает».

6. В рассказе Д. Рубиной для описания эмоционального состояния Любки часто привлекаются невербальные компоненты. С помощью невербальных средств – мимики и жестов – можно передавать свое отношение к предметам, объектам, явлениям окружающего мира, к тому или иному положению дел [Кильмухаметова 2007: 67]. В создании образа Любки участвуют описания действий, поступков, отноше-

ния героини к людям и окружающей среде, в которых проявляется ее ироничный, независимый, авантюрный характер. Например: «Любка **отерла руки и твердо вошла к Кондаковой. Молча стянула с плеч Ирины шубу, раскинула на руках, пощупала, дунула на мех**». «И Любка молчала, **сжав кулаки, глядя перед собою со странным выражением вдохновенной ненависти. Так, может быть, смотрит кровник, только что убивший закланного врага семьи**».

Шкала показанных автором чувств и эмоций Ирины более широка. Для нее характерны размышления, сомнения, рефлексия, переживания: «Пока шла домой, **мучительно размышляла – как себя с Любкой держать**». «Ирина **растерялась, вспыхнула, возмутилась**: “неужели Любка в шкафу рылась?”». Заметно преобладание состояний растерянности, страха, беспокойства.

7. Итак, социальные условия и конкретные жизненные обстоятельства влияют на выбор жизненного пути и формирование характера. Перед нами два персонажа: законопослушный и мятежный, несамостоятельный и независимый, вежливый и грубый, мирный и воинственный, наивно-доверчивый и мнительно-осторожный, приземленный и авантюрный, которые дополняют друг друга во многих смыслах. Незаметная еврейская интеллигентная молодая женщина Ирина, тепличный цветок, нуждающаяся в опоре, и битая жизнью Любка – талантливая, смелая, яркая, находчивая, способная на большую любовь и привязанность. Вероятно, не случайно и имя героини Любовь, любовь, которой она согрела и спасла Ирину и ее дочь.

Использованная литература:

- КИЛЬМУХАМЕТОВА, Е. Ю. (2007): Аксиологический потенциал невербальных средств (на материале современной французской художественной литературы). In: *Вестник Томского государственного университета*, 2007, М-во образования Рос. Федерации, Том. гос. ун-т. – Томск : Том. гос. ун-т. Выпуск № 295, с. 67–71.
- КУЗНЕЦОВ, С. А. (2000): *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
- ОСЕТРОВА, Е. В. (1999): Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания. In: *Лингвистический ежегодник Сибири*. Под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 1999, вып. 1./ Краснояр. гос. ун-т., с. 58–67.
- РУБИНА, Д. (1987): *Любка. Когда выпадет снег: Рассказы. Повести*. Екатеринбург: У-Фактория. <http://www.lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/lubka.txt>.

РЯЭ (2003): *Энциклопедия «Русский язык»* М.: Большая Российская энциклопедия.

СЕЛИВЕРСТОВА, Е. И. (2001): Сопоставление и контраст как средство характеристики персонажей В. Токаревой. In: *Hwa Kang Journal of Foreign Languages & Literature*. Chinese Culture University, Vol. 8., 2001, p. 125–142.

Профиль автора:

Associate professor Wang, Yi-chun, Ph.D.

Является преподавателем факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры в г. Тайбэй, читает лекции по морфологии, русской истории.

Сфера научных интересов – паремиология, англоязычные заимствования, а также стилистика современного русского языка.

Полный адрес университета:

55, Hwa-Kang Road,

Yang-Ming-Shan,

Taipei,

Taiwan 11114,

R. O. C. Chinese Culture University.

Department of Russian Language and Literature (Факультет русского языка и литературы, университет китайской культуры)

www.pccu.edu.tw

dorochka.w@gmail.com

Франтишка ВИТКОВСКА-МИХНА

Польша, Ополе

Язык до Киева доведёт: языковая коммуникация в области туризма

Asking for and giving directions: language communication in the area of tourism

Abstract: The paper covers the issues related to the intercultural communication in the area of tourism. The problems of linguistic communication are considered from the point of view of the adequacy of the translation of texts or statements related to the promotion of a country, a region, a place and a tourist objects into Russian or German. Historical information included in the texts of tourist guides appears to be an important matter in this area, because in the historiography of particular linguistic and cultural areas of language, there are noticeable differences in perception and interpretation of some historical facts. A notable issue is the adequacy of the translation of proper names relating to historical toponyms, names of landmarks and other elements of the culture of the region.

Key Words: Tourism – linguistic communication – globalization – the adequacy of the translation – historical fact – proper names – culture code – tourist guide – linguistic and cultural community – element of culture.

В эпоху глобализации и общемировой информатизации часто складывается впечатление, что пословица *Чужая сторона прибавит и ума* [Styruła 2003: 750] потеряла свою актуальность. В различных уголках мира встречаем одинаковые гостиницы, отели, покупаем идентичные по форме сувениры, отличающиеся только рисунком, утром получаем идентичный континентальный завтрак и т.д. Однако глобализация охватывает не только материальный фрагмент окружающей нас действительности. Глобальной является в настоящее время и информация. Благодаря Интернету можем приобрести знания на любую тему отно-

сительно любой страны, любого района или города, можем посмотреть снимки и фильмы из самых отдаленных уголков планеты. Глобализация информации усиливается также благодаря все более совершенным онлайн-переводчикам.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «надо знать чужие культуры, культуры нашего времени и прошлого, надо много путешествовать, не обязательно «ногами», переезжая с места на место, из одной страны в другую, но «путешествовать» по книгам, с помощью книг, с помощью своей собственной интеллектуальной подвижности и гибкости» [Лихачев 1983]. Сегодня у молодого поколения книга уступила место компьютеру, но суть приведенных слов осталась такой же. Перед тем как отправиться в путешествие, мы собираем как можно больше информации о местах, которые мы намерены посетить. Просматриваем печатные издания: каталоги, путеводители, рекламные листовки, но информацию, прежде всего, получаем из Интернета на сайтах турагентств, отелей, тематических форумов и в блогах, ведь ***Спрос все укажет*** [Даль 1989: 242]. В справочных материалах встречаем информацию о странах, регионах, городах, об их истории и настоящем. Эту информацию читаем в основном на родном языке (часто, однако, текст является автоматическим электронным переводом). В текстах, описывающих историю интересующего нас пункта, встречаем названия исторических событий, которые не всегда нам понятны. Причины этого разные. Читая информацию о чужой стране, мы касаемся другого лингвокультурного пространства.

Говоря о лингвокультурном пространстве, необходимо обратить внимание на понятие кодов культуры, так как они глубоко зафиксированы в языке данного лингвокультурного сообщества и в языковом сознании членов данного общества. По определению В. Красных, «код культуры есть «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. (...). Коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Хотя коды культуры свойственны человеку как *homo sapiens*, хотя по своей природе они универсальны, но их проявление в дискурсе детерминировано и обусловлено конкретной культурой» [Красных 2003: 297–298]. Различаются следующие коды культуры: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [за Красных 2003]. Духовный код культуры безусловно связан с историческим дискурсом в условиях межкультурной коммуникации, чему мы бы хотели уделить особое внимание.

В настоящее время в лингвистике и лингводидактике активно используется когнитивный метод исследования языковых явлений, в контексте которого язык исследуется как система знаний человека о мире. «И если общество как таковое обладает значением слов, то конкретная личность включает полученные значения в свои деятельности, на основе чего возникают отношения к значению» [Красных 2003: 34], приобретенному человеком в процессе социализации. В историческом дискурсе в условиях межкультурной коммуникации в любом месте большую роль играют знания важнейших социальных, экономических, исторических и др. проблем. Дискурс понимается как социальная деятельность в условиях реального мира и имеет два плана: собственно лингвистический и лингво-когнитивный [Красных 2001]. Второй план «связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [Красных 2003: 201]. Изучение культурного пространства коммуникантом из другого лингвокультурного пространства помогает устранить коммуникативные барьеры, в частности интеллектуальные (языковые и информационные) и интеракционные (социальные и межкультурные) [Вавречка 2000].

Собирая предварительную информацию о целевом пункте своей поездки, потенциальный турист встречает непонятную для себя информацию, относящуюся к различным областям жизни, в частности, к историческим фактам данного сообщества. Причиной затруднения в понимании этой информации может быть простая нехватка знаний об истории данной страны, а отсюда – незнание элементов когнитивной базы того национально-лингвокультурного сообщества, которого касается содержание текста.

В этом отношении необходимо затронуть проблему так называемых *лакун*. Этим понятием определяются те факты культуры, которые не существуют в другой национальной культуре и в речи данной лингвокультурной общности. Это своеобразные лексические пробелы, непосредственно связанные с внеязыковой национальной реальностью, с различиями этнолингвистического и национально-культурного плана. В собранном нами материале отмечаем, что некоторые факты из польской истории не фиксируются ни российской, ни немецкой историографиями, поэтому не имеют своих языковых соответствий, например: *pakt lanckoroński*. *Lanckorona* / *Landskron* / *Ланцкорона* – это небольшая местность в южной части Польши недалеко от Кракова.

Хотя местность небольшая, она является целью многих туристических поездок благодаря своим достопримечательностям и уникальному ландшафту. В некоторых информационных материалах даётся ссылка на факт польской истории, на *pakt lanckoroński*. Эта единица языка на русский и немецкий переводится путем калькирования (*Ланцкоронский пакт / Landskroner Pakt*), но рядовому туристу без дополнительного комментария ее смысл непонятен. В электронном переводе данная единица в тексте появляется как *Lanckoroński пакт* и как *Lanckoroński Pakt / Lanckorona Pakt* (в зависимости от вида транслятора). Название местности зафиксировано в немецком трансляторе [<http://www.bing.com/translator/>] как *Lanckorona*, в русскоязычном как *Lanckorona* [<http://www.prof-translate.ru/>], причем здесь нет возможности прослушать произношение.

Просматривая путеводители, к примеру, по городам Торунь или Мальборк, турист найдет в историческом описании этих городов понятие *zakon krzyżacki / тевтонский орден / Deutscher Orden*. В исторической памяти поляков этот орден соотносится с агрессией и воспринимается как синоним насилия и экспансии. В обиходной польской речи он именуется *krzyżacy*, поскольку его члены носили на плащах черное изображение креста. В русском языке *крестоносец* – это «Участник крестового похода (первоначально имевший на своей одежде крест из красной материи)» [<http://www.gramota.ru/>]. Значение русского слова гораздо шире, чем польского, так как оно относится и к рыцарям других орденов, участвующих в крестовых походах. Другие ордены тоже пользовались символом креста, в частности, *templariusze / Templarorden / Тамплиеры* или *joannici / Joanniter / иоанниты*. Поэтому для россиянина более адекватным определением в этом контексте была бы единица *тевтонский орден*.

В информационных материалах трудности представляет передача на иностранном языке и названий некоторых достопримечательностей. Например, в Познани в старом городе находятся так называемые *domki budnicze*. Это жилые двух- или трехэтажные, узкие дома мелких торговцев XVI века, которые называли *budnicy*. Это название произошло от того, что они торговали рыбой, солью, свечами в небольших лавках – *budach*. В буклетах на русском языке данные объекты определены как *будничьи домики*, хотя этот трансланд не соответствует польскому транслату. В «Словаре русских фамилий» слово *будник* толкуется следующим образом: «На Украине будник – работник на буде, то есть поташном заводе. В старой России будник тот, кто будничает, то есть

работает во время праздников. Это, разумеется, делалось из крайней нужды» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/1655>]. Слово **будник** встречается только в этом словаре. В польском языке первое значение слова **budnik** тоже связано с профессиональной сферой, хотя десигна-ты в обоих языках разные. **Budnicy** – это в бывших польских реалиях свободные наемные лесорубы. Из-за того, что они постоянно передвигались, **budnicy** жили во временных постройках, чаще всего это были курные избы, которые называли **budy**. Как следует из вышесказанного, русскоязычный турист получает в буклете неадекватную информацию. В таких случаях надо перед таким эквивалентом дать пояснение, например: **мещанские дома, называемые в Познани «будничие дома»**. В немецкоязычном буклете употреблено в этом случае как эквивалент слово **Giebellhäuser**, значит, дома с двухскатной крышей. Здесь переводчик решил принять в основу трансланда тип постройки, а не владельца, хотя в немецком языке существует эквивалент слова **budnik** с пометкой *przestarz.* – устаревшее: **Krambudenbesitzer** [Pipek, Ippoldt 1990: 110].

Во всех материалах, предназначенных для туристов, встречаем много топонимов исторического характера, в частности, названий государств прошлых времен. Подбор эквивалентов к именам собственным является очень сложной проблемой, хотя, казалось бы, здесь достаточно применить всего лишь соответствующее заимствование или адаптацию названия. Однако до сих пор в Польше нет переводного словаря для трех интересующих нас языков, посвященного историческим топонимам. Сложность проблемы иллюстрирует название польского государства в прошлые эпохи. Для подбора соответствующего эквивалента необходимы знания по истории, умение отобрать соответствующие источники, особенно на целевом языке. Польское государство в течение его истории имело разные названия: до XIII века в письменных источниках употреблялись латинские названия, происходящие от названия племени **поляне** (**Polanie** – **Polania**, **Palania**, **Polenia**, **Bulania**). Название **Rzeczpospolita** впервые употребил Винцентий Кадлубек в начале XIII века. Слово **Rzeczpospolita** обозначает общую для всех вещь и является калькой латинского словосочетания **res publica**. Определение **Republika** в польской традиции по отношению к названию государства никогда не употреблялось. С течением времени общепринятое название со словом **Rzeczpospolita** принимали формы: **Rzeczpospolita**, **Rzeczpospolita Obojga Narodów**, **Rzeczpospolita Królestwa Polskiego**, **Pol-ska Rzeczpospolita Ludowa**, **Rzeczpospolita Polska**. В других названиях

слово *Rzeczpospolita* не выступает. В материалах для туристов, в части исторических обзоров, к каждому из этих топонимов предлагаются эквиваленты: *Республика Польша* (что не всегда адекватно историческому периоду и принятым в российской историографии принципам), *Речь Посполитая*, *die Republik* (с расширением *Polen*, если определение относится к современному периоду). К определениям *Rzeczpospolita Obojga Narodów*, *Rzeczpospolita Królestwa Polskiego* ни в одном из интересующих нас языке не употребляются точные кальки польского названия.

Говоря о топонимах и их эквивалентах в переводных рекламных материалах, необходимо обратить внимание на названия местностей. В русскоязычных текстах названия таких польских объектов транслитерируются. В свою очередь, в немецкоязычных, издаваемых в Польше, топонимы употребляются в основном в оригинале, хотя в немецком языке есть свои общепринятые названия, например: *Ostróda – Ostrode*, *Elbląg – Elbing*, *Olsztyn – Allenstein* и др. Только в отдельных случаях в текстах в скобках дается немецкое название, например: *Wielkopolska (Großpolen)*.

Анализируя тексты рекламных материалов с точки зрения имен собственных, следует отметить способы передачи в переводных текстах названий отелей и предлагаемых там услуг. В этом фрагменте анализа будем брать во внимание не иностранные названия отелей и гостиниц мировых сетей, а объекты, связанные с традицией и историей региона.

Одна из рекламных листовок предлагает гостиничные услуги исторического объекта в поселке Антонин. Это *Pałac Myśliwski Książąt Radziwiłłów*. В немецкоязычных буклетах и листовках употреблен эквивалент названия в форме *Das Jagdschloss der Radziwiłł's*. Рядовому немецкоязычному туристу фамилия *Radziwiłł* ничего не скажет о значении этого рода для польской истории, хотя можно догадаться, что ее члены принадлежали к тогдашней общественной элите. Поэтому стоило бы сохранить и в немецком эквиваленте княжеский титул. В рекламе этого отеля на русскоязычных порталах (листовок на русском языке нет) употребляется оригинальное польское название, и лишь в описании отеля дается информация, что это за объект: «*летний палац построен для князя Антония Генрика Радживилля*» [http://www.hotelp.l.com/ru/gorod_antonin].

На представленных выше примерах мы вкратце продемонстрировали сложности перевода и понимания иностранного текста, предназначенного для туриста (или потенциального туриста) и содержащего

названия исторических событий, достопримечательностей и имен собственных. Однако этими проблемами их перечень не ограничивается.

Еще одна существенная проблема, с которой сталкивается иностранец, – это знакомство с национальной кухней, являющейся одной из особенностей культуры данной страны. Национальная или региональная кухня – это результат исторического прошлого и настоящего. Туристы посещают рестораны, кафе, бары и т.п., сталкиваясь в них с репрезентативными для польской вообще или региональной культуры блюдами как неотъемлемыми ее элементами. Многие названия национальных блюд рядовому туристу непонятны, так как во многих гастрономических заведениях нет меню на иностранных языках. Но даже там, где деятельность и политика таких мест ориентирована на иностранных туристов и есть меню на иностранном языке, названия многих национальных блюд далеко не всегда переданы адекватно. В большинстве случаев дается оригинальное название и описание ингредиентов на данном языке. В русскоязычных и немецкоязычных путеводителях и на страноведческих сайтах некоторые типичные польские блюда, такие как, например: *gołąbki*, *czzerwony barszcz*, *żur*, *bigos*, *babka ziemniaczana*, *kiszka ziemniaczana*, *pierogi*, *rolady*, *flaki*, *czernina* и др., передаются в основном в виде транслитерации с краткой характеристикой блюда, например: «*Голабки – аналог наших голубцов; фляки – блюдо национальной кухни Польши, представляющее собой суп из полосок говяжьего рубца с добавлением овощей и специй; бигос – капуста, тушенная с несколькими видами мяса*» [<http://turizmik.ru/flow/kuhnja/post/osobennosti-nacionalnoj-polskoj-kuhni-6204/>].

На многих немецкоязычных сайтах рядом с польским названием блюда (названия даются на языке оригинала или в транслитерации с учетом произношения) применяется чаще всего перевод названия или подбор названий аналогичных немецких блюд, например: *kiszka ziemniaczana* – *Kartoffelwurst*; *babka ziemniaczana* – *ein Kartoffelkuchen Kartoffelkuchen (aus geriebenen Kartoffeln)*; *zrazy wołowe* – *Rinderrouladen*; *gołąbki* – *polnische Tauben / polnische Kohlrouladen / Krautwickel*; *barsch* – *klare Roterübensuppe*; *pierogi ruskie* – *Pierogen / Pirrogy mit Käse-Kartoffelfüllung* [<http://www.kochbar.de/kochen/Polnisch-kochen-Polnische-Kueche.html>; <http://blog.masurenrad.de/polnische-kuche/traditionelle-polnische-kueche/>].

Намеченные нами вопросы вскрывают множество проблем, которые стоят перед переводчиками и авторами текстов, связанных со сферой туризма. Для адекватной передачи информации на иностранном

языке необходима не только лингвистическая компетенция, но и глубокое знание когнитивной базы соответствующего лингвокультурного сообщества. Только тогда **язык доведет** туриста **до Киева**.

Использованная литература:

- ВАВРЕЧКА, М. (2000): Языковые барьеры в речи переводчика. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae*, Ostrava: Universitas Ostraviensis, s. 73–78.
- ДАЛЬ, В. И. (1989): *Пословицы русского народа. Том 1*. Москва: Художественная литература.
- КРАСНЫХ, В. В. (2001): *Основы психолингвистики и теории коммуникации*. Москва: Гнозис.
- КРАСНЫХ, В. В. (2003): *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* Москва: Гнозис.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. (1983): *Земля родная*. http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/136637/str1.htm#book.
- PIPREK, J., IPPOLDT, J. (1990): *Wielki słownik polsko-niemiecki, t. 1*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- STYPUŁA, R. (2003): *Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa: Wiedza Powszechna.

Источники:

- http://www.hotelpl.com/ru/gorod_antoinin
- <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/1655>
- <http://www.gramota.ru>
- <http://www.bing.com/translator/>
- <http://www.prof-translate.ru/>
- <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/4187>
- <http://www.kochbar.de/kochen/Polnisch-kochen-Polnische-Kueche.html>
- <http://blog.masurenrad.de/polnische-kuche/traditionelle-polnische-kueche/>
- <http://turizmik.ru/flow/kuhnja/post/osobennosti-nacionalnoj-polskoj-kuhni-6204/>
- <http://www.chefkoch.de/rs/s0/polnische+kartoffel+rezepte/Rezepte.html>
- <http://gidnenuzen.ru/natsional-ny-e-kuhni/natsional-naya-kuhnya-pol-shi>

Профиль автора:

Franciszka Witkowska-Michna, dr / Франтишка Витковска-Михна,
канд. наук

Является сотрудником Института славистики в Опольском университете. Научные интересы сосредоточены на проблематике, связанной со специальными/отраслевыми стилями русского и немецкого языков, в частности, касающимися сферы бизнеса и туризма.

Институт славистики Опольского университета,
Пл. Коперника 11
45-040 Ополе
Польша
<http://ifw.uni.opole.pl/shownews.php?lang=pl&m=1>
fwitkowska@op.pl

Ян ГАЛЛО

Словакия, Нитра

Основные подходы к анализу нарративных текстов¹

Basic Approaches to Narrative Texts Analysis

Abstract: The paper is devoted to a popular narrative text analysis and its basic approaches. In the introduction there are presented the causes to be interested to the textual analysis in sociological research. In the first part the attention is focused on the explanation of narration as well as the first basis to explanation of approaches to narrative analyses from the semiotic point of view. In the next two parts the main two approaches (structural and hermeneutic) to the text narrative analysis in the framework of sociological research are discussed. In the last part there are drawn some conclusions of presented problems.

Key words: Hermeneutic approach – language – linguistics – narration – narrative analysis – narrative text – sociology – sociological research – structural approach – textual analysis – text.

Введение

В настоящее время нарративы или повествование не образуют самый распространённый тип текстовых данных, с которыми встречается социолог и лингвист, однако их можно считать одними из наиболее релевантных. Собственно повествования позволяют людям, группам и обществам сделать события вокруг них понятными. Нарративизация вместе с институционализацией определяют правила для социальных событий [Kabele 1998: 157]. Стимулом для рассмотрения языка / речи как социального феномена были, с одной стороны, размышления Л. Витгенштейна о «языковых играх», под которыми он понимает язык

---

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0243/15 Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach.

как «целое и связанные с ним виды деятельности – жестикуляцию, мимику, многозначительное молчание ... < > Язык является не прозрачно-логическим описанием мира, а комплексом практических целевых приёмов – игр, обычно связанных с определённым контекстом, в которые играют по правилам (языковые игры всегда имеют определённую практическую цель)» [цит. по Соколова, Корина 2013: 17] и из них исходящей теории речевых актов [Austin 2004]. С другой стороны, рассматривается теория дискурса М. Фуко как социальной организации высказывания в определённой области социальных событий. В рамках приведённого направления повествование (нарратив) оказывает значительное влияние на язык и высказывание, учитывая его способность дискурсивно изображать социальное событие, главным образом, его диахронный аспект: «время становится временем человеческим только тогда, когда оно артикулировано нарративным способом» [Ricoeur 2000: 88]. Данную проблематику нарративной индентичности П. Рикера [Ricoeur 2002], заключающуюся в подобии жизни и текста, упоминают и Я. Соколова и Н. Корина во своей работе [Соколова, Корина 2013: 16–17] как один из принципов, применяемых в коммуникации.

Структурный подход

Классический структуралистически ориентированный подход к повествованию представляет собой анализ сказок В. Проппа [Propp 1999/1926]. В. Пропп показал, что русские волшебные сказки имеют основую неизменную структуру, состоящую из трёх десятков типичных акций (он их называл функции, например, нарушение запрета) и из семи типичных персонажей (в терминологии В. Проппа, роль, например, герой, даритель и др.). Анализ повествования, согласно В. Проппу, заключается в расшифровке этой функциональной структуры или её актуальной конфигурации. А. Греймас [Greimas 1966] попытался сократить приведённую 31 сказочную функцию до пяти элементарных (нарушение равновесия, приход героя, испытание героя, выполненное задание и возвращение равновесия) и применить схему к мифам вообще [см. также Kabele 1998: 311]. Другой крупный структуралист, Т. Тодоров, анализировал повествования, собранные в романе Д. Боккаччо «Декамерон», и обнаружил в них абстрактную общепризнанную «грамматику повествования» [ср. Тодоров 2000]. Основные, не менее значимые структурные единицы повествования, являются, согласно его взгляду, высказываниями (т. наз. нарративные предложения), состоящими из трёх частей речи: имя собственное (выражает соучастника);

имя прилагательное (выражает состояния или свойства) или глагол (выражает действие), причём имя прилагательное или глагол являются двумя возможными типами нарративного сказуемого, например, *Ольга была больна* или *Ольга выздоровела*. Нарративные предложения распределяются в секвенции, из которых можно построить полный и независимый рассказ.

В приведённых случаях – а это характерно для структурного анализа вообще – авторы стремились доказать, что все повествования содержат общие структуры персонажей и событий (некую нарративную грамматику), которые приобретают специфические конфигурации согласно тому, о каком повествовании идёт речь. Затем слушатели в повествовании оценивают именно ту действительность, которую способны распознавать (иметь реалистические ожидания): каким образом будет история происходить (например, дуэль добра со злом) и как она закончится (в конце концов, добро победит зло), но они не знают наверняка, как конкретно будет история происходить и как конкретно закончится. Для того, чтобы повествования были постоянно увлекательными, пусть и с заранее ожидаемым концом, рассказчиками используются разные средства. Эти «грамматические» инструменты объясняет структурный анализ.

Ряд нарративных предложений образует целостный нарратив. В модели Лабова и Валецкого [Labov, Waletzky 1967; Labov 1972] развёрнутый нарратив имеет следующие сегменты: абстракт, который вводит в действие; ориентация, в которой рассказчик сообщает слушателю, где, когда и у кого описываемое событие произошло; кульминация, которая драматизирует сюжет и вводит в историю момент неожиданности; эвальвацию, в которой рассказчик оценивает значение изложенного события со своей точки зрения; результат или решение, которое резюмирует, что, по сути дела, случилось и когда, завершающие повествование и связывающие нарратив с актуальной современностью. Примером может послужить следующее повествование: «Добираться туда было ужасно (абстракт). Я выехал на час раньше, так как живу в нескольких километрах отсюда (ориентация). На остановке я, однако, стоял, наверное, битый час, и когда приехал первый автобус, он был такой полный, что я должен был ждать двадцать минут следующего (компликация). Я начал волноваться, что приеду и вас уже не будет (эвальвация). В конце концов, я успел (решение). Теперь уже буду знать, что если нужно будет здесь встретиться, следует выехать раньше (код)» [цит. по Squire 2008a: 10–11].

Не все части повествования являются для истории в одинаковой мере конститутивными. Ключевым в этом отношении становится осложнение (завязка), без которой история была бы неполная. Эта модель Лабова и Валецкого включает, в отличие от классических структуралистических концепций, также определённую оценочную позицию рассказчика в отношении описываемого события (эвальвации); повествование имеет, согласно их концепции, как референтную, так и оценочную функцию: «эвальвационная функция требует трансформации первичной последовательности, основанной на связи а – потом – б, в более комплексную форму повествования, представленного рассказчиком» [Labov, Waletzky 1967: 41].

Герменевтический подход

В отличие от структурализма, который в повествованиях ищет конструктивные инварианты, герменевтический подход занимается интерпретацией высказывания, т. е. обнаружением значения, которое в него рассказчик вложил. Так происходит потому, что повествование считается способом, которым можно эксплицитно выразить имплицитные значения человеческой жизни [Widdershoven 1993: 2]. П. Рикер, один из наиболее известных представителей герменевтического подхода к повествованию, упрекает В. Проппа (или же А. Греймаса и весь структурный подход), что трансформацией повествования в сегменты, функции и роли, т. е. трансформацией, образующей прототипные/архетипальные нарративы, он заменяет исходный, человеческий опыт, олицетворяющий культурный объект, объектом рационально научным [Ricoeur 2002: 64]. Логическая разумность структурной «нарративной грамматики» не может, согласно П. Рикеру, заместить нарративное (темпоральное) понимание, свойственное каждому повествованию в момент его образования и его восприятия. Поэтому значение, которое повествование несёт, относится не к его отдельным частям или их логической конфигурации, но ко всему повествованию как самобытному культурному объекту. Как мы уже указали выше, структурный подход, правда, учитывает понимание повествования слушателем и читателем, но стремится анализом повествования показать, что это понимание является результатом специфической логической конфигурации функциональных элементов. Герменевтический подход, напротив, своей целью считает познание (структурализмом взятого в скобки) культурно-условного нарративного понимания, исходящего из чело-

веческого жизненного опыта, трансформированного в повествование [Polkinghorne 1988: 94].

В социологическом контексте герменевтический подход является преобладающим способом анализа повествования, хотя отнюдь не единственным. В его рамках можно различить несколько вариантов согласно тому, какой тип содержания или значения является предметом анализа.

1. Значительная часть нарративных исследований (иногда обозначаемых как *experience-centred approach* [Squire 2008b]) специализируется на личном жизненном опыте, заключённом в повествованиях, потому что считает нарратив привилегированным коммуникационным СМИ человеческой субъективности и личной идентичности, сознательной или бессознательной. Примером этого подхода может служить методология биографического нарративного интервью, которую разработал Ф. Шютце. В ней биографические повествования подвергнуты «глубокому и исчерпывающему анализу вновь актуализованного потока наслаивания переживаний и им соответствующих связей опыта» [Schütze 2007: абзац 2]. Кроме уровня осознаваемого опыта, можно при помощи автобиографического повествования проникнуть и к бессознательным, до сих пор когнитивно неразработанным воспоминаниям [Schütze 2007: абзац 12; относительно использования их в психологии см. также Hiles, Čermák 2008]. И хотя анализ «длинных» автобиографических повествований является образцовым примером герменевтического подхода, направленного на личный опыт, большинство исследований этой ориентации используют эпизодические нарративы для обнаружения индивидуального опыта, связанного с определёнными жизненными ситуациями, например, с социальной эксклюзией, болезнью, нарушением идентичности и т. п. [см. Squire 2008b: 41–63].

2. Другой разновидностью герменевтического анализа, прямо продолжающего и развивающего предыдущий, является конструктивистский подход к биографически (в широком смысле слова) ориентированным нарративам. Как утверждают Розенвальд/Охберг, «личные рассказы не являются только способом, как рассказать кому-то (или самому себе) о своей жизни. Они являются средством, с помощью которого идентичности могут быть образованы» [цит. согласно Riessman 1993: 2]. Значение, которое открывается в интерпретации повествования, не воспринимается как нарративом представленное до-нарративное значение прожитого опыта рассказчика, но как значение, конструированное рассказчиком при помощи собственного повест-

вования. В эту категорию исследований можно включить, главным образом, статьи, занимающиеся нарративной конструкцией личных, а в известном смысле и коллективных идентичностей. Хорошим примером может быть статья, исследующая автобиографические повествования представителей пост-холокостного второго поколения еврейских общин [Hamar 2008].

3. Третий герменевтический способ анализа нарративных данных подходит к повествованию как к передаче культурного значения. Посредством повествования люди интерпретируют их и обмениваются мнениями относительно культурных значений, приписываемых людям, обсуждают, комментируют события и факты социальной жизни. В эту характеристику можно включить очень гетерогенную область исследований, которые направлены не на субъективность автора повествования, но на культурное значение, охваченное повествованием.

Выводы

Нарративные данные в социально-научном исследовании являются очень популярным типом данных, интерес к которым возрос главным образом в последние два десятилетия. Приведённые подходы направлены на соединение референтной и оценочной составляющей высказывания, которые в совокупности образуют специфическую структуру значимостей, изображающих субъективное индивидуальное, и, тем не менее, закреплённое в обществе объяснение мира. Нарративный анализ помогает постигать мир, представленный в повествовании как человеческий мир, но именно многозначность человеческого мира распространяется и на интерпретацию и делает её сложной.

Использованная литература:

- СОКОЛОВА, Я., КОРИНА, Н. (2013): *Человек – Язык – Дискурс*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- AUSTIN, J. L. (2004): *Ako niečo robíť slovami*. Bratislava: Kalligram.
- DUDOVÁ, K. (2014): *Od modálnosti vety k modálnosti textu*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre.
- GREIMAS, A. J. (1966): *Sémantique structurale*. Paris: Presses Universitaires de France.
- HÁJEK, M. (2014): *Čtenář a stroj. Vybrané metody sociálněvědní analýzy textů*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON).
- HAMAR, E. (2008): *Vyprávěná židovství: o narativní konstrukci druhogeneračních židovských identit*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON).

- HILLES, D. R., ČERMÁK, I. (2008): Narrative psychology. In: Willing, C., Stainton-Rogers, W. (eds.): *The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology* 11 (4), pp. 147–164. London: SAGE.
- CHATMAN, S. (2008): *Příběh a diskurz*. Brno: Host.
- KABELE, J. (1998): *Přerody. Principy sociálního konstruování*. Praha: Karolinum.
- LABOV, W. (1972): The transformation of experience in narrative syntax. In: *Language in the Inner City. Studies in the Black English Vernacular*, pp. 354–396. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- LABOV, W., WALETZKY, J. (1967): Narrative analysis: Oral versions of personal experience. In: Helm, J. (ed.): *Essays on the Verbal and Visual Arts*, pp. 12–44. Seattle WA: University of Washington Press.
- POLKINGHORNE, D. (1988): *Narrative knowing and the human sciences*. Albany: State University of New York Press.
- PROPP, V. J. (1999/1926): *Morfologie pohádky a jiné studie*. Jinočany: H&H.
- RICOEUR, P. (2000): *Čas a vyprávění I. Zápletka a historické vyprávění*. Praha: OIKOYMENH.
- RICOEUR, P. (2002): *Čas a vyprávění II. Konfigurace ve fiktivním vyprávění*. Praha: OIKOYMENH.
- RIESSMAN, C. K. (1993): *Narative analysis*. Newbury Park, CA, London, New Delhi: SAGE.
- SCHEGLOFF, E. A. (1997): “Narrative analysis” thirty years later. In: *Journal of Narrative and Life History* 7 (1–4), pp. 97–106.
- SCHÜTZE, F. (1999): Narativní interview ve studiích interakčního pole. In: *Biograf. Časopis pro biografickou a reflexivní sociologii*, vol. 20, s. 33–51.
- SCHÜTZE, F. (2007): Biography analysis on the empirical base of autobiographical narratives – part II. In: Schütze, F. (ed.): *Biographical Counselling in Rehabilitative Vocational Training*. Magdeburg: University of Magdeburg.
- SOKOLOVÁ, J. (2012): *Tri aspekty verbálního textu*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre.
- SQUIRE, C. (2008a): *Approaches to narrative research*. NCRM Review Papers 9. London: National Centre for Research Methods. Dostupné z: <http://eprints.ncrm.ac.uk/419/>
- SQUIRE, C. (2008b): Experience-centred to culturally-oriented narrative. In: Anrews, M., Squire, C., Tamboukou, M. (eds.): *Doing Narrative research*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: SAGE.
- TODOROV, T. (2000): *Poetika prózy*. Praha: Triáda.
- WIDDERSHOVEN, G. A. M. (1993): The story of life: Hermeneutic perspectives on the relationship between narrative and life history. In: *The Narrative Study of Lives*, vol. 1. Newbury Park, CA, London, New Delhi: SAGE.
- WITTGENSTEIN, L. (1993): *Filosofická skoumání*. Praha: Filosofický ústav AV ČR.

Профиль автора:

доц. д-р Ян Галло, к.ф.н.

Является членом кафедры, читает лекции по синтаксису современного русского языка, методике русского языка как иностранного (РКИ); сфера научных интересов: системная лингвистика – синтаксис, лингвистика текста, русский язык делового общения, русский язык в туризме.

Кафедра русистики Философского факультета
Университета им. Константина Философа в Нитре,
Штефаникова 67,
949 74 Нитра
www.krus.ff.ukf.sk
jgallo@ukf.sk

Иоанна ГОЖЕЛЯНА, Александра УРБАН-ПОДОЛЯН

Польша, Зелёна-Гура

«Бог» и «дьявол» в оригинальном тексте и переводе на польский язык повести Валентина Распутина *Прощание с Матерой*

“God” and “devil” in Valentin Rasputin’s novel *Farewell to Matyora* and its Polish translation

Abstract: Valentin Rasputin’s novel *Farewell to Matyora* belongs to the so-called “rural prose” whose authors managed to describe the religious consciousness of the Russian nation – despite the USSR’s anti-religious policy. Through their language the protagonists of the novel express their belief in the existence of supernatural powers, including God and devil. The passages with religious references have been preserved in the Polish translation by Jerzy Litwiniuk. However, an analysis finds them modified by the translator. This article presents the results of a comparison of the contexts in which references to God and devil appear in the original and its translation.

Key Words: Valentin Rasputin – Jerzy Litwiniuk – literary translation – God – Almighty – Lord – Creator – devil – fiend – demon – Satan.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ лексики, касающейся темы Бога и дьявола в переводе на польский язык повести В. Распутина *Прощание с Матерой*, и ее сопоставление с оригиналом произведения. Анализируемая повесть принадлежит к т.н. «деревенской прозе» и передает образ жизни в деревне Матера, расположенной на одноименном острове на реке Ангаре. Действие происходит в 1960-ые годы, в период строительства Братской ГЭС. Несмотря на внутреннюю политику СССР, направленную на искоренение Церкви и,

соответственно, верующих в Бога людей, писателям-«деревенщикам» удалось отразить и передать в своих произведениях религиозное сознание русского народа. Повесть В. Распутина является наглядным примером произведения, герои которого обладают верой в существование сверхъестественных сил: Бога и дьявола. Элементы, содержащие данные соотнесения, без сомнения, отразились в польском переводе повести, однако подробный анализ показал, что текст перевода претерпел значительные модификации по сравнению с первоисточником. Ниже представлены итоги сопоставления смысловых контекстов упоминаний Бога и дьявола в речи героев в оригинальном тексте повести В. Распутина и в ее переводе на польский язык, выполненном Ежи Литвиноком¹.

На то, что Бог составляет существенную долю миропонимания материнцев, указывают их рассуждения экзистенциального характера, относящиеся к созданному Богом свету. Главная героиня Дарья размышляет о том, что Бог все делает намеренно: посылает дождь, дает человеку жизнь и волен забрать ее, сопутствует человеку во всех его делах и не оставляет его даже тогда, когда тот забывает о своих обязанностях в отношении Бога, напр.:

Дождь оказался кстати: можно было посидеть, поговорить не торопясь; не решились отважиться на передышку своей властью, так ее **спустил сам Бог**. (169)

Да нашто? Тебе **Господь** жить дал, чтобы ты дело сделала, ребят оставила – и в землю... чтоб земля не убывала. (162)

В ком душа, в том и **Бог**, парень. (190)

Deszcz wypadł w sama porę; można było posiedzieć i porozmawiać sobie bez pośpiechu; nie mieli serca sobie dać odsapki z własnej woli, to im ją sam **Bóg zesłał**. (88)

I po co? **Bóg** ci dał życie, żebyś odpracowała swoje, pozostawiła dzieci...i do ziemi... żeby ziemi nie ubywało (81)

A kto ma w sobie duszę, ten i **Boga ma w sobie**, chłopcze. (112)

¹ Все цитаты по изданию: РАСПУТИН, В. (2008): *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*. Москва: Русский мир (с указанием страницы). Цитаты на польском языке по изданию: RASPUTIN, W. (1979): *Pożegnanie z Matiorą*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy (с указанием страницы).

Господь, когда землю спускал, он ни одной сажени никому лишной не дал. (193)

Pan Bóg jak spuszczał ziemię, ani jednego sążnia zbytecznej nie dał nikomu (116)

Последние примеры взяты из разговора Дарьи с внуком, которого она пытается заверить в том, что Бог сотворил и упорядочил этот мир целостно и гармонично, а человек не обладает такой силой и не наделен подобной властью. В повести фигура Андрея представляет собой молодое поколение, воспитанное в духе атеистической и материалистической философии. Однако польский переводчик привнес в текст словосочетания, указывающие на то, что речь Андрея иногда уподобляется миропониманию бабушки, что проявляется в употреблении в разговоре с ней выражений **Twój Bóg** или **Bóg wie**.

Нет, бабушка, [...] не надо. Пускай будет как есть. (189)

Nie, babciu [...] nie trzeba. Niechaj już zostanie, jak jest. Nie na próżno **twój Bóg** ukrył to przed człowiekiem. (111)

Люди вон из какой дали едут, чтобы участвовать, а я тут рядом и – мимо. (173)

Jadą tam ludzie z **Bóg wie** jak daleka, żeby wziąć w niej udział, a ja tu jestem pod bokiem i przechodzę mimo. (93)

В оригинальном тексте повести такие выражения отсутствуют. Словосочетание **Bóg wie** встречаем также в размышлениях сына Дарьи – Павла, хотя в оригинале повести этого нет.

Павел вышел на борт, прислушиваясь, как затихает шуршание воды и тумана, – самой воды уже не было видно совсем. Он взял чурбан, на котором перед тем сидел, и кинул его вниз – там глазо и вязко плеснуло, там, значит, была все-таки вода. (259)

Ale Paweł, choć **Bóg wie**, jak się wpatrywał i zgadywał, nie mógł za jego pomocą określić prądu: pieniek jak upadł, tak wsiąkł obok łodzi. (191)

Появляющееся в польском тексте выражение *Bóg wie* может выражать предположение, что мудрость Бога охватывает все, или же данное высказывание выполняет функцию эмоционального восклицания, не имея непосредственного отношения к идеологическому дискурсу.

Во всем тексте такие выражения, появляющиеся в высказываниях героев, встречаем довольно часто. Обычно русская лексема *Gospodi* в архаической форме звательного падежа передается польским существительным *Boże*, напр.:

Ой, **Господи!** Че про совесть, ежли этакое творится! (119)

И она догадалась: он собирал кислицу. **Господи**, совсем еще ребенок! (197)

Oj, **Boże!** Co tam mówić o sumieniu, jak coś takiego wyprawiają (31)

Domyśliła się, że zbierał dzikie porzeczki. **Boże** mój, toż to jeszcze całkiem dzieciak. (120)

Довольно часто встречаем также молитвенные формы словосочетаний, в которых определения Бога соединяются с глаголами, выражающими просьбу или благодарность, напр.: *прости* (*darować*), *догонь* (*dośćignij*), *дай-то Бог* (*daj Boże*). Среди определений Бога встречаем одну диалектную форму: *Осподу!*, которая в переводе передана нейтральным существительным *Bóg*:

– **Прости, Осподи!** – Настасья послушно перекрестилась на иконку в углу [...] (105)

Не он, так другой бы сжег. Свято место пусто не бывает – **прости, Господи!** (210)

Господи, догонь ты этих извергов, накажи их за нас. (119)

Спокойней спокойного помер, **дай-то Бог** и мне так. (243)

– **Daruj mi Boże!** – Nastasija posłusznie przeżegnała się w stronę ikonki w rogu, [...]. (15)

Nie on, to inny by spalił. Mają diabła za skórą – **przebacz** mi, **Boże!**... (135)

Boże, dośćignij tych wyrodków, ukarż ich za nas. (31)

Zmarł najspokojniej w świecie, **daj Boże** i mnie tak. (173)

Лексема *Господь* иногда переводится при помощи существительного *Pan*, которое в польском языке также обозначает Бога, как, напр., в нижеприведенных просьбах:

– О-о-о! Разрази ты его, **Господь**, на этом месте, не пожалей. (107)

Пошли за мной, **Господи**, прошю тебя. Всем я тут чужая. (202)

Прости нам, **Господи**, что слабы мы, непамятливы и разорены душой, – думала она. (202)

– О-о-о! Poraż go, **Panie** na tym miejscu, bez zmiłowania, bez zmiłowania! (17)

Czas już, czas... Proszę cię, poślij po mnie, **Panie**. Wszystkim tu jestem obca. (126)

Wybacz nam, **Panie**, żeśmy słabi, niepamiętliwi i spustoszeni w duchu – myślała. (126)

В одном случае переводчик отказался от буквального перевода выражения **Бог с ней**, введя в текст нейтральный фразеологический оборот **mniejjsza o** (рус. 'это неважно, это не имеет значения').

Бог с ней, с косьбой: приедет Павел – накосят, не приедет – один Андрей так и этак не справится. (197)

Mniejjsza już o koszenie: jak przyjdzie Paweł, to nakoszą, a jak nie przyjdzie – to Andrzej sam i tak nie da rady. (120)

Чаще, однако, встречаемся в тексте перевода с введением имени Бога в местах, где оно не употребляется В. Распутиным. Среди данных форм появляются не только эмоциональные восклицания *Boże* или фразеологизмы типа *jak Bóg wie*, *jak Bóg da* или *za Boga*, но также добавляются различные варианты просьб: *śpiesz się, Panie Boże, daj jej Panie Boże*, напр.:

[...] придется отрывать могилы и выгребать то, что осталось от покойников, похороненных **давным-давно**, когда еще и его не было на свете? (195)

[...] wypadnie rozkopywać groby i wygrzebywać to, co pozostało po nieboszczykach pochowanych **Bóg wie** jak dawno, gdy go jeszcze nie było na świecie (118)

Можно, конечно, и не задаваться этими вопросами, а жить, **как живет**, и плыть, как плывется [...] (155)

Всем тепери туды дорога. Только успевай, прибирай. (103)

Można oczywiście nie kłopotać się tym pytaniem, żyć **jak Bóg da** i płynąć jak fala niesie [...] (72)

Wszyscy mamy tę samą drogę przed sobą. Ino **Panie Boże**, śpiesz się i zabieraj nas. (13)

Как в оригинале повести, так и в ее переводе встречаем выражение: **не дай Бог**, которое в польском тексте переводится **nie daj Boże** (5 раз), а также словосочетание **Упаси Бог – Uchowaj Boże**. Оба фразеологизма переведены дословно и с сохранением их смысловой нагрузки, а именно выражения опасения, просьбы, нежелательности свершения чего-либо, напр.:

И Дарья заторопилась – не то, не дай Бог, подожгут без спросу. (234)

Друг дружку толкают, обгоняют... Упаси Бог! (191)

I Daria się spieszyła, bo inaczej nie daj Boże, podpała bez pytania. (163)

Jeden drugiego popycha i pogania... Uchowaj Boże! (113)

С тем же смыслом Е. Лютвинюк вводит выражение **uchowaj Boże** в размышления Павла, озабоченного обеспечением безопасности транспорта последних оставшихся на Матере жителей:

Представил [...] нахохлившегося и задиристого Богодула, за которым к тому же надо присматривать, чтобы он – **чего доброго!** – не кинулся на Воронцова... (255)

Wyobraził sobie [...] nastroszonego i zadzierzystego Bogoduła, którego trzeba będzie pilnować, żeby, **uchowaj Boże**, nie rzucił się na Woroncowa... (186)

Оно употребляется вместо русского фразеологизма **чего доброго!** (разг. экспрес. «Пожалуй. Намек на возможность неблагоприятного результата» [Федоров 1997: II 364]) и выполняет подобную функцию, но лишено сакрального элемента.

В оригинальном тексте можно встретить также подобные выражения (*Не дай Господь, Не приведи Господь*), в которых переводчик русское существительное *Господь* выразил польским словом *Bóg*:

Прощай и ты, Андрей. Прощай.
Не дай Господь, чтобы жизнь
твоя показалась тебе легкой. (199)

Нонче свет пополам переломился:
евон че деется! И по нам перело-
мился, по старикам... ни туды мы,
ни суды. **Не приведи Господь!**
(117)

Żegnaj i ty Andrzej. Żegnaj. **Nie
daj Bóg**, by twoje życie wydało ci się
łatwe (122)

Teraz świat się na pół przełamał:
co to się dzieje! Przez nas się
przełamał, przez starzyków... ani
my tędy, ani siędy. **Uchowaj Boże!**
(28)

Е. Литвинюк вводит также в текст перевода польскую пословицу *Jak Kuba Bogu, tak Bóg Kubie*, содержащую отсылку к Богу [Szymczak 1995: I 182], вместо русской пословицы без сакрального элемента, однако с тождественным значением: *Какой привет – такой ответ*:

Говорят: какой привет – такой
ответ... а-а [...] ниче не сходится.
(161)

Powiadają: jak **Kuba Bogu, tak Bóg
Kubie...** а-а-а- [...] nic tu się nie
zgadza. (79)

К идиолекту Богодула относится выражение *японский Бог*, которое, несмотря на входящий в его состав сакральный элемент *Бог*, выполняет функцию эффемизма, употребляемого вместо экспрессивного вульгаризма, а контексты его употребления указывают на что-то совсем Богу противоположное, напр.:

– С места ни ногой! – выкрики-
вал Богодул. – **Японский Бог!** Не
имеют пр-рава. (115)

– Z miejsca się nie ruszę! Wykrzy-
kiwał Bogoduł. – **Japoński Bóg!** Nie
mają prawa. (26)

Анализируемый материал содержит также многочисленные упоминания о падшем ангеле, который противопоставляется Богу и вредит людям. В тексте повести В. Распутина он приобретает следующие имена: *нечистая сила* 1. Нечисть (в значении: злые силы, фантастические существа, враждебные человеку); 2. Бес, черт, дьявол [Кузнецов 2004:

648]; **дьявол** 1. По религиозным представлениям: злой дух, черт, сатана; воплощение злого начала; 2. *Разг.* О злом, коварном человеке; 3. *Разг.-сниж.* Бранное слово. [Кузнецов 2004: 292]; **черт** 1. По религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало, в образе человека, но с рогами, копытами и хвостом; дьявол, бес; 2. *Нар.-разг.* Употребляется как негативная характеристика кого-л. [Кузнецов 2004: 1475]; отсутствующее в современном русском языке определение **бесовый**²; **леший** – в народных поверьях: человекообразное существо; дух леса (враждебный человеку); хозяин леса [Кузнецов 2004: 495].

В связи с общими славянскими корнями обоих языков в польском языке имеются аналогичные определения: *nieczysta siła, diabeł, czort, biesowski, diabeł leśny, lichy leśny* или *leśnik*. Однако использование их в оригинале повести и ее польском переводе наводит на размышления об их целесообразности и идентичности. Проанализируем контексты применения данных форм в обоих текстах.

В оригинале повести наибольшей частотностью употребления среди определений злого духа обладает лексема **черт** (13), однако в польском переводе лексема *czort* появляется в аналогичном оригиналу месте всего два раза (в выражениях: *nie bać się ni czorta ni antychrysta* и *czort komu bratem*):

При мне один Орлик прижился,
дак Орлику сам **черт** – свояк. (120)

Przy mnie ino Orlik się oswoił, ale
dla Orlika sam **czort** był bratem.
(32)

Только Богодул, не боявшийся ни
черта и ни дьявола, как нарочно,
лез к конторе и смотрел на приез-
жих [...] (203–204)

Tylko Bodoguł, co się nie bał
ni **czorta**, ni antychrysta, jakby
umyślnie wlaził do biura: patrzył na
przybyłych [...] (128)

Более редкое, нежели в оригинальном тексте повести, применение данного эквивалента может указывать на тот факт, что польская лексема *czort*, несмотря на ее славянские корни, не трактуется переводчиком как форма, полно объемлющая русское значение слова. Иногда автор перевода полностью опускает лексему, посчитав ее лишней в переводе, в других случаях вводит на ее место польские вульгаризмы (*kurrwa, cholera*), служащие выражению героем недовольства или негодования:

² См. БЪСОВ, а, о и БЪСОВЫЙ, ая, ое. Отн. к бесу [Сорокин 1984–1991].

– Кто рубит?
– Чужие. **Черти**.
– Ой, да кто же это такие? – ахнула Настасья. – **Черти**, говорит. (106)

– Хватит. Это дело государственное. **Черт знает**, что творится! (255)

– Kto rąbie?
– Obcy, **kurrwa!**
– Ale co oni za jedni? Jęknęła Nastasja. (16)

– Dosyć. To sprawa państwowej wagi. **Cholera**, co się tu dzieje! (187)

Выражение *черт с ней* переведено при помощи равнозначного *niech to licha weźmie* – восклицания, выражающего негодование, возмущение, досаду [Szymczak 1995: II 29], в котором появляется существительное *licha*, также указывающее на злого духа:

Он уже и не рад был музею – **черт с ней**, с вечной и звонкой надписью на дощечке, – получить бы деньги. (130)

Sam już nawet nie cieszył się z tego muzeum – niech **licha weźmie** ten dostojny szumnie brzmiący napis na tabliczce – byleby dostać pieniądze. (44)

Чаще всего, однако, в качестве польского эквивалента существительного *черт* переводчик использует лексему *diabeł*, выступающую в Библии на греческом языке (а позднее как греческое заимствование в латинском переводе Священного Писания – Вульгате). Современные лексикографические источники толкуют существительное *diabeł* как «падший ангел, низверженный Богом в ад, подстрекающий людей к греху, злой дух, сатана, черт» [Szymczak 1995: I 367]. Русские фразеологизмы выражены в переводе повести В. Распутина следующим образом: словосочетание *черт его поймет* (1. Совсем неизвестно, никто не знает; 2. Выражение возмущения, недоумения, восторга и т.п. [Федоров 1997: II 369]) переведено при помощи фразеологического оборота *diabli go wiedzą* («никто не знает, неизвестно» [Szymczak 1995: I 367]), бытующее в народе выражение *явиться как черт на богомолье* переведено почти дословно, причем с заменой существительного *черт* существительным *дьявол (diabeł)*, в свою очередь словосочетание *к черту на кулички* («очень далеко») полностью опущено в переводе и заменено неологизмом *ulica zagnańska*, хотя в польском языке существует

эквивалент данной фразеологической единицы с компонентом *дьявол*: (*tam*) *gdzie diabeł mówi dobranoc* [Lukszyn 1998: 763].

Чужой, да еще блажной, подъедала-подпивала, ни побалакать с ним, ни вызнать ничего – **черт его поймет**, что за человек этот старуший приворотень. (114)

Но заявлялся, как **черт на богомолье**, Петруха со своей неладной гармошкой [...] 167

Да и набегаешься разве с котелком или ведром куда-то к **черту** на кулички, а он, **черт с ключем**, то ли у дверей сидит, то ли дома на печке спит! (219)

Obcy, a do tego stuknięty, patrzący, gdzie tu zjeść i wypić, ani z nim pogadać, ani co się dowiedzieć – **diabli** go wiedzą, co to za jeden, ten babski król. (25)

Ale tu wtryniał się **nikiej diabeł na procesję** Pietrucha ze swoja rozstrojoną harmonią [...] (86)

I jeszcze człowiek się nabiega z sagankiem czy wiadrzem gdzieś na **zagnańska** ulicę, a tam **diabeł z kluczem** może przy drzwiach siedzi, a może w domu śpi na piecu? (145)

Лексема *diabeł*, которая появляется на месте русского слова *черт*, используется в других контекстах. В нескольких случаях лексема *diabeł* является в переводе полным эквивалентом существительного *дьявол*, напр.:

[...] показывая, что вино он не терпит и никогда не терпел.
– Пушай его **дьявол** пьет, – согласилась Дарья [...] (119).

Издали вроде покажется: ну, этот ниче не боится, самого **дьявола** поборет... (170)

[...] na znak, że wódki nie znosi i nigdy jej nie znosił.
– Niech ją **diabeł** pije – przytaknęła Daria [...] (31)

Z daleka to tak niby wygląda: no, ten to się nic nie boi, samego **diabła** chwyci za rogi... tak się dziarski trzyma... (89)

В одном случае выражение с компонентом *дьявол* отсутствует полностью, хотя выражение *какого дьявола* имеет польский эквивалент *po jakiego diabła*: «Какого дьявола было на ночь плыть – до утра бы не подождали, что ли?» (260). Следует однако добавить, что переводчик отказался от перевода всей фразы, являющейся частью размышлений Павла, сокращая польский текст.

В польском тексте трижды встречаемся с существительным *diabeł* в месте, где у В. Распутина оно отсутствует. Во-первых, вместо пословицы *Свято(е) место не будет пусто* переводчик вводит польское выражение *mieć diabła za skórą*, которое точно передает контекст высказывания, указывающий на человеческую несправедливость³.

Не он, так другой бы сжег. **Свято место пусто не бывает** – прости, Господи! (210)

Nie on, to inny by spalił. Mają **diabła za skórą** – przebacz mi, Boże!... (135)

Кроме того, Е. Литвинюк дважды вводит в текст перевода выражение *diabli wzięli* («что-либо пропало, потерялось» [Szymczak 1995: I 367]), которое появляется в размышлениях супругов, покидающих Матеру, Егора и Настасии об их имуществе. Имеющееся в оригинале повести выражение *Пойди и оно прахом* также говорит о разрушении ценностей, но не содержит однозначно отрицательного оценочного элемента, как польское словосочетание, указывающее, что виновником потери является нечистая сила.

А было какое-то хозяйство, жизнь прожили не без рук – все поместилось в лодку. Пойди и оно **прахом**, одна дорога. (142)

A co było potrzebne do gospodarstwa, boć życie przeżyli nie bez rąk – wszystko zmieściło się w łodzi. I to **diabli** wziąć mogą, jeden koniec. (57)

Второе применение данного выражения связано с раздумьями Дарьи об условиях, в которых ей придется жить в поселке. Используемая переводчиком фразеологическая единица с компонентом *diabeł* подчеркивает апатию и сожаление, сопутствующие расставшейся с Матерой героине. Выступающее в оригинальном тексте словосочетание *пропади пропадом*, выражающее гнев и досаду, не содержит, однако, намек на тот факт, что причиной потери является нечистая сила, т.е. все происходящее находится в противоречии с Божьей волей:

³ Являющееся частью пословицы “siedzi po figurę diabła ma za skórą” [Skorupka 1987: II 129].

Столько всего, что поневоле опустятся руки: **пропади** оно все **пропадом**. (129)

Tyle tego wszystkiego, że ręce bezwiednie opadają: niech już to wszystko **diabli wezmą**. (42)

В повести В. Распутина встречаем также лексему **бесовый**, которая переводится при помощи существительного **lichy** – «по древним поверьям, злой дух, дьявол; в более общем толковании – что-то плохое, неудача, несчастье, беда» [Szymczak 1995: II 29]. Данная лексема привлечена в текст для характеристики Петрухи, поджегшего родную избу:

– Ну, **бесовый!** Ну, **бесовый!** Как знала! Как знала! (147)

– A **to lichy!** A to pomylenieć! Jak ja to wiedziałam! Jak ja wiedziałam! (63)

В свою очередь, русская лексема **леший**, примененная для характеристики Богодула, переведена сочетанием **lichy leśny**, которое, с одной стороны, относится к внешнему виду героя, с другой – подчеркивает его отстраненность от людей.

[...] не человек – **леший**, мало ли что такому в голову взбредет. (204)

Nie człowiek, ale jakieś **lichy leśny**, nie wiadomo, co takiemu może strzelić do głowy. (128)

Лексема **lichy** появляется в польском тексте также в качестве ругательства в месте, где в оригинале отсутствуют демонические отсылки. Его функция в данном случае заключается в повышении экспрессивности высказывания.

Ну и захвати тебя с Петрухой вместе! – вот дал Господь кормильца... (158)

A niechże cię **lichy** porwie razem z tym Pietruchą! Dał jej Pan Bóg żywiciela... (76)

В качестве обозначения потусторонних сил, действующих несогласно Божьей воле, используется также библеизм **нечистая сила**⁴. Это

---

⁴ Более подробно о библеизмах, используемых в тексте повести В. Распутина *Прощание с Матерой* и в ее переводе на польский язык см. J. Gorzelana, A. Urban-Podolan, *Библеизмы в оригинальном тексте и переводе на польский язык повести В. Распутина*

выражение может выступать в функции ругательства, как это имеет место в обращении Дарьи к работникам санитарной бригады, проводившим очистку территории кладбища. Второе упоминание появляется в ее же размышлениях о царствующем в опустевшей Матере беспорядке. В польском переводе содержится выражение эквивалентное русскому, т.е. *siła nieczysta*.

– А ну-ка марш отседова, **нечистая сила!** – задыхаясь от страха и ярости, закричала Дарья [...] (107)

[...] гуще и нахальной полезла крапива, мертво застыли окна в опустевших избах, и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то **нечистая сила** снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило [...] (96)

– Marsz mi stąd, **siło nieczysta!** – krztusząc się ze strachu i wściekłości zawołała Daria [...] (17)

[...] gęściej i bezczelniej rozplenili się pokrzywy, martwo zastygły szyby w opuszczonych domostwach i rozwarły się wtórnie na podwórze – dla porządku je zamykano, ale jakaś **siła nieczysta** raz po raz je otwierała, by mocniej przewiewało, skrzypiało i trzaskało [...] (6)

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что как в оригинальной повести В. Распутина, так и в ее переводе на польский язык Е. Литвинюка содержится довольно большое количество элементов – слов и словосочетаний, указывающих на Бога, а также на дьявола и нечистую силу. Их наличие служит, с одной стороны, отражению миропонимания героев, с другой – выражению эмоций. Следует подчеркнуть, что польский переводчик редко отказывается от присущей оригинальному тексту религиозной лексики. Более того, нередки случаи, что он привносит такого рода лексику – равно со сферы *sacrum* и *profanum* – в места, где в оригинальном тексте она отсутствовала.

Использованная литература:

- КУЗНЕЦОВ, С. А. (2004): *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- МОЛОТКОВ, А. И. (1978): *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.

- РАСПУТИН, В. (2008): *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*. Москва: Русский мир.
- СОРОКИН, Ю. С. (1984–1991): *Словарь русского языка XVIII века*. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние (12.6.2015), <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.
- ФЕДОРОВ, А. И. (1997): *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Цитадель.
- LUKSZYN, J. (1998): *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski rosyjsko polski*. Warszawa: Harald G Dictionaries.
- RASPUTIN, W. (1979): *Pożegnanie z Matiorą*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- SKORUPKA, S. (1987): *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- SZYMCZAK, M. (1995): *Słownik języka polskiego*. Т. 1–3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Профиль авторов:

Joanna Gorzelana, кандидат гуманитарных наук в области языкознания

Научные интересы: религиозный стиль и его языковые характеристики (в особенности в польской поэзии эпохи Просвещения); функционирование библеизмов в современной литературе.

Uniwersytet Zielonogórski,
Instytut Filologii Polskiej,
al. Wojska Polskiego 69
65-762 Zielona Góra (Польша)
www.uz.zgora.pl
j.gorzelana@ifp.uz.zgora.pl

Aleksandra Urban-Podolan, кандидат гуманитарных наук в области литературоведения

Научные интересы: танатологические и онирические мотивы в творчестве Валентина Распутина; проза Наталии Н. Толстой; проблематика художественного перевода.

Uniwersytet Zielonogórski,
Instytut Neofilologii,
al. Wojska Polskiego 71a
65-762 Zielona Góra (Польша)
www.uz.zgora.pl
olaup@rambler.ru

Елена Вячеславовна ДЗЮБА

Россия, Екатеринбург

Коммуникативные стратегии и тактики представления образа политического лидера СССР и России (по материалам биографий Р. Медведева)¹

Communicative strategies and tactics of the presentation of the political leader of the Soviet Union and Russia's image (adapted from the biography of R. Medvedev)

Abstract: The speech strategies and tactics are considered, they are used in the biographical publications of R. Medvedev for image creating of the Russian political leaders: J.V. Stalin and V.V. Putin. The key strategies, which are relevant to the Russian political communication, are described: the strategy of presentation and discredit. The intentional-authorial consistent patterns of the choice of the communicative strategies and tactics in creating the images of the Russian political leaders of different historical eras are determined.

Key words: Political linguistics – communicative strategies and tactics – biography of the politician.

Изучение коммуникативных стратегий и тактик – актуальное направление современной политлингвистики, основы которой были заложены А. Н. Барановым, Т. А. ванн Дейком, Р. Водак, Ю. Н. Карауловым, А. П. Чудиновым и др. В настоящее время определены понятия коммуникативной стратегии и тактики. Под коммуникативной стратегией традиционно понимается общий план комплексного речево-

---

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-54-00010 а(ф) «Категоризация действительности в русском языковом сознании» 2015 г.

го воздействия с целью формирования или изменения картины мира адресата, под коммуникативными тактиками – частные приемы реализации стратегического замысла.

Материалом данного исследования послужили произведения одного из популярных в России биографов Р. Медведева. Цель работы – определение общей коммуникативной стратегии автора и используемых им тактических приемов в произведениях «О Сталине и сталинизме» [Медведев 2011] и «Владимир Путин» [Медведев 2007].

В книге «О Сталине и сталинизме» Р. Медведев использует общую стратегию **ТОТАЛЬНОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ**, предполагающую всеобъемлющее и бескомпромиссное критическое представление образа политика. Наиболее эффективны здесь следующие тактики.

Тактика создания антиимиджевого образа (внимание сосредотачивается на негативных качествах личности), ср.: *С юности Сталин был лишен чувства юмора. Он не понимает шуток и отвечает руганью и угрозами на самые невинные; Сталин отличался чрезмерной резкостью, грубостью и нелояльностью, он не заботился о том, чтобы переубедить оппонентов и привлечь их к совместной работе, старался подчинить их своей воле. Сталин был крайне злопамятен и мстителен. Его оппоненты оставались для него личными врагами даже когда исчезал предмет спора; Те, кто знал Сталина, отмечали его честолюбие, тщеславие и жестокость, грубость, недостаток культуры, неинтеллигентность; Он мало образован. У него нет дальновидности. Предпринимая какой-нибудь шаг, он не в состоянии взвесить его последствий; На фоне более выдающихся современников он никогда не блистал умом.*

Тактика создания дискредитирующего контекста (жизненные ситуации описываются так, чтобы подчеркнуть факторы формирования негативных сторон личности), ср.: *Сталин поступил в духовную семинарию, где царил обстановка лицемерия, повседневного мелочного контроля и взаимных доносов. Здесь были строгий порядок и почти военная дисциплина. Неудивительно, что семинарии в России воспитывали не только верных слуг режима и церкви, но и революционеров. Семинария повлияла на Сталина и в другом отношении: она развила в нем изворотливость, хитрость, грубость, догматизм и нетерпимость; Революция 1905–1907 годов позволила Сталину раскрыть и некоторые другие свои способности. Именно ему было поручено провести несколько крупных террористических актов.*

Тактика невыгодного сопоставления (исторические персоналии сопоставляются с целью дискредитации одного персонажа посредст-

вом презентации другого), ср.: *Киров как личность отличался от Сталина. Киров был прост и доступен, обладал огромной энергией, ярким ораторским талантом. Властолюбивый и подозрительный, Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова вызывали у него зависть. Убийство Кирова стало важным звеном в цепи событий, которые привели к узурпации власти Сталиным.*

Тактика усиления дискредитирующего сравнения (вариация предыдущего приема: рассматриваемая личность сопоставляется с известным негативным образом с целью усиления акцентированного признака), ср.: *Желанием скрыть свои преступления объясняется бесчеловечный режим, который по требованию Сталина был установлен в лагерях и приводил к гибели заключенных. Отправляя людей в лагеря, гитлеровцы писали на сопроводительных документах: «Возвращение нежелательно». Сталин и его подручные были лицемернее. На делах «врагов народа» значилось: «Использовать только на тяжелых физических работах». На 99 % это означало смерть.*

Тактика разоблачения (раскрываются истинные намерения создателей мифического образа политика), ср.: *Контраст между образом Сталина, утвердившимся в сознании народа, и действительностью, открывшейся после XX съезда КПСС, был настолько разителен, что у многих возникло стремление смягчить критику, в том числе в свой адрес (они искренне считали Сталина своим учителем). Этим объясняется появление примитивной версии о трагедии «обманутого» Сталина. Сторонники этой версии не отрицают личного участия Сталина в репрессиях. Однако считают, что Сталин действовал не по своему злему умыслу, а был обманут карьеристами и агентами вражеских разведок. Приведенные в моих очерках факты опровергают эту примитивную версию...*

Тактика «перекручивания» (автор трактует имевший место факт так, чтобы интерпретировать/реинтерпретировать тему в нужном ключе [Руженцева 2004: 208]), ср.: *Во многих воспоминаниях отмечает огромная сила воли Сталина... Однако его сила воли подавляет, уничтожает индивидуальность подпавших под его влияние людей. Сталин требует от помощников полного повиновения, покорности, рабской дисциплины.*

Тактика отказа от оправдательных формулировок и компромиссных оценок (автор настаивает на использовании однозначных формулировок и жестких оценок деятельности политика с целью точного

определения степени ответственности за последствия его деятельности), ср.: *Легкомысленные догматики преуменьшают преступления Сталина, которые они скромно именуют «ошибками». По их мнению, политик не застрахован от ошибок, о его деятельности нужно судить по общим результатам, которые были якобы положительными. Но преступления Сталина не были «ошибками», это были хладнокровные убийства честных людей; Неприемлема теория «взвешивания»: сколько у Сталина преступлений и сколько заслуг. Да, Сталин был руководителем страны в трудное время, когда страна добилась немалых успехов в экономическом и культурном строительстве и одержала победу в войне. Но эти успехи были бы более значительны, если бы не террор 30-х годов, и победу мы одержали бы быстрее и с меньшими жертвами. Так за что благодарить Сталина?*

Тактики создания антиимиджевого образа и дискредитирующего контекста, невыгодного сопоставления, разоблачения и отказа от оправдательных оценок в полной мере способствуют реализации стратегии тотальной дискредитации образа Сталина как политического деятеля.

В книге «Владимир Путин» Р. Медведев использует стратегию БЕЗОГОВОРОЧНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ, предполагающую признание абсолютного лидерства политика, гиперболизированное представление его достоинств вплоть до идеализации и героизации. Реализации данной стратегии способствуют следующие тактики.

Тактика создания позитивного образа (отмечаются только положительные качества личности), ср.: *«Путин показал себя истинным демократом, рыночником, человеком государственным, решительным и мужественным. Он действовал безупречно»* (из речи А. А. Собчака).

Тактика признания первенства (подчеркиваются инициаторские способности и лидерские качества политика), ср.: *«Кто первым стал создавать совместные предприятия? Петербург. С 1990 по 1995 год в городе было около шести тысяч СП – более половины от их числа в России. Именно Путин создал ассоциацию руководителей СП, которая помогала властям поддерживать благоприятный климат для бизнеса; У России и СССР не было в XX в. естественной системы перехода власти из одних рук в другие, это являлось важной причиной наших неудач. Только Ельцин ушел добровольно и досрочно, передав власть избранному преемнику (о первом в XX в. российском опыте естественной передачи власти от Ельцина Путину).*

Тактика выгодного сопоставления (политик сопоставляется с иной персоной для выявления его достоинств), ср.: *По уровню личных способностей Путин существенно превосходил Собчака; в то время как Собчак блистал красноречием на светских приемах, Путин делал много черновой и рутинной работы, без которой жизнь большого города оказалась бы невозможной; Когда Путин стал премьером, он оказался гораздо лучше подготовленным к деятельности на таком высоком посту, чем это было в случаях Гайдара, Кириенко, Степашина.*

Тактика указания на исключительность и незаменимость (отмечаются исключительные качества личности), ср.: *Когда Собчак уезжал из Петербурга (он проводил за пределами города до ста дней в году), он мог спокойно оставить вместо себя Путина. Путин сумел стать незаменимым.*

Тактика идеализации (отмечается отсутствие недостатков у политика), ср.: *Газета «Известия» разыскала бывшего разведчика и друга Путина. Вот отрывок из разговора с ним о Путине: «Послушайте, у него есть хоть одно отрицательное качество?» – «Я бы сказал так: отрицательных качеств у него нет. Но это в моих глазах». – «Отлично, поговорим о слабостях. А какие у Путина слабости?» – «Нет у него слабостей. Я не видел другого такого человека, столь гармонично сложенного. Смотрите сами: спортсмен, гуманитарий глубоко образованный, разведчик успешный, в культуре разбирается, в общении сразу располагает к себе».*

Тактика героизации (отмечаются качества, позволяющие политику самоотверженно преодолевать любые трудности), ср.: *Только в течение нескольких дней в августе 1999 года Путин мог показаться всем «невзрачным чиновником провинциального масштаба». Уже к концу сентября 1999 года Путин выступал перед нами как герой, который не только взялся решать сложные, казалось бы, неразрешимые задачи, но и быстро решил их уже к началу весны 2000 года. Перед избирателями Путин предстал не только как выдающийся политический, но и военный лидер.*

Тактика обманутого ожидания (автор приводит цитаты известных политиков и журналистов, которые сомневались в политическом успехе В. Путина, однако эти ожидания, как отмечает Р. Медведев, себя не оправдали).

Тактика снятия привычных ярлыков (автор снимает с политика маску театральности, которая стала нормой политдискурса), ср.: *Путин не загадка, он прост и понятен, его главные качества – откры-*

тость и естественность, которые избавляют от необходимости играть кого-то другого. И только российские наблюдатели, привыкшие к «играм власти» с народом, не могут в это поверить.

Тактики создания позитивного имиджа и выгодного сопоставления, признания первенства, идеализации и героизации, тактики обманутого ожидания и снятия привычных ярлыков способствуют реализации стратегии безоговорочной презентации образа действующего президента в России.

В ходе исследования были выявлены две противоположные по идеологическим установкам стратегии, представляющие политиков прошлого и настоящего. В книге о И. В. Сталине используется стратегия тотальной дискредитации, не допускающая даже минимального стремления к оправданию или компромиссу; в книге о В. В. Путине актуализируется стратегия безоговорочной презентации, которая предполагает абсолютный отказ автора от критического осмысления деятельности действующего политика. Эта позиция, вероятно, объясняется следующим: действия политиков прошлого рассматриваются учеными и общественными деятелями на протяжении десятилетий, что позволяет давать оценку взвешенно и обдуманно. Однако вряд ли уже пришло время подводить итоги работы современных политиков, результаты их деятельности еще только предстоит оценить разумно.

Использованная литература:

МЕДВЕДЕВ, Р. (2007): *Владимир Путин*. М.: Молодая гвардия.

МЕДВЕДЕВ, Р. (2011): *О Сталине и сталинизме*. М.: изд-во Время.

РУЖЕНЦЕВА, Н. Б. (2004): *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т.

Профиль автора:

Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент

Сфера научных интересов – когнитивная и политическая лингвистика, русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, древние языки.

Кафедра риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ
пр. Космонавтов 26,
ауд. 285
620017 Екатеринбург, Россия
www.uspu.ru
elenacz@mail.ru

Ольга Евгеньевна ЕРМАЧКОВА

Словакия, Нитра

Использование языковой игры в публицистике

Using of a language game in publicistic discourse

Abstract: This article deals with the “Using of a language game in publicistic discourse”. Different types of this phenomenon based on the phraseology, proverbs, precedential texts of songs, classical literature, films and cartoons, graphics, puns presented in Ukrainian and Russian medias are analyzed and classified. Main attention is paid to the examples of the language game in the media. The article is also focused on a definition of the language game, its functions in the publicistic field and headlines based on the language game.

Key Words: Language game – headline – pun – precedential text – phraseology – proverbs – publicistic discourse.

Все происходящее вокруг нас отражается на страницах публицистических изданий. Язык современной публицистики, как известно, отличается отходом от шаблонов и стереотипов, определенной свободой в выборе языковых средств. Одним из таких оригинальных и своеобразных средств является языковая игра. По мнению многих исследователей, на сегодняшний день языковая игра – это один из самых эффективных способов привлечь внимание читателя, «инструмент массового коммуникативного воздействия» [Негрышев 2006]. С. И. Сметанина называет языковую игру «вирусом», который «проник в информационные и аналитические материалы телевидения и печатных СМИ» [Сметанина 2002: 177].

Языковая игра находится в центре внимания лингвистов уже не одно десятилетие, но единого определения данному феномену все еще нет. Чаще всего в языковой игре фиксируют отклонение от нормы. Также

ее определяют как «языковую неправильность (или необычность)», «намеренную неправильность» [Санников 1999: 23], «преднамеренное нарушение системных отношений языка», «деструкцию речевой нормы» [Кожина 2003: 657], «намеренную авторскую аномалию» [Апресян 1995: 51], «лингвистический эксперимент» [Санников 1999], «форму лингвокреативного мышления» [Гридина 1996], «сознательное манипулирование языком» [Санников 1999: 376], «балансирование на грани» [Норман 2006: 4], «творческое использование любых языковых единиц» [Сковородников 2010].

О языковой игре можно говорить как о переосмыслении, «перезагрузке» отношений между знаком и содержанием: «Основной принцип языкотворчества – «оживление» мотивированности словесного знака на фоне автоматизированности стандартного языка» [Санджи-Гаряева 2001: 465].

Чтобы обозначить точное местонахождение языковой игры в лингвистической системе, нужно определить ее функциональное поле. Данное явление закрепилось в публицистическом, художественном, разговорном стилях, для которых возможны и приемлемы нестандартные решения.

Как указывают исследователи, для распространения языковой игры в публицистическом дискурсе есть целый ряд весомых причин. На наш взгляд, основную причину появления языковой игры выделяет В. Г. Костомаров, считая ее «проявлением языкового вкуса эпохи» и «реакцией «на скованную осторожно-чистую сверхправильную речь времен тоталитаризма» [Костомаров 1994: 49].

Одной из наиболее значимых функций языковой игры в публицистике является функция эмотивная (экспрессивная): «Газетчику, настроенному на поиск экспрессии, во что бы то ни стало, непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» [Костомаров 1971: 153]. Не менее существенной является комическая функция, которая «служит для того, чтобы вызвать улыбку, смех, создать шутовское настроение или ироническое отношение» [Земская 1983: 174]. С эмотивной и развлекательной сопряжена выразительная функция языковой игры, которая «может служить для более точной и тонкой передачи мысли, образной и выразительной передачи сообщения» [Земская 1983: 174–175].

Помимо вышеперечисленных функций, языковая игра реализует маскировочную функцию. В. З. Санников утверждает, что эта функция языковой шутки имеет прагматическую основу. Используя языковую

игру, говорящий «прячется за язык» [Санников 1999: 27–28]. Таким образом, языковая игра выступает средством эвфемизации или сокрытия мысли.

Элементы языковой игры в публицистическом тексте присутствуют как в самом тексте, так и в его заголовке. Наибольшей выразительностью в медиальном тексте обладает игровой заголовок, который служит стимулом для прочтения всей статьи. Игровое названия преодолевает автоматизм читательского восприятия, вызывает интерес к тексту.

Материалом для данного исследования послужили заголовки общественно-политических изданий Украины и России («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерсант»). Проанализировав данный материал, мы выделили следующие приемы ее создания. Одним из самых используемых приемов языковой игры является **перифразирование**. Как отмечает Я. Соколова, „Citovanie a parafrázovanie patrí k prostriedkom medzitextového nadväzovania, ktoré sa vzťahuje aj na rovinu obsahu aj na rovinu výrazu“ [Sokolová 2012: 93].

Чаще всего перифразированию подвергаются паремические единицы, которые наблюдаем в следующих заголовках: «Гусь собаке товарищ» (о дружбе) [КП, 15. 07. 15]; «Шпрот, да не тот» (о разнообразии шпрот) [КП, 18. 01. 13]; «Министров по осени считают» (о новом составе правительства) [КП, 11. 08. 15]; «Смех без причины – ловушка для мужчины» (об уловках глянцевого журналов) [КП, 03. 12. 14]; «С глаз долой – с постамента вон» (о «ленинопаде») [КП, 15. 01. 15]; «Это последняя чаша в капле моего терпения» (о шутках) [КП, 31. 01. 14]; «Любви все проруби покорны» [КП, 13. 02. 14]; «Первый брак комом» [КП, 12. 04. 14]; «Не так страшен черт, как новые тарифы» [КП, 20. 06. 14]; «Молодо – не зелено!» (о дорогах) [КП, 02. 02. 15]; «Мал золотник, да и омут тих» (о 60-летию Евгении Симоновой) [КП, 28. 05. 15]; «Против взлома есть прием» [КП, 27. 06. 13].

Обыгрывание фразеологических единиц находит место в медиальных заголовках: «Борщ раздора» [АиФ, 14. 06. 15]; «Здание раздора» [АиФ, 23. 09. 14]; «Галерея раздора» [АиФ, 26. 03. 14] и др. Фразеологизм *яблоко раздора* является одним из самых обыгрываемых в современных СМИ.

Нередко авторы прибегают к **перифразированию скороговорок**: «Карл у Клары украл сериалы» (о плагиате в кинематографе) [КП, 05. 05. 14].

Эффективна в медиальных заголовках **языковая игра с прецедентными текстами популярной песни**: «Я милого узнаю по печенке»

(о реакции организма на влюбленность) [КП, 15. 05. 15]; «А я умного узнаю по словечку» (о способах определения интеллекта) [КП, 06. 10. 14]; «Крепче за бумажник держись, шофер!» (об уловках мошенников) [КП, 17. 07. 15]; «На лицо ужасные – вкусные внутри» (о бананах) (КП, 11. 08. 15); «Я спросил патрульного: «Где моя любимая?»» [КП, 08. 08. 15]; «Я спросил у Google, где моя любимая?» (о новом приложении) [КП, 20. 11. 14]; «На границе фуры ходят хмуры» (о запрете поставки товаров) [КП, 31. 05. 15]; «Связанные одной сетью» (о 20-летию Интернета) [КП, 07. 04. 14]. Нередки обыгрывания **народных песен**: «Ой, мороз, мороз, тренируй меня!» (о холодном времени года) [КП, 14. 01. 15]. Предметом обыгрывания становятся **детские песни**: «Кто людям помогает – не тратит время зря» (о волонтерах) [КП, 06. 07. 15]; «Вуаля, вуаля, завтра грабим короля!» (о шантаже короля) [КП, 29. 08. 15].

Игру с названиями фильмов и мультфильмов констатируем в следующих примерах: «Москва снегам не верит» [АиФ, 04. 03. 15]; «Ну, ранец, погоди!» (о советах родителям первоклассников) [КП, 19. 08. 15]; «РЕКС в большом городе» (о собаке, которая нашла хозяйку) [КП, 15. 04. 14]; «В бой идут одни двойники» (о заработках на сходстве со знаменитостью) [КП, 13. 06. 14]; «Ирония судьбы, или с легким баром!» (о легендарном фильме и проблемах алкоголя) [КП, 15. 01. 14].

Названия литературных произведений обыгрываются в следующих случаях: «Много ЦУМа из ничего» [Коммерсант, 11. 05. 14]; «По ком звонит сотовый» (об опасности мобильных телефонов) [КП, 18. 05. 15]; «50 оттенков Строскана» [КП, 19. 02. 15]; «50 оттенков желтого» (о гепатите) [АиФ, 20. 02. 15]; «Мяугли» (о том, как кошка брошенного малыша согрела) [КП, 17. 01. 15]; «Отцы и эти» (о звездных папах футболистов) [КП, 07. 07. 14].

Обыгрывание прецедентных текстов классической литературы фиксируем в заголовках: «Я к Вам пишу и илю по ходу чмоки» (о жанре любовного письма) [КП, 14. 03. 15]; «Я бакс любил...» (о деньгах) [КП, 06. 08. 15]; «Да, были леди в наше время» (о женском батальоне) [КП, 13. 06. 14]; «Служить бы рад – принюхиваться тоже» (о сериале «Нюхач») [КП, 15. 12. 14]; «Однажды, в студеную зимнюю ссору» (о последствиях праздников) [КП, 02. 01. 15]; «Медведя она оседлает и в клетку с тигрицей войдет» (о дрессировщице) [КП, 12. 03. 15]; «Я бы в тренеры пошел – пусть меня научат» (о карьере футболиста) [КП, 19. 03. 15]; «Я б в айтишники пошел, пусть меня научат!» (о престижных профессиях) [КП, 04. 11. 14]; «Я бы в Штирлицы пошел, пусть меня научат!» [КП, 25. 12. 14]; «Умом Россию не понять. Но по

жестам можно!» [КП, 14. 03. 14]; *«Ох, нелегкая это работа – заманивать жениха своим фото»* [КП, 16. 05. 14].

Каламбуры, основанные на паронимии и омонимии, встречаются на газетной полосе многократно: *«Глухо, как в банке»* (о кредитах) [КП, 22. 07. 15]; *«А босс, и ныне там»* (об отношениях с начальником) [КП, 19. 02. 15]; *«От хурмы не зарекайся»* (о пользе фрукта) [КП, 06. 11. 14]; *«ЖЕК – потрошитель – великий и ужасный»* [КП, 09. 05. 13]; *«Смог город взять не смог»* (о перегревах и пожарах) [АиФ, 13. 09. 14]; *«Национальная балдежная система»* [Коммерсант, 02. 04. 15].

Графическая игра все чаще появляется в газетных заголовках: *«От-КАТМАНДированный»* (о главном спасателе страны) [КП, 07. 05. 15]; *«Оно вам НАНО?»* (что прячется за модным словом) [КП, 31. 05. 15]; *«ЗаКРЫМированный под границу»* (о съемках фильмов в Крыму) [КП, 28. 03. 14]; *«Еще идут ЕСные часы»* [КП, 14. 05. 14]; *«Это кто, это перед камерой СЛОНяется»* [КП, 01. 05. 14]; *«Новая ЛЕТОратура»* (о новых книгах Донцовой) [КП, 24. 06. 14]; *«Звездное ОТЦЫпление»* (о дне Отца) [КП, 14. 06. 14].

Окказиональное обыгрывание обнаруживаем в следующих заголовках: *«Хвастограммы миллионеров»* (об Инстаграме) [КП, 21. 08. 15]; *«Пересофтица»* (о программном обеспечении) [Коммерсант, 08. 04. 15].

В заключение отметим, что перефразированию подвергаются языковые единицы всех уровней, особенно фразеологизмы, пословицы и поговорки, прецедентные тексты. Видоизменённые выражения частично или полностью теряют свое первоначальное значение, приобретая при этом новое и яркое звучание.

На наш взгляд, создание и использование языковой игры – это проявление остроумия и творческого потенциала автора. Языковая игра – оригинальное языковое средство, которое чрезвычайно продуктивно в публицистическом тексте. Учитывая тот факт, что в настоящее время в текстах СМИ усилилось стремление к броскости, выразительности и эпатажу, языковая игра становится все более востребованной.

Источники:

[http:// aif.ru](http://aif.ru) (АиФ)

<http:// kp.ru>; <http:// kp.ua> (КП)

<http:// kommersant.ru> (Коммерсант)

Использованная литература:

- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1995): *Языковая аномалия и логическое противоречие*. М.: Языки русской культуры.
- ГРИДИНА, Т. А. (1996): *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А., КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. В., РОЗАНОВА, Н. Н. (1983): *Языковая игра. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. М.: Наука.
- КОЖИНА, М. Н. (ред.) (2003): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта: Наука.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1971): *Русский язык на газетной полосе*. М.: Изд. Моск. ун-та.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1994): *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. М.: Педагогика-Пресс.
- НЕГРЫШЕВ, А. А. (2006): *Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции* (12. 7. 2015), <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/>.
- НОРМАН, Б. Ю. (2006): *Игра на гранях языка*. М.: Флинта.
- САНДЖИ-ГАРЯЕВА, З. С. (2001): *Языковая личность Андрея Платонова через призму языковой игры* (25. 8. 2015), <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm>.
- САННИКОВ, В. З. (1999): *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки русской культуры.
- СКОВОРОДНИКОВ, А. П. (2010): *Игра как прием текстопорождения*. Коллективная монография. Красноярск: СФУ.
- СМЕТАНИНА, С. И. (2002): *Медиатекст в системе культуры (Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.)*. СПб.: Изд.-во Михайлова В. А.
- SOKOLOVÁ, J. (2012): *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: UKF.

Профиль автора:

Ермачкова Ольга Евгеньевна, магистр, аспирант кафедры русистики

В сферу научных интересов входит язык публицистики и рекламы, языковая игра в различных дискурсах, процессы заимствования в современные славянские языки.

Университет Константина Философа в Нитре,
Тр. А. Глинку 1,
Нитра,
Словакия
<http://www.ukf.sk>
olga.iermachkova@ukf.sk

Валентина Анатольевна ЗАКРЕВСКАЯ

Россия, Тюмень

Проявление синкретизма в функционировании глаголов разных видов (на материале архангельских говоров)

**Manifestation of Syncretism in Functioning of Verbs of Different Aspects
(on Material of the Arkhangelsk Dialects)**

Abstract: In article features of the use of verbs of perfective aspect in the dialect speech are considered, namely: their free use in situations of frequency rate and duration of action that is usually characteristic for verbs of imperfective aspect. This line pulls together the Russian dialects and the West Slavic literary languages. Besides, values of frequency rate and duration of action can coexist in the same verb of perfective aspect. Noted lines, in our opinion, testify to manifestation of syncretism in system of grammatical category of a verbal aspect. It concerns not only the dialect speech, but also in general oral speech.

Key Words: Syncretism – perfective aspect – frequency rate of action – action duration – dialects.

Синкретизм, по определению О. С. Ахмановой, – это «функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений» [Ахманова 1966: 406]. Обычно, говоря о синкретизме, обращаются к синтаксическому уровню языка. Так, в сентябре 2014 г. на XXII Оломоуцких днях русистов Л. Воборил выступил с докладом о синкретизме в грамматической системе русского языка, в основном сосредоточившись на проявлении синкретизма в области синтаксиса [Воборил 2014: 9–13]. Применительно к морфологии исследователи, как правило, обращают внимание на синкретические явления в систе-

ме частей речи, что объясняется либо переходом из одной части речи в другую, либо синтаксической деривацией, либо функциональным сближением слов разных грамматических классов [Камынина 1999: 29]. Причем констатируется, что «в грамматических (морфологических) же категориях синкретические единицы невозможны» [Камынина 1999: 33]. Наше многолетнее изучение функционирования глаголов разных видов в архангельских говорах [Закревская 2002; 2009; 2012; 2013; 2014], приведшее к обнаружению способности глаголов совершенного вида свободно участвовать в выражении значений кратности и длительности действия, позволяет усомниться в безусловной верности данного тезиса и поставить вопрос о возможности интерпретации более широкого диапазона глаголов совершенного вида как проявления синкретизма в области грамматической категории вида.

Материал данной статьи – записи диалектной речи, осуществленные автором в Каргопольском районе Архангельской области в 2013–2014 годах, хотя описываемое явление повсеместно и подтверждает более ранние наши наблюдения, в том числе над устной недиалектной речью.

Приведем примеры из диалектной речи. Так, ситуация повторяющегося действия отражена в следующих контекстах:

Сей год два рАза вЫкосили – стОлько травЫ вырослО. ДЕсетЬ рАс на днЮ позвонЯт. КАждой день почтИ прИдут. НатАшэ-то не одИн рас приснИлся. ЕМУ мужыкИ скОлько рАс сказАли: отойдИ, не привЯзывайся – он фсЁ в занОзу лЕзет. Мама фсЁ скАжэт: остАлись одИ лентЯи.

Заметим, что в минимальном контексте каждый из глаголов обозначает конкретно-фактическое или потенциальное действие. В сочетании же с количественно-именной группой (*два раза, каждый день* и под.) или наречием *всё* (= постоянно) действие воспринимается как неоднократное. Подобное употребление характерно и для устной недиалектной речи. Например:

Несколько раз обратился к своим сторонникам. Неоднократно прошли переговоры между нами и американцами. И об этом я даже несколько раз заявил. Уже обсудили неоднократно все эти стройки. Задержан мужчина, который двадцать раз напал на банки. Сами хоккеисты не раз заявили (примеры записаны автором из устных СМИ, речи носителей литературного языка).

Ситуация длительного действия проявляется в контекстах:

САшке скОлько поговорИла: пихАеся ф такОе Осье гнездО (в плохую семью). *ПопАло в нос – емУ нАдо напИца не одИн день. Пьяной – нАдо вЫходить фсю нОчь. СтавАю – одвА распремлЮся. БывАло, привезЁш берЕзника мЁрзлого – ой, штО погорёвАли мы з дровАми! ПоносИл водЫ да потопИл бАню* (много и долго пришлось работать). Как видим, длительность действия создается сочетанием с *не один день* (= в течение длительного времени), с наречием *одва* и местоименным словом *што*, тоже предполагающими некоторую временную протяженность. Кроме того, в выражении процессности принимает участие и словообразовательное средство – префикс *по-* со значением значительной длительности. Однако в этих высказываниях подспудно усматривается и повторяемость действия, что подчеркивается условно-следственной или временной конструкцией, а также общей ситуацией рассказа о прошлом. В подобных случаях, думается, проявляется некий синкретизм в употреблении глагольной формы совершенного вида: одновременное восприятие ситуации и как длительной, и как кратной. Ср. примеры из устной недиалектной речи: *Как долго у них это получится – не знаю. Он никогда не расстался с ним* (с холстом – о художнике). *Я скажу недолго. Всегда ребенка необходимо погрузить в деятельность.*

Особенно отчетливо это можно увидеть в контекстах с удвоением глаголов совершенного вида, типичным для архангельских говоров:

ФсЯко-фсЯко вЫкостит-вЫкостит (отругает). *ЖэИлся да вЫпье да вЫпье. ФсЯко: и добрОм, и лИхом поговорИш-поговорИш. Ору розвелИ* (кричали), *НатАлья у меня поревИт-поревИт – еЁ не напугАём. ПридЁт, мне повыговАриват-повыговАриват, а уйтИ не мОжэт. Так и не поЕхала-не поЕхала. Приду, погелЖУ: в бутЫлке фсё Убыло да Убыло. Забуду-то фсё* (= забываю), *натрУ-натрУ «СОфьей-то» и заусну. ШальнЁ такО врЕмя пошлО: они пИдь, да пИдь, да пИть, фтенУлисе да фтенУлисе.*

В данных примерах длительность действия создается самим удвоением глагола, а «окружение» глагола (контекст и ситуация речи) свидетельствует о том, что эти длительные действия происходят (или происходили) неоднократно. Ср. в устной недиалектной речи: *Я иногда вспылю-вспылю, вспылю.*

М. Я. Гловинская, рассматривая употребление глаголов совершенного вида в ситуациях неограниченной кратности или длительности действия в литературном языке, предполагает, что таким образом про-

является либо аналитизм в системе глагола как своеобразная аномалия, либо это остатки прежнего неразличения видов, сохранившиеся с древних времен [Гловинская 2008: 223–224]. На наш взгляд об аналитизме в категории вида можно говорить применительно к так называемым двувиловым глаголам типа *женить*, *исследовать*, *приватизировать*, где действительно вид выражается средствами контекста. В нашем же материале глагол совершенного вида, беря на себя функцию глагола несовершенного вида в ситуациях кратности или длительности действия, не перестает быть глаголом совершенного вида. Поэтому логичнее в данном случае усматривать синкретизм.

Следует отметить, что подобное более свободное употребление глаголов совершенного вида в контекстах кратности и длительности действия в устной русской речи (диалектной и недиалектной) сближает русский язык с другими славянскими языками, в частности с чешским и словацким, о чем свидетельствуют исследования Е. В. Петрухиной [Петрухина 1998: 356–363], Л. Л. Смирнова [Смирнов 1971: 239], А. Г. Широковой [Широкова 1971: 292–298].

Таким образом, синкретизм в категории вида проявляется, с одной стороны, в том, что глагол совершенного вида совмещает в себе функции обоих видов, выступая в ситуациях кратности и длительности. А с другой стороны, сами значения длительности и кратности действия, обычно автономные при употреблении глаголов несовершенного вида, могут восприниматься как сосуществующие при употреблении глаголов совершенного вида. Это обстоятельство кажется нам вполне естественным для устной речи, так как делает ее более емкой и образной.

Использованная литература:

- АХМАНОВА, О. С. (1966): *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия.
- ВОБОРИЛ, Л. (2014): Синкретизм в грамматической системе русского языка. In: *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů – 04.–06. 09. 2013*. Olomouc: VUP, s. 9–13.
- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (2008): Функционирование видовременных форм. In: *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, с. 223–224.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2002): *Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров)*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва: МАКС Пресс.

- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2009): Аспектуальные показатели кратности и длительности действия и вид глагола в диалектной речи. In: *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества*. Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009г. Москва: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, с. 75–76.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2012): Грамматический потенциал диалектного текста (видовременные глагольные формы в архангельских говорах). In: *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Stadia Russologica V* (2012). Krakow: Wydawnictwo Naukowe UP, s. 100–105.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2013): Выражение аспектуальных смыслов в русских северных говорах и славянских литературных языках. In: *Коммуникативные аспекты грамматики и текста I*. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, s. 43–47.
- ЗАКРЕВСКАЯ, В. А. (2014): Функциональный диапазон глаголов совершенного вида в русской диалектной речи. *Rossica Olomucensia LIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů – 04.–06. 09. 2013*. Olomouc, VUP, s. 85–88.
- КАМЫНИНА, А. А. (1999): *Современный русский язык. Морфология*. Москва: Изд-во МГУ.
- ПЕТРУХИНА, Е. В. (1998): Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках. In: *Типология вида*. Москва: Языки русской культуры, с. 356–363.
- СМИРНОВ, Л. Л. (1971): Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке. In: *Исследования по славянскому языкознанию*. Москва: Наука, с. 239.
- ШИРОКОВА, А. Г. (1971): Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. In: *Исследования по славянскому языкознанию*. Москва: Наука, с. 24–29.

Профиль автора:

Закревская Валентина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Научные интересы сосредоточены в области употребления грамматических форм (прежде всего глагольных) в живой диалектной речи (на материале собственных записей архангельских говоров)

Тюменский государственный университет
625003 Тюмень,
Семакова, 10
zakrev@yandex.ru

Елена Вадимовна КОСАРЕВА

Россия, Санкт-Петербург

Деловая презентация в коммуникативно-прагматическом аспекте

Business presentation in the communicative-pragmatic aspect

Abstract: The analyzed subject of this article is research of business presentation genre in communicative-pragmatic aspect. This paper describes the features of the speech genre, which occupies a place between business and public discourse. Particular attention has been paid to the study of verbal behavior of the presentation host during a business presentation, namely communication strategies and tactics of the host and their interaction, implementation of objectives, the choice of tactics and its verbal embodiment. Analysis of the collected material has allowed to identify and describe the features of the host behavior in a direct and an indirect communication.

Key Words: Business presentation – speech genre – communicative-pragmatic aspect – speech behavior – communicative strategy – communicative tactics.

В последние годы в сфере делового общения жанр деловой презентации занимает все более прочные позиции. Это вполне объяснимо. Жанр деловой презентации ориентирован не только на информирование адресата, но и на то, чтобы воздействовать на данную целевую аудиторию, побудив ее к конкретному действию.

Для описания данного жанра в коммуникативно-прагматическом аспекте нам необходимо рассмотреть некоторые параметры жанра более подробно.

Как известно, коммуникативная цель (интенция, намерение) является главным жанрообразующим признаком речевого жанра [Шмелева 1997; Косарева 2004]. Именно этот существенный параметр заставил нас отнести деловую презентацию к числу речевых жанров, обладаю-

щих сложным интенциональным комплексом. Так для деловой презентации характерно несколько коммуникативных целей:

- 1) информирование
  - представить нужную информацию о товаре или услуге;
  - обменяться нужной информацией.
- 2) интенции, ориентированные на воздействие собеседника (императивные цели)
  - убедить в правильности принимаемого решения; выгоды избранного способа;
  - добиться согласия;
  - отстоять свою точку зрения;
  - не согласиться с мнением собеседника/собеседников.
- 3) контактоустанавливающие цели
  - установить деловые отношения, соблюдая при этом определенный статус;
  - получить поддержку и т.д.

Всё вышесказанное позволяет отнести деловую презентацию к информативно-императивному речевому жанру, включающему в себя признаки информативного и императивного речевых жанров.

Фактор адресата в деловой презентации играет не менее важную роль, чем намерение адресанта. Во многом именно этот параметр влияет на выбор коммуникативных тактик адресанта, соответственно, влияет и на выбор самих языковых средств. Необходимым условием проведения успешной презентации является предварительный анализ аудитории: возрастной состав, степень осведомленности в теме презентации, характер психологической настроенности по отношению к ведущему.

Анализ собранного материала (<http://www.youtube.com/watch?v=iEWB3R45jIQ>; <http://www.youtube.com/watch?v=1Fr5jl5v-JQ>; <http://www.youtube.com/watch?v=1Fr5jl5v-JQ>) позволяет сделать вывод о том, что опытный ведущий при определении последовательности своих речевых действий руководствуется четкими прагматическими правилами. Так, особое внимание с точки зрения эффективности речи ведущий уделяет вступлению, первой части презентации, поскольку эта часть преследует цель захватить внимание слушателей, вызвать интерес и доверие. Можем привести следующий пример вступления: *«Видео-коммуникации – волна, ведущая в будущее. А вы готовы быть на гребне волны?»*

Довольно часто в современной деловой презентации мы наблюдаем тенденцию к уменьшению дистанции между адресатом и адресантом. Одним из основных приемов, позволяющих, с одной стороны, сократить эту дистанцию, с другой стороны, усилить действие на аудиторию, является диалогичность. Для придания диалогичности ведущим в ходе презентации могут использоваться различные грамматические категории, которые будут играть определенную контактоустанавливающую роль, актуализировать содержание презентации, воздействовать на принятие решения адресатом. Так, в деловых презентациях ведущим чаще используются глаголы в форме повелительного наклонения, например: *Не теряйте времени! Действуйте, улучшайте свою жизнь! Начните зарабатывать с нашими системами.*

На лексическом уровне языка убедительность достигается с помощью прилагательных и причастий, имеющих положительно оценочные значения (*уникальный, абсолютный, идеальный, безупречный, исключительный, великолепный, потрясающий, превосходный*), при этом довольно часто встречаются краткие формы прилагательных и причастий: *«Они удобны, очень просты в использовании и очень доступны».*

В процессе анализа речевого материала особый интерес вызвала тактика убеждения, к которой часто прибегает ведущий. Её специфичность заключается в том, что ведущим всегда учитываются все вышеприведенные показатели, которые влияют на эффект воздействия. При реализации тактики убеждения не меньшее значение имеет и сама форма деловой презентации, а именно: прямое или опосредованное общение.

В качестве инструмента реализации данной тактики ведущий использует множество приемов, одним из которых является аргументация, к которой прибегает ведущий в основной части презентации. Традиционно все аргументы делятся на сильные, или рациональные, поскольку они воздействуют на разум, и слабые, эмоциональные, к ним прибегают с целью воздействия на чувства человека.

Проведенное исследование речевого поведения ведущего позволило выявить некоторые приемы, которые отнесены нами к сильным аргументам, а именно: ссылка на авторитет: *«Именно этим инструментом с удовольствием пользовался депутат государственной думы Виктор Черепков, партия которого насчитывает сотни тысяч человек»;* собственный авторитет (адресанта): *«Если ты настроен зарабатывать Talk fusion серьезные деньги, я однозначно рекомендую тебе подключаться на элитный пакет, именно на этот пакет подключался я*

сам»; ссылка на престижные компании и организации: «BBB – это мировое бизнес-бюро. Talk Fusion там прошла аккредитацию и получила класс надежности «А», самый крутой «А+», но «А» – это очень круто тоже»; приведение статистических данных: «Согласно одному исследованию, 58% людей при выходе в интернет первым делом проверяет свою электронную почту, т.е. это очень важный канал коммуникации».

Среди слабых аргументов нами были выявлены следующие: приведение примера, сравнение, обещание и прогноз на будущее. К данным приемам ведущий прибегает чаще в ситуации, когда участники презентации не являются специалистами, профессионально не связаны с темой презентации. Обратимся к примерам: «Допустим, 75 долларов пришло вам на счет, вы можете сразу же в ресторане сидеть и спокойно оплатить этой карточкой до 2 500 000 долларов в любом банке в любой стране мира. 125 стран мира принимают визу к оплате. В Таиланде – барель, доллар – в США, в России – в рублях» (приведение примера); «Соответственно, видео продает и вызывает намного больше эмоции. Если через текст захотели рассказать какой-нибудь новый Мерседес, никогда в жизни у нас не получилось бы то же самое, что получилось через видео» (сравнение); «Это программа позволит вам заработать намного больше и сэкономить труд нескольких человек» (обещание).

Собранный материал позволяет сделать вывод о том, что при непосредственной коммуникации ведущим чаще используются рациональные аргументы, поскольку его целевая аудитория – специалисты, которые, как правило, подготовлены к встрече, при опосредованном общении доминируют эмоциональные аргументы.

Подводя итог нашему краткому изложению, можно отметить, что деловую презентацию отличает от других речевых жанров особая заинтересованность в достижении коммуникативно-прагматического эффекта, связанного с побуждением адресата к совершению действия, именно это жанровое своеобразие оказывает существенное влияние на речевое поведение ведущего в ходе деловой презентации.

Использованная литература:

- ШМЕЛЁВА, Т. (1997): Модель речевого жанра. In: *Жанры речи*. Саратов: «Колледж», 1997. Вып. 1. 212 с. ISBN 5-900641-49-X, с. 88–98.
- КОСАРЕВА, Е. (2004): Устное деловое общение как система речевых жанров. In: *Материалы XXXIII Международной филологической конференции. Вып. 16. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 15–20 марта 2004 г.*, Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, с. 140–143.

Интернет-источники:

<http://www.youtube.com/watch?v=iEWB3R45jlQ>

<http://www.youtube.com/watch?v=1Fr5jl5v-JQ>

<http://www.youtube.com/watch?v=1Fr5jl5v-JQ>

Профиль автора:

Косарева Елена Вадимовна, кандидат филологических наук

Сфера научных интересов: особенности современной деловой речи, лингвопрагматика, тестирование в РКИ.

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Университетская наб.,

д. 7–9,

Санкт-Петербург, 199034

www.spbu.ru

e.kosareva@spbu.ru

Александр Александрович МАЛЫШЕВ

Россия, Санкт-Петербург

Глагольная оценочность в спортивном медиадискурсе (на материале разных видов спорта)

Verbal estimation in a sports media discourse (on the material of different types of sport)

Abstract: As a difficult semiotics system the sports media discourse is penetrated by various author's intensions, and the key intensions are a social and professional estimation of rendition of the sportsmen. The assessment is traditionally expressed with expressive nouns, adjectives and adverbs, however in a sports discourse an important role is played also by verbal estimation, including set phrases with a verbal basis. Texts of sports mass media are analyzed with application intensional-stylistic analysis. The main hypothesis is the provision on various nature of verbal estimation depending on the factors influencing on the journalist while the creation of the text. On the example of opposition "the own – the strange sportsman" characteristics of verbal expression of an assessment in case of successful and unsuccessful results of Russian sportsmen in different types of sport will be shown.

Key Words: Estimation – verbal estimation – sport – media discourse – stylistics – typology – media linguistics – semantics – dialogicity – intension.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

Будучи сложной семиотической системой [Малышева 2011], спортивный медиадискурс пронизан разнообразными интенциями, ключевыми среди которых являются социальная и профессиональная оценка

журналистом выступления спортсменов (см., например: [Прохорова 2015]). Оценивая действия спортсменов, журналист прямо или косвенно вступает в диалог с аудиторией, побуждая ее согласиться или выразить несогласие с его мнением [Дускаева 2012]. Традиционно оценка выражается с помощью экспрессивно окрашенных существительных, прилагательных и наречий, однако в спортивном дискурсе важную роль играет и глагольная оценочность, в том числе устойчивые словосочетания с глагольной основой [Гутцайт 2011; Гутцайт 2012]. В этом контексте актуальной является мысль В. фон Гумбольдта о глаголе как «связующем звене, содержащем в себе и распространяющем жизнь» [Гумбольдт 1984: 199]: в спортивных медиатекстах с помощью глагола действие не просто обозначается, но и оценивается.

Традиционно виды спорта разделяются на командные и индивидуальные. В командных видах спорта оцениваются как действия команды в конкретный момент (преимущественно глаголы в форме настоящего времени), так и достигнутый к концу соревнования результат (преимущественно глаголы в форме прошедшего времени). Оценка действий команды может быть положительной и отрицательной, ср. соотв. *возить соперника по полю, прижать соперника к воротам, разрывать оборону, давить, нагнетать, напрягать и пожарить* (= несогласованно действовать в обороне), *насовать перед соперником, стушеваться, поникнуть* и др. Положительный результат выступления команды нередко гиперболизируется (*разгромить, уничтожить, раздавить, унизить*), либо подается как проявление высокого морального настроения на игру (*выстоять, выдержать, удержать, отстоять, отбиться, перебороть, потерпеть, дожать*). Неудача оценивается как недостаток самоотдачи (*недоработать, расслабиться, отскочить, вымучить*), либо как констатация несогласованности действий команды (*провалиться, спасовать*), соревнование иногда оценивается как завершившееся мучение (*отмучиться*). Экспрессивность оценки в каждом случае напрямую зависит от уровня мастерства соревнующихся команд, напряженности борьбы, зрелищности игры и др., ср. начало аналитической статьи после победного для сборной России волейбольного финала на Олимпиаде-2012: *Эту сборную Бразилии нельзя было обыграть. Только сломать, уничтожить, перемолоть*. В случае международных соревнований журналист нередко с помощью глагола объединяет себя и аудиторию со сборной своей страны (ср. местоименное *Мы просто съели сборную Швейцарии!* и глагольное *Эх, опять проваливаемся в обороне*).

Оценка действий игрока как составной, но все же действующей индивидуально части команды складывается из оценивания его действий в конкретном игровом эпизоде и результата, причем порой игрок и команда противопоставляются (команда сыграла хорошо, игрок – плохо и наоборот). Действия игрока оцениваются как положительно (высокая оценка мастерства: *прочитать момент, выручить, обокрасть соперника, выцарапать мяч, потревожить вратаря, наказать, перехитрить, укротить шайбу, обезмячить, обезшайбить* и др.), так и отрицательно (упрек: *пожадничать, заиграться, передержать мяч/шайбу* и др.). Совершаемые нарушения правил в большинстве случаев подаются в минорной тональности, что передает остроту борьбы (*завалить/срубить/обрушить/лупсануть/пнуть/пихнуть соперника, впечатать в борт, швырнуть на борт, оторвать ноги* и др.). Преодоление спортсменом обороны соперника зависит от его физических данных, количества обороняющихся и динамичности эпизода, здесь нередки глаголы с приставкой *про-* (*продавить, просочиться, протиснуться, пролететь, прорваться* и др.). Завершающий удар или бросок также передаются с повышенной экспрессивностью (*сотрясти каркас ворот, выстрелить в девятку, вбить/вонзить/вколотить/пропихнуть мяч/шайбу, прошить стенку/вратаря* и др.). В некоторых текстах значимость действий игрока передается с помощью глаголов не только качественно, но и количественно: *Гамова взлетела над сеткой, закрыла Чжан Пинь, потом подняла сзади тяжелый мяч, потом еще раз забила, потом еще раз поставила блок, а потом вывела нас вперед* (шесть глаголов в одном предложении).

В индивидуальных видах спорта глагольная оценочность нередко зависит от сущностного наполнения вида спорта и идеологических установок журналиста. Так, комментатором фигурного катания будут использоваться глаголы, передающие эстетическое восприятие (*парить надо льдом, взмывать в воздух* и др.), тогда как речь комментатора боксерского поединка будет содержать глаголы, передающие действия грубой силы (*избивать, поливать ударами, окучивать, вдарить, влетать, замордовать* и др., ср.: *От Поветкина же будут требовать, чтобы он не просто победил Переса, а размазал его по настилу ринга, намотал кишки на стойки и обязательно превратил его мозги в фарш*). Идеология обуславливает выбор журналистом глаголов для описания выступления спортсмена: так, Евгений Плющенко в случае неудачного завершения прыжка обычно может практически нейтрально *упасть* или *сорвать прыжок* (мы говорим о нейтральности в случае печатно-

го текста, поскольку в телеэфире важнейшую роль играет интонация), фигуристы из других стран в такой ситуации могут *сесть на пятую точку, шлепнуться, брякнуться, плюхнуться на лед* и др. Передает идеологию и количество глаголов: к примеру, в интернет-трансляции боксерского поединка между россиянином Александром Поветкиным и украинцем Виталием Кличко в октябре 2013 г. нами было обнаружено 30 глаголов, передающих действия Поветкина, и 22 – действия Кличко, что не только отражает активные действия первого и выжидательную тактику второго, но и демонстрирует сопереживание комментатора соотечественнику на фоне политических событий на Украине.

Остановимся еще на двух важных объектах оценивания, упоминания о которых мы практически не встретим в речеведческих исследованиях спортивной журналистики: на оценивании действий болельщиков и оценивании самими спортсменами своего выступления.

Активность болельщиков так же, как и действия спортсменов, передается с помощью глаголов качественно и количественно. При этом оценивается не только поведение болельщиков, но и их восприятие выступлений участников соревнования. Так, если журналист пишет, что болельщики *матерятся, режут, голосят, свистят, аплодируют, рукоплещут, скандируют, притихают, оживают, беснуются, гудят или ликуют*, он не только описывает и оценивает их речевую и поведенческую культуру, но и констатирует их недовольство или восторг от происходящего, а следовательно, косвенно оценивает и самих спортсменов. С помощью цепочек глаголов передаются заинтересованность болельщиков в посещении соревнования (перед футбольным матчем они *спешат, толкаются, извиняются и бегут дальше*), сопереживание во время матча (стадион *кричит, свистит и топает*), эмоции во время чествования победителей (на награждении фигуристов зал *стонал, визжал и подпрыгивал* вместе с победителем) и т. д.

Наконец, в последние несколько лет наблюдается тенденция к стилистической демократизации при печатной передаче высказываний спортсменов о своих выступлениях. Обычно в этом случае перед нами стандартные и потому бесцветные выражения вроде «мы старались и победили» или «мы не рассчитали сил и проиграли», происходящие как от определенной шаблонности речи самих спортсменов, так и от литературной обработки их ответов. На этом фоне выигрышно выделяется передача «живой речи живого человека»: так, в репликах некоторых молодых спортсменов не подвергаются правке просторечные

и грубые глаголы *я не рассчитал силы и сдох, я облажался, мы их дернули* и др. Более того, когда в кратком комментарии после неудачных игр футболист К. Зырянов (в 2007 г.) и хоккеист И. Ковальчук (в 2013 г.) употребили глагол *обосраться*, эти глаголы в ряде публикаций были не только не заменены литературными синонимами, но и представлены без характерной «цензурной» замены одной или нескольких букв звездочками или троеточием, что вызвало неоднозначную реакцию читателей.

Глагольная оценочность играет важную роль в современном спортивном медиадискурсе. Употребление экспрессивно окрашенных глаголов не только помогает журналисту доносить до аудитории происходящие соревновательные события (в динамике или при подведении итогов), но и позволяет емко и выразительно транслировать и формировать эмоции, вызванные ходом соревнования или его результатами. Впрочем, восприятие аудиторией того или иного глагола нередко зависит от личности журналиста, употребившего его в письменной или устной речи, а также от частотности его употребления в спортивных медиатекстах и, как следствие, – степени его семантического выветривания.

Использованная литература:

- ГУМБОЛЬДТ, В. (1984): *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- ГУТЦАЙТ, Р. Л. (2011): Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария. In: *Медиаскоп*, 2011, Вып. 4.
- ГУТЦАЙТ, Р. Л. (2012): Языковая игра в речи спортивного комментатора. In: *Медиаскоп*, 2012, Вып. 1.
- ДУСКАЕВА, Л. Р. (2012): *Диалогическая природа газетных речевых жаров*. СПб: СПбГУ.
- МАЛЫШЕВА, Е. Г. (2011): *Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование*: научная монография. Омск: Изд-во ОмГУ.
- ПРОХОРОВА, К. В. (2015): Интенциональная семантико-стилистическая категория соревновательности в спортивной журналистике. In: *Медиалингвистика*, 2015, Вып. 4, с. 88–92.

Профиль автора:

Малышев Александр Александрович

Историческая лексикология, историческая стилистика, лингвистическая поэтика, медиалингвистика

Санкт-Петербургский государственный университет:

199004, Санкт-Петербург,

1-я линия В.О.,

д. 26.

<http://www.jf.spbu.ru>

malyshv.alexander@mail.ru

Анна Манасовна МЕНЬЩИКОВА

Россия, Екатеринбург

«Поэма без героя» А. Ахматовой: проблема перевода с точки зрения поэтики незавершенного

**“Poem Without a Hero” by A. Akhmatova:
Problem of Translation in Relation to Poetics of incompleteness**

Abstract: The article gives a brief justification of the phenomenon of incompleteness, which appears to be the key when considering the creative history of “Poem without a Hero”. To study the problem of translation into a foreign language the two most common translations were selected, which were made in 1976 and 1989 presumably from the same edition of “Poem without a Hero”, but which are significantly different. The study considers some elements of the poetics of incompleteness, that were reproduced in translations with varying degrees of accuracy or were overlooked by translators.

Key Words: Anna Akhmatova – D. M. Thomas – Lenore Mayhew – William McNaughton – translation – poetics of incompleteness – phenomenon of incompleteness – variation – edition.

Проблема публикаций и перевода «Поэмы без героя» на иностранные языки связана с историей ее создания.

Ахматова начала работу над «Поэмой» в переломном для себя 1940 году. По свидетельствам А. Наймана, «как единое целое “Поэма” существовала уже в 1942 году, в ней было тогда 370 строк» [Найман 2008: 187]. В последующие десятилетия она увеличилась вдвое за счет включения в текст объемных прозаических фрагментов, а также строф и строк, вошедших в уже сложившуюся структуру. Материалы «Записных книжек» свидетельствуют о продолжающейся работе над

«Поэмой без героя» вплоть до лета 1965 года, когда до смерти поэта оставалось менее года.

В записях от 8 сентября 1962 года Ахматова сообщает об окончании «Поэмы»: «Кажется, сегодня кончила “Поэму без героя” (“Триптих”», но позже приписывает: «Нет» [Ахматова 1996: 248]. Другой пример свидетельствует о том, что Ахматова задумывалась о явлении незавершенности авторского замысла: в записи от 2 октября 1964 года она говорит о М. Ю. Лермонтове: «Он никогда бы не кончил “Демона”. <...> Он искал бы все новые и новые формы для воплощения этого образа...» [Ахматова 1996: 561].

Исследование характера изменений, сравнительный анализ редакций и изучение текстов, окружающих «Поэму», позволяет говорить о ней как о незавершенном произведении, а о ее поэтике – как о поэтике незавершенного¹.

К причинам незавершенности «Поэмы без героя» относится ряд факторов, наиболее важный из которых – специфика сознания Ахматовой, осмыслявшей личную историю сквозь призму истории поколения, эпохи. Работа над «Поэмой» была неким терапевтическим актом, позволявшим, по В. Н. Топорову, «обеспечить ту целостность и как бы непрерывность образа жизни, без которых распался бы не только этот образ (хранящийся в памяти – прим. А. М.), но и сама жизнь, и живущий ее человек» [Топоров 2003: 267]. Воспроизведение «целостности образа жизни» не может быть закончено, со временем требуя возвращения поэта к произведению, введения новых мотивировок, установления прежде не предвиденных связей: на протяжении последующих 20 лет Ахматова неизменно устанавливала новые связи прошедшего с настоящим.

Отсутствие канонического текста «Поэмы без героя», многочисленные указания поэта на разные редакции, которые могли бы считаться «окончательными», выверенные цензурой (и автоцензурой) версии текстов, появлявшихся в печати еще в советское время, наконец, ошибки в переписанных или записанных на слух редакциях – все это привело к тому, что на данный момент, по свидетельствам Н. И. Крайневой, «более чем в двадцати основных... изданиях, претендующих на текстологически обоснованную публикацию “Поэмы без героя”, тексты все разные, нет даже двух полностью идентичных друг другу <...> Наибо-

---

¹ См. об этом подробнее: Меньщикова А. М. «Поэма без героя» А. Ахматовой: поэтика незавершенного // Феномен незавершенного / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т. А. Сныгиной и А. В. Подчиненова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. С. 435–460.

лее часто публикаторы пытались произвольно соединить тексты ранних и поздних экземпляров «Поэмы» либо включить в один, взятый ими за основу текст, все известные варианты текстов разного времени» [Крайнева 2009: 687].

В самое полное и позднее издание «Поэмы без героя» (издание под редакцией Н. И. Крайневой) включено 9 редакций, в каждой из которых отражены уровни правки, что позволяет проследить логику изменений элементов «Поэмы».

Сложная ситуация с ее публикацией на русском языке обуславливает ряд проблем, связанных с переводами. Для рассмотрения были взяты два перевода «Поэмы без героя» на английский язык:

Перевод вышедший в издательстве VINTAGE BOOKS (D. M. Thomas, "Selected poems") в 2009 году и являющийся переизданием текстов, опубликованных в 1976, 1979 и 1985 г.

Перевод, вышедший в год столетия Ахматовой, в 1989 году (Lenore Mayhew и William McNaughton, "Poem without a Hero and Selected Poems").

Тексты соответствуют тенденции, сложившейся в русскоязычных публикациях. На титульных листах обоих переводов указана дата: 1940 – 1962 г.г. и место создания произведения: «Ленинград – Ташкент – Москва». Несмотря на это тексты отличаются друг от друга эпитафиями, посвящениями, некоторыми строфами.

В издании с переводом Томаса нет ссылок на редакцию «Поэмы», взятую в качестве основы для перевода. В юбилейном издании дается разъяснение, посвященное многовариантности «Поэмы», а также приводится обоснование получившемуся тексту: к исходному варианту, использованному итальянскими переводчиками, имевшими возможность консультации с Ахматовой, были добавлены фрагменты из других редакций с целью достижения большего художественного эффекта.

Структура «Поэмы» вариативна: появляются ремарки, меняются местами и умножаются в числе строфы, эпитафии и посвящения. Они мерцают, возникая в одном тексте и исчезая в другом, а следовательно, мерцает и отчетливость интертекстуальных отсылок. Зачастую некоторые строфы исчезают и появляются вновь вместе с эпитафией или посвящением.

Поскольку в переводы попали фрагменты различных редакций, в англоязычных текстах встречаются эпитафии, существующие только в ранних русскоязычных редакциях, никак не связанные со строфами, появившимися только в поздних версиях.

В последних редакциях Ахматова указывала несколько вариантов окончания «Поэмы». После основного текста, в качестве сноски, закреплен ранний вариант с предшествующей фразой: «Раньше поэма кончалась так».

Основной текст: «От того, что сделалось прахом, / Обуянная смертным страхом / И отмщения зная срок, / Опустивши глаза сухие / И ломая руки, Россия / Предо мною шла на восток». Текст в сноске: «А за мною, тайной сверкая / И назвавши себя “Седьмая”, / На неслышанный мчалась пир, / Притворившись нотной тетрадкой, / Знаменитая ленинградка / Возвращалась в родной эфир». Оба окончания были, безусловно, важны для Ахматовой, однако в английских переводах представлен один, более поздний вариант финала.

Значимость нескольких версий окончания состоит, во-первых, в провозглашении вариативности, а, во-вторых, именно в строфе, которая ранее служила единственным окончанием, к строке «И назвавши себя “Седьмая”» сделана сноска к «Примечаниям редактора», также отсутствующим в переводах: «“Седьмая” – Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии автор вывез на самолете из осажденного города, 29 сентября 1941 года». В другой редакции, также датированной 1962 годом, к «Седьмой» дается иной комментарий: «Седьмая элегия, еще не написанная».

Отсекая от «Поэмы», на первый взгляд, лишь текстологическую подробность, издатели лишают ее нескольких принципиальных для поэтики произведения аспектов: 1) интертекстуальных отсылок к музыке, столь важной для Ахматовой и для ее петербургского и ленинградского текста; 2) не менее важных указаний на другие произведения, которые создавались одновременно с «Поэмой без героя».

Отсутствие единого окончания представляет собой «минус-прием», важнейшую составляющую поэтики незавершенного. Подобным явлением можно считать и фактическую незначительность «Поэмы», которой было уделено большее внимание со стороны переводчиков.

В редакциях на русском языке текст «Посвящения» начинается с пропущенной строки, а затем – со строчной буквы: создается эффект вырванности некоего вербального фрагмента из более масштабного потока (Ахматова говорила о музыкальном вихре). В переводе Томаса сохранена пустая строка, но текст начинается с прописной буквы и без отточия. Юбилейное издание дублирует русскоязычный вариант.

Еще одним проявлением минус-приема служат некоторые названия частей «Поэмы». Наиболее показательны «Вместо предисловия». Это

– прозаическая вставка, начинающая (или напротив, не начинающая) «Поэму», в которой поэт рассказывает о появлении творческого замысла и первых слушателях произведения – жителях блокадного Ленинграда (что вновь соотносится с симфонией Шостаковича). В переводе Томаса она превращается в «Предисловие».

Другая составляющая поэтики незавершенного – масочность. В «Поэме» множатся авторские маски, зашифровывается субъект повествования. В обоих переводах сохранены такие маски как «Призрак», «Слова из мрака», «чудится голос, который читает», «говорит сама Тишина», но отсутствуют вставки, в которых говорится о переводчике, следователе, который находит отдельные, ранее неизвестные фрагменты «Поэмы», а также о «ком-то еще», кто сжег фрагмент произведения.

Утрата этих составляющих обедняет авторский замысел: 1) идею автономности «Поэмы»; 2) важнейшую мысль для классической русской литературы: поэт – посредник между людьми и Богом, своего рода переводчик. «Поэма» в ахматовской мифологии представляла собой нечто большее, чем поэтический текст, являясь автору то в форме музыки, то – танца, то – театрального действия. Отточия, пустые строфы Ахматова называла «Другой», шедшей рядом с «Поэмой». Таким образом, фигура переводчика важна для поэтики незавершенного как символ невозможности полного вербального выражения замысла.

Вместо комментариев от лица редактора и переводчика, созданных Ахматовой, английские версии снабжены примечаниями ко всему сборнику стихов и не имеют авторских особенностей комментирования. Читателю предлагаются краткие биографические сведения и толкование редких слов. Это делает систему субъектов повествования плоской, «Поэма» перестает «двоиться» и «троиться».

Автор занимает позицию вневидимости, всевидения. В поздних редакциях (и в переводах) появляются «лагерные строфы», предваряемые ремаркой: «Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит». С появлением этих строф в «Поэме» меняется другая ремарка: «Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале 19 века братьями Адами. В него было прямое попадание авиабомбы в 1942 г.» (до появления «лагерных строф»); «В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г.» (в последующих редакциях). Изменившаяся видо-временная форма глагола позволяет автору занять позицию предвидения. В переводе Томаса сохранен этот нюанс, а в юбилейном сборнике оставлен глагол прошедшего времени: “In the bombing of 1942 it will suf-

for a direct hit” [Akhmatova 2009: 118]; “...a house that in 1942 took a direct hit during an air raid” [Akhmatova 1989: 132].

Наконец, незавершенность, явленная на строфическом уровне, практически полностью отсутствует в переводах «Поэмы». Структура ахматовской строфы (ааСввС), предполагающая создание эффекта поступательного движения, особенно, за счет увеличения числа строк с женской рифмой, оказывается практически невозможной для английского языка. Тем не менее, переводчики сохраняют графическое оформление строфы – «лесенкой», изначально призванное подчеркнуть ритмический эффект структуры.

Таким образом, перенос некоторых элементов «Поэмы» в переводе происходит формально: часть текста, связанная с авторскими комментариями, не включена в редакцию. Фрагменты, убранные Ахматовой еще в ранних редакциях, появляются вместо новых, более поздних. Вместе с тем, перевод «Поэмы без героя» на иностранный язык можно считать еще одним вариантом произведения, который оказывается примером самостоятельного существования «Поэмы», продолжающегося и после смерти автора.

Использованная литература:

- АХМАТОВА, А. (1996): *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore.
- КРАЙНЕВА, Н. (2009): *«Я не такой тебя когда-то знала...»*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Мирь».
- НАЙМАН, А. (2008): *Рассказы о Анне Ахматовой*. Москва: АСТ: Зебра Е.
- ТОПОРОВ, В. (2003): *Петербургский текст русской литературы*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб.
- АХМАТОВА, А. (1989): *Poem without a Hero and Selected Poems*. Oberlin, OH: Oberlin College Press.
- АХМАТОВА, А. (2009): *Selected Poems*. London: Vintage books.

Профиль автора:

Меньщикова Анна Манасовна, аспирант

Научные интересы: творчество и мифотворчество А. Ахматовой, рецепция образа поэта в кинематографе, феномен незавершенного.

Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б. Н.
Ельцина,
Институт гуманитарных наук и искусств,
департамент «Филологический факультет»
ул. Ленина, 51
620002 Екатеринбург
www.urfu.ru/ru/
menanman@rambler.ru

Лейла Юрьевна МИРЗОЕВА

Республика Казахстан, Алматы

Синкретичный характер оценок степени достоверности в русском языке XVII–XVIII вв.

Syncretism of Epistemic Qualifications in Russian Language of XVII–XVIII centuries

Abstract: The article deals with the phenomenon of syncretism of epistemic qualifications represented in the Russian language of XVII–XVIII centuries. Specifics of those language means consist in their capability to express epistemic meaning, on the one hand, and emotive (positive or negative) meaning – on the other hand. The author focuses on syncretic character of epistemic qualifications on the basis of diachronic approach. At the same time, such point of view presupposes the priority of dynamic study of the aforementioned object. Analyzing epistemic qualifications it is necessary to take into account the peculiar way of their evolution from simple means which expressed just certainty or uncertainty, to multifaceted units combining both axiological and epistemic meanings.

Key Words: Russian language of XVII–XVIII centuries – epistemic qualifications – epistemic meaning – emotive meaning – positive/negative meaning – axiological meaning – diachronic approach – syncretism.

Оценки степени достоверности сообщения являются одной из составных частей аксиологических представлений языковой личности на исследуемом нами отрезке истории русского языка (XVII–XVIII вв.). В рассматриваемый нами период система оценочных средств, специализированных на выражении широкого спектра достоверностных значений, подвергалась значительной трансформации, как это будет показано ниже. Эволюция шла как по линии формирования разветвленной системы достоверностных квалификаций, так и по

линии постепенного усложнения семантической структуры и объема значений этих оценочных средств; и особенно важным результатом этого процесса являлось развитие синкретичной слитности эпистемического и собственно аксиологического начал. В современном языкознании данные оценочные средства включаются в поле эпистемической модальности и могут быть шкалированы от значения высокой степени уверенности говорящего в соответствии содержания сообщения действительности до демонстрации субъектом речи столь же высокой степени сомнения.

Для определения особенностей подхода к достоверностным квалификациям, которые характеризуются многоплановой, синкретичной природой, представляется необходимым обратиться к самому понятию синкретизм с учетом его представления в современной лингвистической науке. Как указывает Т. В. Колесникова [Колесникова 2008], термин представлен в лингвистических исследованиях весьма широко. В частности, он употреблялся еще А. М. Пешковским [Пешковский 1956: 266–267] «при истолковании некоторых синтаксических явлений, не поддающихся однозначной классификации» (а именно к числу этих явлений относятся анализируемые нами средства выражения эпистемической модальности!); термин «синкретические» использовался и В. В. Виноградовым (для обозначения случаев совмещения признаков разных членов предложения в пределах одной словоформы) [Колесникова 2008]. Анализируя синкретичные явления, какими являются достоверностные квалификации, мы берем за основу подход традиционный, лексико-грамматический, который, наряду с А. М. Пешковским, был продемонстрирован В. В. Бабайцевой. По В. В. Бабайцевой, данное явление имеет место в любом случае, когда один нерасчлененный элемент формы служит для номинации нескольких функций одного и того же лингвистического знака одновременно. «...результат совмещенности функций в одном языковом знаке, мы называем синкретизмом» [Бабайцева 1990: 446].

Продуктивность применения понятия *синкретизм* к сфере достоверностных квалификаций – выразителей разных оттенков эпистемической модальности – подтверждается и самой многоплановостью, многосторонностью данных оценочных средств, возможностью применения уровневой градации к анализу функционирования категории эпистемической модальности в рамках лексических единиц, атакже на уровне целого текста. Избранный нами материал предоставляет широкие возможности для исследования данных областей, поскольку

достоверностные квалификации уже в рассматриваемый нами период синкретичны, так как сопряжены не только с представленными выше областями, но и с двумя ярусами оценивания. С одной стороны, в них заложена оценка степени достоверности высказывания (*кажется, может быть* – весьма малая степень достоверности; *конечно, несомненно* – высокая степень вероятности содержания сообщения). С другой стороны, в них имплицитно может содержаться и отсылка к собственно аксиологической шкале (точнее, к ее пейоративному/мелиоративному полюсу: *чего доброго, того и гляди* – синкретичное сочетание нежелательного, пейоративно оцениваемого и в то же время весьма вероятного; *авось* – позитивная оценка и высокая вероятность события). Специфичность данных квалификаций определяется и тем, что они продиктованы рефлексией автора высказывания над его содержанием (подобно тому как оценки речи типа *лучше сказать, кстати сказать* содержат рефлексивное осмысление особенностей способа выражения мысли). Условием такого осмысления является довольно высокая степень лингвистической компетенции языковой личности, поскольку говорящему субъекту необходимо не только соотнести смысл высказывания с фактами окружающей действительности, но и оценить его как факт речи. Использование оценок степени достоверности рассчитано и на соответствующий уровень осознания реципиентом заложенного в них смысла: сигнализируя о достоверности/недостоверности, они указывают тем самым на «предел числа степеней свободы» восприятия высказывания (микротекста) [Леонтьев 1999: 144]. Двойственный характер достоверностных квалификаций отражается также в их соотнесенности и с лексическим, и с синтаксическим уровнем системы оценочных средств инвентаря языка. Так, характеризуя историю развития данного класса оценочных средств, А.А. Шахматов подчеркивал: «... они являются редуцированными по своему смыслу предложениями и восходят к действительным, настоящим предложениям...» [Шахматов 1941: 265].

Рассматривая тексты XVII века с точки зрения эволюции категории оценки, мы столкнулись со сравнительно небольшим числом достоверностных квалификаций. При этом незначительной была частота их употребления в проанализированных нами текстах, хотя сам их набор отличался широтой и разнообразием. Ср.: ... *авось либо-декто на меня и прелститца...*; *Я тебе, курушко, правду вецаю, а воистинну тебя не прелщаю; А ты, видно, простосердечный,*

неразсужден явился... (Сказание о куре и лисице). Даже в рамках одного сравнительно небольшого текста с отчетливой жанровой ориентацией (например, в сатире «Сказание о куре и лисице») отмечаем соседство таких оценок степени достоверности, как *авось, видно*, тяготеющих к отражению разговорного колорита высказывания, и отсылающей реципиента к высокой церковной лексике квалификации *воистинну*. Характерно также преобладание квалификаций, выражающих сомнение говорящего (субъекта оценки) в истинности / достоверности сообщения. Возможно, здесь сказывается и стремление к экономии языковых средств (не всегда стоит акцентировать внимание на том, что является безусловно истинным), и закономерность, отмечаемая многими исследователями применительно к собственно аксиологическим оценкам: инвентарь пейоративных оценок шире и гораздо разнообразнее набора мелиоративных квалификаций, т.е. отрицательное получает более отчетливое и дифференцированное языковое выражение.

В рассмотренных текстах XVIII века набор этих средств выражения оценки более стандартизирован; наибольшей частотой употребления характеризуются квалификации книжного характера (которые, в то же время, нейтральны с функционально-стилистических позиций). Преобладающими оценками степени достоверности сообщения являются *может быть, кажется, может* (сигнализирующие о сомнении автора в достоверности сообщаемых фактов и выражаемых оценок и амбивалентные в плане аксиологических коннотаций); несколько реже встречается квалификация конечно, соотносимая как с областью квазиистинности, так и со значением категорической достоверности. Ср.: *Сверх же того, **повидимому**, не все как надлежит усердствовали...; ...однако, **несомненно**, найдутся чрез то места, к разным рыбным и звериным промыслам удобные...* (М. В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий); *...я о том и не думал, **может быть**, и природное во мне было бесстрашие...* (М. Д. Чулков. Пересмешник или славенские сказки). Можно говорить и о том, что во второй половине XVIII века намечается закрепленность стилистически сниженных достоверностных квалификаций за речью персонажей (хотя эти факты пока нельзя считать проявлением устойчивой тенденции). Имплицитно заложенные в них аксиологические коннотации отчетливо соотносятся с пейоративной/мелиоративной направленностью содержащего их текстового отрезка: *...советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом, ... **авось-либо** какой-либо басенный бог вместит тебя в небо*

определенные перспективы реализации их потенциала в связи с их синкретичным характером, которые гораздо полнее будут реализованы в литературном языке XIX в. Эволюция оценки достоверностного характера в рамках национального периода истории русского литературного языка включает в себя такую ее исторически детерминированную особенность, как развитие синкретичности собственно аксиологического и эпистемического начал, представленного в рассмотренных квалификациях в качестве нерасторжимого единства. В результате в процессе поступательного развития и данных синкретичных квалификаций формируется более разветвленная и усложненная система оценивания самой речи ее создателем при помощи лингвистических же средств выражения оценки.

Использованная литература:

БАБАЙЦЕВА, В. В. (1990): Синкретизм. In: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, с. 446.

ПЕШКОВСКИЙ, А. М. (1956): *Русский синтаксис в научном освещении*. 7-е изд. М.–Л.

КОЛЕСНИКОВА, Т. В. (2008): *О понятии синкретизма в языкознании*. (25. 08. 2015) http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/IV/uch_2008_IV_00025.pdf

ЛЕОНТЬЕВ, А. А. (1999): *Основы психолингвистики*. М.: «Смысл».

ШАХМАТОВ, А. А. (1941): *Синтаксис русского языка*. Ленинград.

Профиль автора:

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук

Научные интересы: аксиологическая лингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология

Адрес места работы:

Университет имени Сулеймана Демиреля,

Республика Казахстан,

Алматинская область,

г. Каскелен,

Абылай-хана, 1/1

www.sdu.edu.kz

mirzoeva@list.ru

Елена Владимировна ПРОСКУРЯКОВА

Россия, Орел

Пословица в газетном заголовке в свете когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла

Proverbs in the headings of newspaper articles in the light of model of proverb meaning actualization in discourse

Abstract: The article is devoted to the proverb usage in the headings of newspaper articles, as well as its analysis using the cognitive-discursive model of proverb actualization in discourse. The author pays attention to the newspaper text and the reasons for using proverbs in it. Modern approaches to the problem of proverb definition are considered. Qualities of media and newspaper discourses are analyzed. A proverb used in an article heading of a popular Russian newspaper is analyzed using the cognitive-discursive model.

Key Words: Proverb – saying – discourse – media discourse – newspaper discourse – cognitive-discursive model – transformation.

В последнее время возросло внимание к такому социальному феномену, как *коммуникация*. Коммуникацию исследуют на разных уровнях и в разных аспектах, включая социологический, кибернетический, политологический, психологический, социобиологический философский, психологический, лингвистический и т.д. Эту тенденцию можно считать закономерной и объяснимой. В настоящее время происходит глобальное изменение индустриального общества, оно постепенно превращается в информационно-коммуникативное. Благодаря этому коммуникация проникает во все сферы жизнедеятельности общества, что приводит к возникновению качественно новых типов коммуникативных структур и процессов. Общество переосмысляет

коммуникативную составляющую социальной реальности, современные изменения в социально-коммуникативной сфере, а также место и роль коммуникации в развитии общества. Важную роль здесь играет социально-философская теория Ю. Хабермаса, которая считается одним из важнейших теоретических проектов XX века и по своему значению и глубине стоит в одном ряду с концепциями признанных классиков социальной философии. Ю. Хабермас выдвинул идею о том, что коммуникативная общность может осуществляться не иначе, как в межсубъектном диалоге [Habermas 1987: 76].

Самым главным и простым способом передачи накопленного опыта из поколения в поколение является язык. Одним из ярких проявлений языка служит народное творчество, которое уходит своими корнями в далекое прошлое и характеризует культуру народа, его историю, обычаи и традиции.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью любого языка. Они – своеобразный показатель его богатства, через пословицы мы можем понять культуру и ценности того или иного лингвокультурного сообщества, сопоставить картины мира разных народов, что составляет значительные трудности для переводчика.

Несмотря на активное изучение пословиц в последние 30 лет, единого подхода к их изучению не наблюдаем. Г. Л. Пермяков указывал, что пословицы и поговорки – это сложные образования, так как «с одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой – логические единицы (суждения, умозаключения); с третьей – художественные миниатюры, в яркой чеканной форме отражающие факты живой действительности» [Пермяков 1970: 16].

Пословицы следует отличать от поговорок. Г. Л. Пермяков предпринимает попытку разграничения пословиц, поговорок и фразеологизмов в логико-семиотическом аспекте, исходя из того, что «... пословицы и поговорки являются знаками ситуаций и определенных отношений между вещами», тогда как фразеологизмы являются знаком вещи, и в смысловом отношении эквивалентны слову. Согласно мнению ученого, поговорка – это «незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста», а пословица – «замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов» [Пермяков 1970: 18]. В данной работе мы придерживаемся определения пословицы, предложенного О. Б. Абакумовой. В нем пословица понимается как *фразеологизм* со структурой предложения, являющийся оценочным суждением и слу-

жащий средством достижения коммуникативной стратегии [Абакумова 2012: 140].

В определении медийного дискурса мы опираемся на работы Т. А. ван Дейка, согласно которым *медийный дискурс* – результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со СМИ [Ван Дейк 2010: 116]. Главной единицей медийного дискурса Т.А. ван Дейк считает газетную или журнальную статью.

Газета как одно из *средств массовой информации* занимает важное место в жизни человека. Именно в прессе освещаются события, которые происходят в мире, отражаются общественные мнения, мировоззрения. Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием. Можно сказать, что оно занимает стилистически сильную позицию. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании статьи. Целью газетного заголовка является привлечение внимания читателя к наиболее важной и интересной части сообщения: заголовок, как правило, не раскрывает до конца содержание статьи, стимулируя читателя ознакомиться с предложенным материалом. Таким образом, чтобы выполнить своё основное предназначение, то есть заинтересовать и даже заинтриговать читателя, заголовок должен быть максимально броским и запоминающимся.

Человек редко прочитывает газету «от корки до корки», он выбирает только то, что его интересует, руководствуясь названиями публикаций. Смысловые элементы предназначены для привлечения внимания к материалу, указания на основное содержание публикации, обозначения авторской позиции и формирования у читателя определенного настроения на восприятие публикации.

Американский паремистолог В. Мидер замечает, что журналисты давно поняли полезность и эффективность *использования пословиц в заголовках*. Пословицы, расположенные в начале статьи, напечатанные большим и жирным шрифтом, суммируют содержание газетной или журнальной статьи, создавая при этом сильную эмоциональную картинку. Традиционные пословицы и их варианты служат для привлечения внимания читателя, ведь важно, чтобы он прочел данную статью. Журналистам просто нравится использовать традиционные пословицы из-за их краткости и возможности «вписаться» в однострочный подзаголовок. В случае, если пословицы превышают разрешенное количество знаков, они сокращаются до аллюзий, которые будут по-

няты большинству читателей. Однако журналистам больше всего нравится «играть» с пословицами, создавая антипословицы, которые привлекут внимание читателей, после чего они захотят прочесть всю статью [Мидер 2005: 27–28].

В данной статье мы рассмотрим реализацию смысла пословичного высказывания в заголовке газетной статьи с использованием модели КДМ (когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе), предложенной О. Б. Абакумовой.

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе имеет четырехчастную структуру.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая) связана с выбором говорящим коммуникативной стратегии. Это может быть коммуникативное действие, которое ориентировано на достижение взаимопонимания и последующую совместную деятельность, или стратегическое действие, ориентированное только на успех говорящего без учета интересов слушающего. Выделяются следующие виды стратегического действия: индивидуально-стратегическое действие; социально-стратегическое действие; и драматургическое действие.

Konstativa (когнитивная составляющая) включает анализ пропозиции пословичного высказывания и ее реализацию в трех типах фреймов, что позволяет выявить семантический тип предиката, тематические отношения компонентов пословичного высказывания, выбор перспективы, что составляет ситуационный компонент высказывания; определить пресуппозицию и ассерцию, соотнести элементы текста с представлениями об элементах действительности, произвести их отождествление или уподобление, актуализовать форму высказывания.

Representativa (репрезентативная составляющая) отражает личные отношения и оценки говорящего, которые он хочет разделить со слушающим или навязать ему в зависимости от выбранной коммуникативной стратегии, и включает модальный, иллокутивный и оценочный компоненты семантического представления высказывания.

Regulativa (регулятивная составляющая) связана с разворачиванием пословичного сценария и его инференцией слушающим, то есть с результатом воздействия пословицы, с перлокутивным эффектом высказывания, отражает взаимодействие коммуникантов. Соответственно, данная составляющая модели включает нормативный и инференциальный компоненты, которые напрямую зависят от культурной и коммуникативной компетенции участников.

В качестве примера была избрана статья Ярослава Николаева под названием «Яблоко от яблони упало далеко. Россельхознадзор может закрыть импорт овощей и фруктов из Швейцарии», вышедшая в «Российской газете» 26 ноября 2014 года.

В статье описывается ситуация, возможная в результате предполагаемого реэкспорта продуктов Швейцарией в Россию. Автор объясняет, что Швейцария не является членом Европейского союза и на ее продукты не были наложены санкции. Чтобы исключить попытки контрабанды, представитель Россельхознадзора предлагает тщательно разобраться в проблеме и найти источник «серого реэкспорта», который не выгоден ни Швейцарии, ни России.

Пословица *Яблоко от яблони недалеко падает* в трансформированном виде используется в заголовке статьи с целью показать, что продовольственные эмбарго могут быть введены и в отношении Швейцарии, которая до этого не была замечена в «сером экспорте» овощей и фруктов.

Kommunikativa. Используя эту пословицу, журналист хочет подчеркнуть, что, несмотря на хорошие отношения между Россией и Швейцарией, Россия не потерпит скрытый ввоз запрещенных продуктов через Швейцарию. Это социально ориентированная стратегия. Автор преследует личные и профессиональные интересы. С одной стороны, важна защита государственной экономики, с другой, – упоминание контрабанды продукции призвано привлечь большое количество заинтересованных читателей. Статья вышла в конце ноября 2014 года, когда тема санкций была актуальной для всех россиян.

Konstativa. Претензии на понятность. Журналист использует пословицу в трансформированном виде (*Яблоко от яблони упало далеко*) с целью показать: россиянам стало известно, что фрукты попадают на их рынок не из Швейцарии.

Пословичный сценарий представляет собой наложение фреймов:

Образный фрейм:

Яблоко от яблони обычно падает недалеко, поэтому всегда легко определить сорт яблок и то, с какого дерева они упали.

Окказиональный фрейм:

Яблоки в данном случае «упали» далеко от яблони, и непонятно, откуда на самом деле их привезли.

Обобщенный фрейм.

В словаре пословиц и поговорок В. П. Жукова дается следующее определение пословицы *Яблоко от яблони недалеко падает*: В детях

повторяются недостатки, пороки их родителей. Говорится с осуждением [Жуков 1966].

В заголовке пословица используется в трансформированном виде с осуждающим подтекстом.

Representativa. Отношение говорящего/пишущего к ситуации отрицательное. Отрицательная оценка присуща всей пословице в ее первоначальном виде. Иллокутивная сила ассертив (утверждается, что фрукты привезены издалека), но имплицитно подразумевается косвенный директив.

Regulativa. Косвенный директив содержит предупреждение, что не следует допускать нарушений, т.к. российская сторона держит ситуацию под контролем. Опираясь на этические социальные нормы взаимодействия (Следует быть честным. Нельзя причинять вред своим партнерам), журналист предупреждает партнеров, что Россия не допустит ущемления своих интересов. Автор призывает к честности и уважению интересов обеих сторон. Журналист использует языковую игру для привлечения внимания читателей к экономической проблеме с политических позиций и повышения своего профессионального рейтинга.

В заголовке данной статьи имела место трансформация синтаксической структуры пословичного предложения-высказывания, которая повлекла за собой изменение смысла. Изменяется структура пословицы, новая информация находится в конце, там же пребывает и фокус интереса говорящего.

На примере данной пословицы мы показали, как работает модель актуализации смысла пословицы в газетном тексте. Осуществленный анализ доказывает, что пословица в заголовке газетного текста является трансформом и служит средством достижения драматургической и социально-ориентированной стратегии, поскольку журналист использует языковую игру и стремится повысить свой профессиональный рейтинг и рейтинг газеты, в которой он аккредитован.

Использованная литература:

- АБАКУМОВА, О. Б. (2010): Пословица в медийном дискурсе. In: *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2010, №330, с. 7–11.
- АБАКУМОВА О. Б. (2012): *Пословицы в языке, сознании, коммуникаци*. СПб.: АЛЕФ-ПРЕСС.
- ДЕЙК, Т. А. ван (2010): *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.

- ЖУКОВ, В. П. (1966): *Словарь русских пословиц и поговорок*. М.: Советская энциклопедия.
- ПЕРМЯКОВ, Г. Л. (1970): *От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише)*. М.: Наука.
- НАВЕРМАС, J. (1987): *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society.
- MIEDER, W. (2005): *Proverbs. A Handbook*. Westport & Connecticut & London: Greenwood Publishing Group.

Профиль автора:

Проскурякова Елена Владимировна, аспирантка кафедры английской филологии ОГУ

Сфера научных интересов: паремиология, дискурс СМИ, использование поговорок в газетных статьях

Орловский государственный университет
Орёл,
Орловская область,
ул. Комсомольская, 95,
302026
www.univ-orel.ru
alionaorel@gmail.com

Анастасия Андреевна СОКОЛОВА

Чешская Республика, Брно

Несколько замечаний к глагольным формам прошедшего времени в древнерусских текстах XI–XIII вв.

Several Comments about Verbal Forms of the past tense in the Old Russian texts XI–XIII centuries

Abstract: The article considers the term perfect tense and correct use of texts in relation to the 11–13 centuries. Provides examples of texts 11–13 centuries, illustrating the formation of a new system of verbal forms. The article says of perfect tense forms in ancient and modern Indo-European languages. Attention is paid to the structure of the perfect tense. The analysis of the passages from the texts of the Slavic Menaion, which deals with perfect tense form, the form to -l- and the syncretism of ancient texts. Of interest are the contexts in which form the aorist replaced by other forms of verb tenses, for example, forms the perfect tense.

Key Words: The perfect tense – Old Russian texts – Slavic Menaion – aorist form – syncretism – verbal forms.

Работая с древнерусскими памятниками, конкретнее – анализируя глагольные формы прошедшего времени в них – мы довольно часто сталкиваемся с разноуровневым синкретизмом данных текстов, а отсюда – с проблемой терминологической. Постараемся пояснить на примере термина *перфект*.

Называя аналитическую конструкцию древнерусского языка, состоящую из вспомогательного глагола *быти* и формы на -л-, перфектом, мы автоматически ссылаемся на другие индоевропейские языки, грамматики которых оперируют термином *перфект*, например, древнегреческий язык. Перфект в древнегреческом языке функционировал

как глагольная форма прошедшего времени, имеющая собственный способ образования, грамматическое значение и грамматические функции. Древнегреческий перфект обладал особыми личными окончаниями и особым образованием основы – при помощи чередований в корневом гласном, редупликации либо специальных суффиксов. Так, слабый перфект действительного залога от глагола Так, например, слабый перфект (перфект I) действительного залога (актива) от глагола *παῖδεῖν* ‘воспитывать’ в древнегреческом языке образовывался при помощи редупликации и ка: *πεπαίδευκα*. В медиопассиве, где начальную форму глагола *παιδέομαι* можно перевести как ‘я воспитываю для себя, я воспитываю себя самого; меня воспитывают’ показателем формы перфекта является редупликация без соединительного гласного: *πεπαίδευμαι*, *πεπαίδευσαι* и т.д.

Согласно некоторым предположениям, древний перфект генетически восходит к неглагольным словам, которые обозначали состояние. В праиндоевропейском языке перфект использовался для выражения достигнутого субъектом состояния как результата конкретного изменения либо действия в прошлом, вызванного инициатором действия [Rix 1998: 21]. Первоначально перфектные формы образовывались только от ограниченного количества глагольных корней (в связи с использованием перфектных форм только для выражения состояния субъекта), позднее, когда значение перфекта расширилось и на состояние объекта, количество глагольных корней, от которых образовывались перфектные формы, значительно увеличилось. В дальнейшем перфект развивался от значения стательного к значению акциональному, вследствие чего происходило функциональное сближение перфекта с неперфектными формами прошедшего времени, что приводило к смешению либо вытеснению этих форм либо к утрате перфекта. Одновременно с этим процессами формируются новые аналитические образования с глаголами ‘*быть*’, ‘*иметь*’ и причастием, ср. напр. немецкие конструкции *er ist gekommen* ‘он пришел (он пришедший)’, *er hat das getan* ‘он это сделал (у него это сделано)’.

Г. Рикс пишет о функциях перфекта в древнегреческом языке: первоначальными были формы т.н. интенсивного перфекта (*perfecta intensiva*) которые выражали состояние субъекта и были усиленным вариантом описательного презенса, например, форма презенс *θάλλει* ‘цветет’, форма перфекта *τέθηλε* ‘в полном цвету’ [Rix 1992: 192]. Из таких форм развились формы перфекта, которые обозначали неумышленное (инстинктивное) поведение субъекта, например, *γέυοινα*

‘я стал (и поэтому я есть)’. Далее развились формы результативного перфекта (*perfecta resultativa*), который обозначал состояние субъекта, являющееся результатом развития/действия в прошлом: *τέθνηκε* ‘умер (т.е. теперь является мертвым)’. С возникновением других активных перфектных форм отдельных глаголов и переносом значения перфекта от состояния к действию, вызывающему это состояние, стирались семантические различия между аористом и перфектом, например, *παιδεύκως* ‘тот, у которого воспитано (т.е. тот, который воспитал)’ и *παιδεύσας* ‘тот, который воспитал’. В христианский период этот процесс был завершён взаимозаменой обеих форм.

Ю. С. Степанов, рассуждая об истории перфекта в романских языках, говорит о том, что первоначальными были описательные (перифрастические) обороты типа латинского *habeo librum scriptum* «имею книгу написанной», которые обозначали состояние в момент речи в настоящем, возникающее в результате законченного действия в прошлом. Следующим этапом развития значения перфекта было обозначение действия, предшествующего моменту речи, с возникающим из него результатом («я написал книгу, и вот она, имею её написанной»). Далее – обозначение действия, предшествующего моменту речи («я только что, недавно, написал эту книгу»), и наконец – действие в прошлом («я написал книгу») [Степанов 1975: 136–137].

В современных языках формы перфекта употребляются довольно разнообразно: в немецком языке перфект является повествовательным прошедшим временем, а также используется для выражения состояния в настоящем; перфект во французском, итальянском и румынском языках обладает таким же значением, однако сфера его употребления ограничивается стилистически; в английском и шведском языках перфект используется для обозначения действия в прошлом, которое нашло свое отражение в настоящем; некоторые славянские языки, например, языки восточнославянской ветви вообще не знают форму перфекта.

Б. Гаспаров говорит о том, что структура старославянского (а позже и древнерусского перфекта) «соответствует перфекту во многих языках нового времени, выросших, генетически либо в результате калькирования, на почве классических языков. Этот формальный параллелизм часто автоматически переносится на ее значение: во многих, если не во всех, общих курсах ДЦС значение «перфекта» истолковывается – как правило, без дальнейших комментариев – как действие/событие в прошлом, продолжающееся либо обнаруживающее некий результат в настоящем» [Гаспаров 2003: 216]. П. Я. Черных обращает внимание,

что сам термин *перфект* заимствован из грамматик греческого и латинского языков, а значение этой сложной формы в древнерусском языке было результирующее. Чешские ученые Й. Курц, Я. Петр называют перфект славянским новообразованием, Р. Вечерка рассматривает перфект как описательную глагольную форму (со значением *состояние в настоящем, возникшее из действия в прошлом*), а неологизмом называет само причастие на *-л-*. Болгарский исследователь К. Мирчев отмечает, что причастия на *-л-* типичны только для славянских языков.

А. Лампрехт говорит, что результирующее значение перфекта развилось из древнего значения предрасположенности к действию, отклики этого значения можно видеть в чешских прилагательных *dbalý, bdělý, vzteklý* [Lamprecht 1986: 194–195]. Подобную мысль высказывает и В. В. Колесов: «Причастная форма действительно выражает некоторое качество, полученное в результате действий, описанных в составном сказуемом. Остатком качественного значения причастий на *-ль* являются полные отпричастные образования типа *горелый, очумелый, спелый* и т.д.» [Колесов 2005: 421].

Материалом для нашего исследования послужили славянские служебные минеи на май XI–XIII вв. Обратимся к первой группе примеров, где самостоятельное употребление формы на *-л-* не является единичным случаем:

Соф. 202 (XI в.), 24 лиц., строки 8–10

СЖГОУБНЛЪ ТѢБѢГБѢВНЦАНАЗЕМЛННАНБѢСН
СТРАДАЛЬЦЕБГОМЖДРЕНОВЕТЪМЪПОКШНПО
НТЕЛЮДННѢ-

Соф. 202 (XI в.), 43 лиц., строки 9–11

БСЕИЗВНСТНКЕЛГЪТѢБѢДАРОВАЛЪДХЪНБЕ
ЛНУНАЖЕБЖНДАРОВЪАПЛАВНЛЪСЖДОМЪ
ПРАВЪДНОМЪБОГЛАСПРАВЪДЪНЪИКДННЪ-

Ещё более интересным оказывается тот факт, что в приведенных контекстах форма на *-л-* является единственной формой, способной выражать действие либо предрасположенность к нему.

Так же интересными оказываются примеры использования в параллельных конструкциях имени с формантом *-н-* (с точки зрения современного русского языка – имени прилагательного) и формы на *-л-*:

Соф. 202 (XI в.), 93 лиц., строка 16–93 об., строки 1–2

ІАКОЗРѢЛЪКЛАСЪНЕСНѢОУМЖОУГОУМЬНОУ
ПРННЕССАДОСТОННОДОБРОДѢТЕЛЬНЫНМЪДѢАНН
МЬОУКРАШАЕМЪ

Соф. 202 (XI в.), 95 об., строки 11–14

ІАКОКРАСЬНЪФУННКЪПРОЦВѢЛЪКЕНЪЦРѢКЪ
ВНѢЛАДОСТЬНАМЪНЪЗЛНВАТАСВОКГОНСПОВѢ
ДАННАТАКОКЕДРЪПРЕЛЪЖЕНЕТАВНСАМУРО
БЛГОЖХАНЬНОНСТАУАНАМА

Соф. 202 (XI в.), 122 лиц., строки 4–6

ІАКОЗРѢЛЪТАГРОЗНЪМНАГОСЛАВЬНЕВНОГРАДА
СЖЩАСЛОВЕСЪПОКМЪТАКОНСТНЬНОКУТУХН
ВННОБЛГОУЪСТНВОНСТАУАЖЩАНАМА

Примеры типа ЗРѢЛЪКЛАСЪ являются, на наш взгляд, наиболее яркой иллюстрацией синкретизма в древних славянских текстах. С точки зрения носителей современного русского языка такие примеры могут толковаться как *колос зрел/созревал*, т.е. что делал (обозначение процесса/действия), либо как *колос зрел(ый)*, т.е. какой, признак/состояние.

Далее в списках славянской служебной минеи на май находим примеры дистантного употребления формы на *-л-* и глагола *быти*, что, на наш взгляд, свидетельствует о свободной синтаксической связи между двумя компонентами формы, называемой *перфект*:

Соф. 202 (XI в.), 54 лиц., строки 13–15

ТЪСЛОВОМЪБЕЛНУНМОУДРЕКРЕСЬСКОУЖЛЬСТЪН
СВѢТОМЪБЛГОВЪРНАПРОГНАЛЪЮЕСНЪЗЪ
ПНАКПНФАННБЛТѢ

Соф. 203 (XII в.), 60 лиц., строки 19–22

ТЪСЛОВОМЪБЕЛНУНМОУДРЕ
СКОУЮЛЬСТЪНСВѢТОМЪ
РНАПРОГНАЛЪЮЕСНЪ
ПНФАНБЛТѢ

Соф. 204 (XIII в.), 7 лиц., строки 11–14

**ТЪІСЛОВЪМЬОУНМОУДРЕЕРЕ
СЪСКОУЮЛЬСТЪСВЪТЪМЪНЕ
ВЪУЕРНИМЬПРОГНАДЪІСН
ВЪПНІАІПНѠАННІБЛГЦЛО**✝

Наиболее характерными для списков славянской служебной минеи являются грамматические разночтения, свидетельствующие о становлении новой темпоральной системы древнерусского языка. Так, наиболее частым типом грамматических замен является замена перфекта аористом и наоборот (в древнегреческом оригинале – форма аориста):

Соф. 202 (XI в.), 18 лиц., строки 13–16

**ИСПРАВНАКСНПРАБАБЪННІБЖННОѠПАДЕННКСѠ
СТОТРПНЦЕВРАЖННЖРАЗДРОУШНСНЛЖНННЗЪ
ЛОЖШНОНОГОЗЪЛОЖШНОНОГОЗЪЛОБОУБЖННМЬ
ДАРОМЪ**✝

Соф. 203 (XII в.), 22 лиц., строки 8–11

**ТЪІНСПРАВНПРАБАБЪІУГЪ???
ДЕННЕМНЦЕВРАЖНЮРА???
ШНВЪСЮСНЛОУННЗЪЛО???
ГЪРДЪІНЮЕГОБРЪВНСЛА???**

Греч. минея

Ἀνώρθωσας, τῆς προμήτορος Εύας τὴν ἐκπῶση Ἀθληφόρε, τοῦ εχθροῦ καθελοῦσα τὴν δύναμιν, καὶ καταβαλοῦσα, τὴν ἐκεῖνου οφρὺν θεία χάριτι.

При анализе подобных разночтений вопрос о значении формы, называемой *перфект*, отходит на второй план, т.к. речь идет о новообразованиях, лишь формально похожих на уже известные грамматикам перфект, аорист и т.д. Некоторые из этих новообразований оказываются вытесненными за пределы языковой системы довольно рано (плюсквамперфект, второе будущее), другие еще продолжают использоваться, однако не выдерживают конкуренции активных форм, и поэтому постепенно выходят из употребления (аорист, имперфект).

Таким образом, исследуя древнерусские тексты, необходимо принимать во внимание их синкретичность на всех языковых уровнях, и, учитывая эту синкретичность, делать поправки, связанные с более уместным использованием традиционно принятых терминов.

Использованная литература:

- ГАСПАРОВ, Б. (2003): Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах: К вопросу о природе грамматического значения. *Русский язык в научном освещении*, 2003, 1(5), с. 215–242.
- КОЛЕСОВ, В. В. (2005): *История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия».
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1975): *Основы общего языкознания*. Москва: Просвещение.
- LAMPRECHT, A. (1986): *Historická mluvnice češtiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- RIX, H. (1992): *Historische Grammatik der Griechischen*. Darmstadt.
- RIX, H. (1998): *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden.

Профиль автора:

Анастасия Андреевна Соколова, магистр филологии

Научные интересы: историческая грамматика русского языка, история славянских языков, фонетика современного русского языка, корпусная лингвистика.

Место работы:

Университет им. Масарика,
г. Брно,
Чехия.
<http://ped.muni.cz>
sokolova@ped.muni.cz

Нина ЦИНГЕРОВА

Словакия, Братислава

Возможности использования теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа (на примере анализа понятия «демократия»)¹

The possibilities of using discourse theory by E. Laclau and Ch. Mouffe (at the example of analysis of the term “democracy”)

Abstract: The given article focuses on possibilities of theory of discourse by E. Laclau and Ch. Mouffe. First we are introducing the basic concepts of their theory and subsequently applying them in the analysis of the term “democracy” in Russian public discourse. Research body is built of speeches of Russian presidents towards the Federal Assembly.

Key Words: Discourse analysis – Russia – democracy – Presidential Address to the Federal Assembly.

Целью данной статьи является представление возможностей применения теории дискурса Э. Лаклау и Шанталь Муффа, которая до сих пор редко применялась в отечественных эмпирических исследованиях дискурса². Возможности применения теории демонстрируются пу-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта KEGA *Vysokoškolská učebnica Ruské lingvorealie* с регистрационным номером 072UK-4/2015.

² Что касается русскоязычных работ, в связи с эмпирическим применением теории следует упомянуть монографию В. Морозова *Россия и другие* [2009]. обстоятельный анализ основных понятий можно найти в работах И. В. Гололобова [2003]. Среди англоязычных работ можно назвать сборники под редакцией Д. Ховарта, А. Норвал и Я. Ставракакиса [2000], Д. Ховарта и Я. Торфинга [2005], Ф. Касулы и Дж. Перовича [2009]; среди немецкоязычных – монографию М. Нонхоффа [2006].

тем анализа артикуляций «демократии» в российском общественном дискурсе. В качестве исследуемых текстов, фрагментов дискурса, послужили послания российских президентов Федеральному Собранию, представляющие своего рода предложения о структурировании общества (содержащие требования, цели и представления о будущем), попытки семантизации отдельных его аспектов. Более детальное внимание уделялось двум посланиям: посланию Б. Ельцина 1994 года (первому в своем жанре) и посланию В. Путина 2005 года, которое с точки зрения нашей темы можно считать переломным.

В понимании Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф *дискурс* представляет собой структурированную целостность, появившуюся в результате *артикуляций* – практик, устанавливающих отношения между элементами таким образом, что их идентичность претерпевает изменения [Laclau – Mouffe 2001: 105]. В целях определения границы данной структурированной совокупности, Лаклау и Муфф вводят понятие *антагонизма*. В случае антагонизма в понимании Лаклау и Муфф мы сталкиваемся с ситуацией, когда Другой не дает Нам определиться до конца, полностью [Laclau – Mouffe 2001: 125], то есть всегда остается нечто вне системы. Исключенные идентичности, логики действий, альтернативные значения конструируются как череда значений, препятствующих полной реализации избранных значений и возможностей [Torfing 1999: 120–121]. Как ни парадоксально, они же позволяют системе определиться – представляют собой способ отмежевания от других логик и способов артикуляции определенных элементов. И поскольку это так, Лаклау и Муфф обозначают данное внешнее, эту, так сказать, дискурсивную наружность, как *конституирующее внешнее* (*constitutive outside*) [Laclau 1990: 16–26; Torfing 1999: 124–125].

Это «чистое зло», «анти-общество» [Laclau 2007b: 42] не следует представлять себе как «монолитный полюс» [Nonhoff 2007: 12], точнее, мы имеем дело с чередой позиций, связанных между собой отношениями *эквивалентности*: будучи отличными друг от друга, они имеют что-то общее, а именно то, что они представляют собой отрицание Нашего порядка вещей [Laclau 2007b: 41–42; Laclau–Mouffe 2001: 110; Torfing 1999: 125–126]. На противоположной стороне социального пространства можно обнаружить аналогично артикулированную цепочку эквивалентностей, «требований»³, которые направлены на преодоление угрозы [Laclau 2007a: 96]. Значит, в идеально-типическом случае

---

³ В более поздних работах Лаклау приводит в качестве основной единицы анализа «требование» (*demand*). Ср. Laclau (2007: 72–73).

можно наблюдать возникновение двух цепочек эквивалентностей, находящихся во взаимной конфронтации [Nonhoff 2006: 12].

При этом в рамках данной цепочки эквивалентностей обычно у одного означающего (требования) имеется привилегированный статус. Оно представляет собой своего рода центр, способный «пристегивать» другие знаки и определять их идентичность. Согласно Лаклау и Муффа, его следует называть *узловой точкой* (nodal point) [Laclau – Mouffe 2001: 112]. Специфическим аспектом узловой точки является то, что она представляет собой так называемое *пустое означающее* (empty signifier)⁴. По отношению к дискурсу пустые означающие имеют специфическую функцию. Они являются настолько «очищенными», настолько «опустошенными», что в состоянии обозначать все угодно, способны включить в себя множество аспектов, охватывающих широкий диапазон, а значит, они в состоянии содействовать становлению идентичности всего дискурса, репрезентации всех «требований».

В свете данного подхода, дискурсивные стратегии можно трактовать как практики, направленные на 1) привязку определенного означающего к определенной узловой точке; 2) его включение в цепочку эквивалентностей вместе с определенными означающими; 3) его устранение из ранее сформированной цепочки эквивалентностей; 4) его полное «очищение» или 5) его «выдворение» за границу дискурса/общества/Нас.⁵

Послание 1994-го года

В первом послании Б. Ельцина Федеральному Собранию [1994] мы становимся свидетелями интересного структурирования: означающее «демократия» определенно занимает важную позицию, но в чем же она заключается, и как ее можно описать?

«Демократия» в данном послании принимает участие в становлении границ дискурса, является представителем Общего. Доказательством этого можно считать то, что имя прилагательное «демократический» используется для обозначения ряда элементов, относящихся к организации жизни страны. Данное «освоение» понятия особенно интересно на фоне советского периода, когда прилагательное «демократический» использовалось лишь в ограниченном количестве коллокаций, но и

---

⁴ В более поздних работах Лаклау уточняет, что у узловой точки и пустого означающего имеется один и тот же референт (означаемое): «[...] понятие «узловая точка» указывает на его артикуляционную функцию, а пустой характер – это отсылка к его универсальной сигнификации» [Laclau 2004: 322].

⁵ В связи с разработкой темы стратегий ср. Nonhoff (2006: 207–241; 2007: 184–188).

на фоне более позднего периода постсоветской России, когда можно в случае посланий говорить, прежде всего, о сочетаниях с существительными «государство» и «власть». Таким образом, «демократия» становится как бы пропорциональной обозначению широкого спектра разных аспектов структуры общества.

Подтверждением является и возникший конфликт: по Нонхоффу, это конфликт второго уровня, который разворачивается не вокруг того, какое означающее должно играть роль представителя Общего, символизировать единство, сплоченность общества, а вокруг того, каким содержанием данное означающее следует наполнить [Nonhoff 2006: 136].⁶ Одновременно мы должны отметить, что в рамках политической борьбы, прежде всего в связи с выборами 1993 года, на первый план все чаще выходит отношение к «рынку» [История России 2010: 606; Политические партии и блоки на выборах 1993].

Послание 2005-го года

Последним исследуемым фрагментом является послание В. В. Путина Государственному Собранию (2005), в котором, в рамках данного жанра, можно наблюдать отклонение от традиционной семантизации «демократии». Событиями дислокационного характера можно считать законодательные поправки (прежде всего относительно выборов) [История России 2010: 623], которые расходились с западными, либеральными, представлениями о принципах управления страной, и «оранжевые события» на Украине 2004 года, когда в центре внимания оказался вопрос геополитической ориентации этой страны и ее участия в «западных» структурах безопасности. В ситуации, когда в западном дискурсе Россия стала «моделироваться» как «не-демократическая» страна, российские политические элиты на это естественно реагируют.

Переломным посланием⁷ можно считать послание Федеральному Собранию 2005. Узловой точкой в данном фрагменте выступает означающее «суверенитет», к которому «пристегивается» плавающее означающее «демократия», «суверенитет», понимаемый как «не-управление страны извне» [Суверенитет 2006]. В противопоставление к данным принципам в так называемых июньских тезисах Владислава Суркова

---

⁶ В качестве примеров данной артикуляции можно привести следующие фрагменты: [Карпинский 1993: 9]; [Пеструхина 1994: 9]; [Телань 1994: 7]; [Михальская 1994: 6]; [Гельман 1993: 7].

⁷ В феврале 2006 выступил с так называемыми февральскими тезисами, уточняющими это понятие, замглавы Президентской администрации Владислав Сурков [Суверенитет 2006].

сформулирована модель управляемой «демократии» как демократии, «навязываемой некоторыми центрами глобального влияния» [...] [Наша российская модель 2006].

Но если в дискурсе советского периода «демократия» по отношению к странам Запада «разоблачается» как поддельная, фальшивая, как обман, то в артикуляции, привязывающей «демократию» к «суверенитету», подчеркивается в целях легитимизации, в своего рода жесте-шпагате, что в данном случае мы имеем дело не с российским изобретением (упоминается бывший председатель Евросоюза Романо Проди и бывший вице-президент в администрации Дж. Буша младшего Дик Чейни [PRO суверенную демократию 2007: 4]). Запад, таким образом, становится лицемером, который отрицает то, что сам же провозглашает. Одновременно легитимизация данного моделирования происходит и путем отмежевания от России Б. Ельцина [Июньские тезисы 2006], причем используется (опять) западная интерпретация (дикого) периода (Independent, New York Times) [Июньские тезисы 2006].

В заключение можно сказать, что «демократия» остается, вопреки (или лучше сказать: благодаря) разным возможным «пристегкам», важным понятием современной России, а ее «изгнание» за пределы Своего можно предполагать лишь в маргинальных дискурсах [Wir verteidigen uns 2015].

Использованная литература:

- ГОЛОЛОБОВ, И. В. (2003): Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение. In: *Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм*. Краснодар: Центр понтийско-кавказских исследований, Вып. 3., с. 129–136.
- История России. XX век. 1939–2007.* (2010): Под редакцией А. Б. Зубова. Москва: Аст, Астрель.
- МОРОЗОВ, В. (2009): *Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Политические партии и блоки на выборах* (1993): Москва: Международный благотворительный фонд политико-правовых исследований «ИНТЕРЛИГАЛ».
- ФИЛЛИПС, Л., ЙОРГЕНСЕН, М. (2008): *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Discourse Theory and Political Analysis : Identities, Hegemonies and Social Change* (2000): Edited by D. R. Howarth, A. J. Norval, Y. Stavrakakis, Manchester: Manchester University Press.

Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance (2005): Edited by D. Howarth, J. Torfing. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan.

Diskurs – radikale Demokratie – Hegemonie. Zum politischen Denken von Ernesto Laclau und Chantal Mouffe (2007): Edited by M. Nonhoff, Bielefeld: Transcript Verlag.

Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability (2009): Edited by P. Casula, J. Perovic. Stuttgart: Ibidem Verlag.

LACLAU, E. (1990): *New Reflections on the Revolution of our Time*. London, New York: Verso.

LACLAU, E., MOUFFE, CH. (2001): *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. (Second Edition). London, New York: Verso.

LACLAU, E. (2004): Glimpsing the Future. In: *Laclau. A critical reader*. Edited by S. Critchley, O. Marchart, London, New York: Routledge, s. 279–329.

LACLAU, E. (2007a): *On Populist Reason*. London, New York: Verso.

LACLAU, E. (2007b): *Emancipation(s)*. (Second Edition). London, New York: Verso.

NONHOFF, M. (2006): *Politischer Diskurs und Hegemonie. „Das Projekt Soziale Marktwirtschaft“*. Bielefeld: Transcript Verlag.

TORFING, J. (1999): *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford; Malden: Blackwell Publishers.

Анализируемые тексты:

ГЕЛЬМАН, А.: Год, как век. In: *Московские новости*, 5. 1. 1992, № 1, с. 5.

ГЕЛЬМАН, А.: Скуконенавистники. In: *Московские новости*, № 50, 8. 12. 1993, с. 7.

КАРПИНСКИЙ, Л. Как защитить демократию от демократов. In: *Московские новости*, № 42, 17. 10. 1993, с. 9.

МИХАЛЬСКАЯ, Т. Демократы хотят стать консерваторами. In: *Московские новости*, № 9, 27. 2.–6. 3. 1994, с. 6.

Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией». (28. 6. 2006). <http://web.archive.org/web/20080430012854/http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>.

ПЕСТРУХИНА, Е.: Демократы «наши» и «не наши». In: *Московские новости*, № 46, 9.–16. 10. 1994, с. 9.

ПЕЧКО, В. (2006): Июньские тезисы Суркова. In: *Взгляд*, 29. 6. 2006. <http://vz.ru/politics/2006/6/29/39513.html>.

Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 24 февраля 1994 года. <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417720>.

Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 25 апреля 2005 года. <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>.

PRO суверенную демократию. Сборник (2007): Сост. Л. В. Поляков, Москва: Издательство «Европа».

РУБЦОВ, А.: Легенды и мифы нового совка. In: *Московские новости*, 26. 1. 1992, № 4, с. 18–19.

Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. (22. 2. 2006). <http://web.archive.org/web/20080417005442/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>.

ТЕЛАНЬ, Л. «Новые демократы». Кто они. In: *Московские новости*, № 46, 9.–16. 10. 1994, с. 7.

„*Wir verteidigen uns gegen den Satan*“. In: *taz.de* (24. 4. 2015). <http://www.taz.de/1/archiv/digitaz/artikel/?ressort=au&dig=2015%2F04%2F24%2Fa0060&cHash=8d9b26d732f5417ed81d1b1db88fe4ab>.

Профиль автора:

Mgr. Nina Cingerova, Ph.D.

Является членом кафедры русистики и восточноевропейских исследований Философского факультета Университета имени Коменского в Братиславе.

Читает лекции по истории и культуре России, языку современных СМИ, теории и практике дискурс-анализа. Сфера научных интересов: теория и практика дискурс-анализа, история Русской православной церкви XX века.

Кафедра русистики и восточноевропейских исследований философского факультета

Университета имени Коменского в Братиславе

Гондова 2

814 99 Братислава

<http://fphil.uniba.sk/katedry-a-odborne-pracoviska/katedra-rusistiky/>

nina.cingerova@uniba.sk

Екатерина Александровна ЩЕГЛОВА

Россия, Санкт-Петербург

Сопоставление дискурса путешествий XIX и XX вв.¹

Comparison of a discourse of travel of XIXth and XXth centuries

Abstract: This article is devoted to the examination of a discourse of travel of XIXth and XXth centuries in the comparative aspect. As a basis of comparison the ways of the representation of the *other* culture in the travel-texts are chosen. The generalization of the knowledge becomes the main way of the representation to the *other* culture in a discourse of travel of the XXth century, and in the XIXth century the similar way is observed in the description of the well-known countries. The common ground of a discourse of travel of the two temporary periods allows to enter a modern discourse of travel to the more wide historical context.

Key Words: Travel discourse – historical stylistics – travel media text – media linguistics – *other* culture – way of representation – Goncharov – Ovchinnikov – XIXth century – XXth century.

Познание другой страны как иного мира, реальности, отличной от привычной и потому способствующей собственному самопознанию, всегда представляет интерес для человека. В русской культуре желание познавать мир приобретает особое значение в XVIII в., что было обусловлено возрастающим интересом «к познанию мира во всех его проявлениях, в том числе к познанию быта, культуры, природных условий России и других стран, к изучению географии Земли, её растительного и животного мира» [Мальцева 1981: 130]. Следствием этого стало большое число путешествий и их разнообразных описаний.

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

В XIX веке интерес к описаниям путешествий у читающей публики возрастает. В периодических изданиях этого времени появляется большое количество описаний путешествий, призванных удовлетворить читательское желание к познанию большого мира. Как феномен, порождённый своим временем и демонстрирующий основные черты, характерные для путевых очерков второй половины XIX в., можно рассматривать очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», вышедшие в свет отдельными фрагментами по мере их написания в различных периодических изданиях того времени. О важности для своего времени найденной Гончаровым формы свидетельствует тот факт, что она нашла своё продолжение в описаниях путешествий другими авторами (например, «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» А. В. Вышеславцева). Очерки И. А. Гончарова стали важной вехой на пути развития форм описания путешествий как процесса, подразумевающим процесс соприкосновения с *другой* культурой.

При этом способы представления *другой* культуры оказываются разными и находятся в прямой зависимости от того, насколько русский читатель знаком со страной, о которой идёт речь в повествовании. В этом случае противопоставленными друг другу по способу представления *другой* культуры оказываются отрывки очерков И. А. Гончарова, посвящённые Англии и экзотическим для читателя странам (Капской колонии в Африке, Китая, Японии). Различие между указанными отрывками очевидно, поскольку Англия является не просто хорошо знакомой страной, но страной, относящейся к европейскому миру, частью которого во многом ощущает себя русский человек того времени (симптоматичным в этом отношении является призыв В. Г. Белинского к авторам путешествий смотреть на мир глазами европейца, см.: [Проценко-Якеева 1995]). Описание строится на ключевых словах, раскрывающих суть английского образа жизни. К ним можно отнести слова *комфорт, удобства, машина, торговля*.

В качестве примера рассмотрим особенности употребления слов *комфорт* и *удобства* в очерках. Автор считает любовь к комфорту важной национальной чертой англичан. При описании жизни в Англии и колониях И. А. Гончаров обращает внимание читателя не только на пристрастие жителей туманного Альбиона к комфорту как ощущению покоя и уюта, но и на те средства, с помощью которых это состояние достигается. Для обозначения этих средств автором используется лексема *удобство* в форме множественного числа. При этом значения,

в котором *удобство* употребляется в тексте «Фрегата», нет в словарях XIX в. По данным Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) и Национального корпуса русского языка, до XIX в. подобное значение у слова *удобство* не фиксировалось. Примечательно, что во «Фрегате» контексты, в которых употребляется данная словоформа, часто носят ироничный оттенок: «*Сколько выдумок для этого, сколько потрачено гения изобретательности на машинки, пружинки, таблицы и другие остроумные способы, чтоб человеку было просто и хорошо жить! Если обстановка этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человека, то можно в pendant к вопросу о том, “достовернее ли стала история с тех пор, как размножились ее источники” - поставить вопрос, “удобнее ли стало жить на свете с тех пор, как размножились удобства”*» [Гончаров 1997: 60]. Корневой повтор *удобнее – удобства* создаёт акцент на ключевом слове *удобства*, которое выполняет функцию обобщающего слова для перечисленных в начале отрывка конкретных предметов комфортной жизни. Затем тот же словесный ряд повторяется, дополняясь словом *выдумки*, имеющем общую семантику со словами *изобретательность* и *остроумный*.

Напротив, примеры употребления слова *комфорт* демонстрируют приобретение им положительного коннотативного смысла: «*Нетрудно догадаться, что хозяева (гостиницы в Капской колонии в Африке – Е.Ш.) были англичане: мебель новая, всё свежо и везде признаки комфорта*» [Гончаров 1997: 177]. Употребление лексем *новый* и *свежо* в непосредственной контекстуальной близости от слова *комфорт* приводит к его «семантическому заражению» – возникает новый оттенок значения ‘то новое, что несёт миру распространение английской культуры’. Значение слова *новый* можно соотнести с семами *новизны* в значении слов *выдумка*, *изобретательность* из предыдущего примера, однако в данном контексте ирония отсутствует.

Примеры различных контекстов употребления слов *комфорт* и *удобства* можно было бы продолжить: в них актуализируются разные оттенки значения, образуются новые словесные ряды, рождаются новые коннотативные смыслы как у самих ключевых слов, так и у слов, входящих в словесный ряд. При анализе функционирования ключевых слов в очерках становится очевидным, что в данном случае задачей автора является не просто описать характерные черты жизни англичан, но подвергнуть их осмыслению, обобщить, найти те причинно-следственные связи, которые составляют основу национальной культуры.

Принципы повествования меняются в тех очерках, где речь идёт об экзотических и малознакомых русскому читателю реалиях. Попытки осмысления минимизируются – на первый план выходят наблюдение и описание (ср., «ситуационные модели наблюдения и участия», рассмотренные в трэвел-медиаатексте Т. Ю. Редькиной [Редькина 2015]). Примечательным в этом отношении является появление в текстах очерков авторских пояснений к наименованиям экзотических реалий, задачей которых является создание единого словаря читателя и автора, посвящение читателя в детали неизвестной ему жизни других людей и земель. Автор является для читателя своеобразным медиатором информации, получаемой автором непосредственно во время путешествия через разные каналы восприятия. Сбор деталей другой жизни становится основной авторской задачей, вследствие чего проявляется их самоценность вне обобщения и осмысления.

Переходя к сопоставлению дискурса путешествий XIX и XX века, следует отметить, что путешественники XX в. часто противопоставляли способы описания *другой* культуры в своих путешествиях тем, которые они приписывали предшествующей традиции. Так, В. Овчинников – журналист-международник, обозреватель газеты «Правда», публицист – в предисловии к книге «Сакура и дуб» пишет: «Пора первооткрывателей неведомых стран прошла, а вместе с ней – и пора описательной публицистики. Налицо качественное изменение читательских запросов. Странности непонятной жизни чужестранцев интересуют ныне людей не сами по себе, а лишь как ступень к изучению их характера» [Овчинников 1987: 3]. Как уже можно было убедиться, это утверждение можно признать верным только по отношению к описаниям экзотических стран. Однако важно отметить и тот факт, что осмысление и обобщение становятся характерными способами описания *другой* культуры в дискурсе путешествий XX века.

У самого В. Овчинникова деталь становится изначальным импульсом для обобщения, нередко подвергаясь метафоризации. Так, рассуждая о характерных чертах японского искусства, автор в качестве такой метафоризированной детали избирает основную приправу японской кухни – адзи-но-мото: «Назначение адзи-но-мото – усилить присущие продуктам вкусовые особенности. Если, скажем, бросить щепотку этого белого порошка в куриный бульон, он будет казаться более наваристым, то есть более «куриным». Морковь подобным же образом будет казаться более «морковистой», фасоль – более «фасолистой», а квашеная редька станет еще более ядреной. Можно сказать, что ад-

зи-но-мото символизирует собой японское искусство вообще. Ведь его цель – доводить камень, дерево, бумагу до такого состояния, в котором материал наиболее полно раскрывал бы свою первородную прелесть. Сколь бы модернистскими ни казались многие современные произведения искусства, подход японского художника к материалу остается прежним» [Овчинников 1987: 33]. Приём оказался настолько важным, что В. Овчинников продолжает использование его в своих недавних материалах в рамках авторской колонки в «Российской газете», иногда речь идёт практически о самоцитации. Например, в материале «Культ красоты. Почему японцы обожают родную природу» автор, рассуждая об отношении японцев к природе, подчёркивает характерное для них «стремление жить в согласии с ней»: «Этой же чертой пронизано их искусство... Ремесленник стремится выявить фактуру материала. Повар – сохранить изначальный вкус продукта» (РГ. 9. 1. 2014). Далее автор так же, как и в рассмотренном выше примере, рассказывает о главной приправе японской кухни *адзи-но-мото*, усиливающей естественный вкус любого продукта, а затем возводит *адзи-но-мото* в ранг символа всего японского искусства.

Подводя итоги, позволим себе утверждать, что, несмотря на всё различие, существующее между дискурсами путешествий XIX и XX веков, выражающееся в том числе и в выборе языковых средств и особенностях их функционирования, у них есть очевидные точки соприкосновения, исследование которых позволяет рассмотреть дискурс путешествий как явление историческое. Данный подход может быть перспективным в рамках изучения такого современного объекта научного осмысления, как медиатекст. В отношении современного трэвел-медиатекста успешность такого подхода демонстрируется в работах Т. Ю. Редькиной (см.: [Редькина 2011]; [Редькина 2015]).

Использованная литература:

- ГОНЧАРОВ, И. А. (1997): *Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах.* СПб.: Наука.
- МАЛЬЦЕВА, И. М. (1981): Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (К постановке вопроса). In: *Язык русских писателей XVIII века.* Л.: Наука, с. 169–195.
- ПРОЦЕНКО-ЯКЕЕВА, Е. Г. (1995): Традиции русской художественной прозы в жанре «путешествий» 40-х гг. XIX века. In: *Из истории русской и зарубежной литературы.* Чебоксары: Изд-во при Чувашском университете, с. 15–29.
- ОВЧИННИКОВ, В. (2014): *Культ красоты. Почему японцы обожают родную природу* (9. 1. 2014). <http://www.rg.ru/2014/01/09/yaponia.html>.

- ОВЧИННИКОВ, В. (1987): *Сакура и дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах*. Минск: Народная асвета.
- РЕДЬКИНА, Т. Ю. (2011): Речевая разработка темы «другая страна». In: *Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 70–123.
- РЕДЬКИНА, Т. Ю. (2015): Речевая экспликация ситуационной модели: лингво-праксиологический подход (на материале трэвел-текста). In: *Медиалингвистика*, 2015, № 2 (8), с. 104–116.

Профиль автора:

Щеглова Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры речевой коммуникации СПбГУ

Историческая лексикология, историческая стилистика, медиалингвистика

Санкт-Петербургский государственный университет:

199004,

Санкт-Петербург,

1-я линия В. О.,

д. 26.

<http://www.jf.spbu.ru>

e.shcheglova@bk.ru

**ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
СЕКЦИИ**

Мария ДОБРОВА

Чешская Республика, Оломоуц

Интернет как среда актуализации фразеологических неологизмов

The Internet as the space of actualization of phraseological neologisms

Abstract: The paper deals with the peculiarities of functioning of the Russian phraseological neologisms in the Internet-discourse. In the article is taken an attempt of identifying of Internet as the space of functioning of phraseological neologisms and its contribution to the realization of the phraseological potentials.

Key Words: Phraseology – phraseological neologism – Russian language – transformation of an idiom – the Internet.

Современный русский язык претерпевает значительные изменения. Активные процессы, происходящие в лексико-фразеологической системе (ослабление официальности, вхождение в литературный язык разговорной и просторечной лексики, тенденция к словотворчеству и др.) достаточно полно описаны в научной литературе [напр., Валгина 2003, Гловинская 2008, Сиротинина 2013, Stěpanova 2011]. Так, демократизации языка и вербальной свободе говорящего и пишущего в немалой степени способствует и новая коммуникативная среда – интернет и его определяющие характеристики (интерактивность, неформальность, виртуальность, анонимность и др.), выделяемые исследователями [Асмус 2005, Кронгауз 2013, Трофимова 2008 и др.].

Одним из активных процессов современного русского языка является и лавинообразная неологизация, затрагивающая не только лексику, но и фразеологию. Под фразеологическим неологизмом (ФН) мы, вслед за В. М. Мокиенко, понимаем «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые

экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2006: 2].

В данной статье мы предпримем попытку рассмотреть функционирование незафиксированных словарями, но очень популярных в Рунете и уже выходящих за его пределы фразеологизмов (ФЕ)¹. Лишь лимит места и ограниченность рамками жанра статьи заставляет нас взять для анализа несколько ФН, возникших различными способами (об этом см. [Малински 1992]): *завершать/завершить геишальт, духовные скрепы, запастись/запасть попкорном*. Так, например, популярное в данный момент выражение *завершать/завершить геишальт* возникло в результате детерминологизации психологического понятия, ФН *запастись/запасть попкорном* возник на основе часто используемого свободного словосочетания разговорной речи, их авторство не определено. Третий ФН *духовные скрепы* имеет статус крылатой фразы (возник в результате цитации) после обращения президента России к Федеральному Собранию 12. 12. 2012 года². Согласно Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] данное выражение впервые прозвучало в работе М. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу!» (1923) в форме *духовные/душевные скрепы*. Среди пользователей Рунета авторство данного неологизма обычно приписывается В. В. Путину. Необходимо отметить, что данное выражение встречалось в блогах и до обращения президента. Так, поиск по блогам [<https://blogs.yandex.ru/>] дает за период 1. 01. 2011 по 01. 01. 2012 г. 26 употреблений данного сочетания, имеющего метафорический характер, но еще не в качестве узнаваемого и идиоматизированного, а присутствующего, как правило, в текстах религиозного характера. А вот за период 1. 01. 2012 г. по 11. 12. 2012 г. встречается уже более 200 случаев, причем часто уже и в ироническом контексте. Такой рост количества фразеопотреблений, возможно, связан с интервью патриарха, в которых он также использовал это выражение, например, в сентябре 2012 года [<http://geokosm.livejournal.com/6188.html>].

---

¹ Во всех примерах, взятых из сети, сохранены орфография и пунктуация авторов.

² Сегодня российское общество испытывает явный дефицит **духовных скреп**: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи... (См., напр., <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>).

Так или иначе, точный момент вхождения данного выражения в язык и речь в качестве именно ФЕ на данный момент не определен, как и точный автор, хотя пишущие ощущают ее «крылатый» характер и часто пытаются при рефлексии по поводу происхождения фразы приписать авторство тому или иному знаменитому человеку. Однако с уверенностью можно утверждать, что именно обращение президента дало мощный импульс вхождению данного ФН в язык. Так, согласно поиску по блогам с 12. 12. 2012 по 12. 12. 2013 г. обнаружено уже более 10000 фактов употребления.

Точный момент закрепления ФН в языке не всегда можно определить. Однако поиск в сети (например, по блогам) позволяет приблизительно установить год начала бытования ФЕ в речи пользователей и проследить динамику его популярности. Так, например, ФЕ *завершить/завершить гештальт* не обнаружена нами во фразеологических словарях, однако, согласно поиску в блогах, она начинает функционировать (наряду с профессиональным термином) уже в 2003 году: *В общем-то в данном случае развод – лишь формальность. **Завершение гештальта**, так сказать* [<http://busybackson.livejournal.com/>]. С 2004 года в блогосфере Рунета последовательно растет количество выражений со словом *гештальт*, так, за 2014 год в блогах наблюдается более 10000 случаев, из которых только сочетания *завершить гештальт* – более 500, закрыть гештальт – почти 2500, не считая примеров варьирования компонента фразеологизма.

Интернет показывает, что из терминосистемы психологии данный фразеологизм пришел в форме *завершить/завершить гештальт*, однако приведенные выше цифры говорят о том, что в современном языке форма *закрыть/закрывать гештальт* встречается примерно в пять раз чаще: *Сию, **закрываю детский гештальт** – доедаю ложкой икру из килограммовой банки* [<http://tolchok.diary.ru/>].

С 2005 г. появляется в блогах и ФЕ *запасаться попкорном*. Именно с этого периода начинается постепенное увеличение количества контекстов с данной идиомой, а за период всего 2014 г. на запрос «запасаться попкорном» приходится почти 5500 примеров. Примечательно, что до 2005 г. это словосочетание употребляется в качестве свободного и буквального: *Ах, да, **запаситесь попкорном, колоды...** фильм идет 2 часа 40 минут* [http://users.livejournal.com/_lama_/1/].

Массив открытых и закрытых корпусов интернета позволяет определить и уточнить значение ФН. Так, на основе анализа фразеопотреблений в различных контекстах мы попытались сформу-

лизовать дефиниции исследуемых фразеологизмов. ФЕ *запасаться/запасться попкорном* используется в значении «пассивно, но с интересом наблюдать за развитием событий»: *Да уж, ситуация принимает все более интригующий оборот. Запасаемся попкорном, и наблюдаем картину, гораздо более захватывающую, чем любая голливудская драма...* [<http://nechtportal.ru/>]. Это значение подтверждается и статьей «Попкорн» в энциклопедии Lurkmore, пишущей о различных интернет-явлениях [<https://lurkmore.co>]. Однако часть контекстов, по нашим наблюдениям, актуализирует и второе значение «ожидать чего-либо»: *А по сему **запасайтесь попкорном** и ждите следующих повествований!* [<http://set613.livejournal.com/>].

Популярный фразеологический неологизм *завершить геиштальт* функционирует в языке в значении, близком к изначальному, терминологическому, т.е. «сделать что-либо важное, значимое», «закончить какое-либо важное дело»: *Я закончила ремонт, сдала квартиру, **геиштальт закрыт**...* [http://vk.com/wall-34129360_65491]. Используется данный фразеологизм и иронически при характеристике незначительных дел и событий. *Сделали елку из одной гирлянды и пяти фантиков; заготовили ведро селедки под шубой; ... наставили себе синяков в аквапарке; ...**закрыли невероятное количество геиштальтов*** [<http://noshpito.livejournal.com/>].

С определением точного значения ФЕ *духовные скрепы* ситуация несколько сложнее. Различные порталы, специализирующиеся на объяснении популярных явлений Рунета, определяют данный ФН так: «обозначение духовных оснований, объединяющих общество современной России» (см., напр., <http://ruxpert.ru>), «основы, скрепляющие российское общество» (см., напр., <http://www.wikireality.ru>) и т.д. Однако такое понимание встречается лишь в контекстах, в которых отражены попытки анализировать сказанное президентом в патриотическом или религиозном духе: *Духовные скрепы, объединяющие русский народ, в самом деле существуют. Это не только то, что объединяет русских между собой, не только некие надсистемные свойства...* [<http://kotbegemott.livejournal.com/>].

Значительно чаще данный фразеологизм используется с ироническим оттенком: *Следственный комитет возбуждает уголовные дела по заведомо ложным обвинениям... Поневоле задумаешься, а не являются ли такие обвинения одной из **духовных скреп**?* [<http://schegloff.livejournal.com/>]. Часто актуализируется и религиозная составляющая данного устойчивого выражения: «**Духовные скрепы**»: *в России бюд-*

жетников принудительно сгонят на крестный ход [<http://glavpost.com.ua/>]. Данный ФН породил и новое перифрастическое образование *страна духовных скреп* (в значении «Россия»), напр., *Феминистка из страны «скреп»* [<http://vk.com/>].

Актуализируясь в текстах, ФЕ часто подвергаются различным преобразованиям. В интернете данный процесс, конечно же, также ярко представлен, что объясняется не только потребностью адаптировать узуальный фразеологизм к конкретной ситуации общения, но и игровым, карнавальным характером самой интернет-коммуникации. Для ФН контекстуальная трансформация является показателем его популярности и дискурсивной востребованности. Сам факт трансформации говорит о том, что фразеологизм укоренился в языке настолько хорошо, что даже в модифицированной форме узнается носителем языка. Так, ФЕ *запасаться/запастьсья попкорном* часто функционирует с заменой глагольного компонента синонимом или контекстуальным синонимом. Напр., *Попкорном затарился* [<http://fintraining.livejournal.com/>]; *Давайте, жгите! Попкорн уже купили* [<http://www.facebook.com>] и т.д.

Интернет позволяет обнаружить и случаи возникновения достаточно частотного трансформа, образованного при помощи приема расширения компонентного состава фразеологизма *запасаться попкорном и патронами*, который, возможно, в ближайшее время тоже станет фразеологическим неологизмом: *Запасаемся попкорном и патронами. Продолжаем вести наблюдение...* [<http://matmyst.livejournal.com>]. При этом значение фразеологизма меняется с «ожидать чего-либо» на «ожидать чего-либо плохого»: *Я уже попкорном и патронами запасуюсь чуя новый передел собственности* [khazin.livejournal.com].

Кроме структурных трансформаций, исследуемые устойчивые выражения вовлекаются и в языковую игру. Наибольшее число случаев языковой игры среди рассматриваемых ФЕ приходится на ставшее уже интернет-мемом выражение *духовные скрепы*. Напр., языковая игра может строиться на основе звукового подобия слов: *Скрип «духовных скреп»* [<http://stas-senkin.livejournal.com/>]. Но чаще всего фразеологизм *духовные скрепы* обыгрывается в текстах с актуализацией «канцелярской» составляющей, напр.: *Бастрыкин строчил новые дела, подшивая их «духовными скрепами»* [<http://egil-uloff.livejournal.com/>].

Прагматический потенциал фразеологизма в тексте сложно переоценить. При анализе различных интернет-источников обнаруживается, что, кроме коммуникативной и экспрессивной функций, исследуемые

неологизмы могут выполнять, например, функцию самопрезентации говорящего и демонстрируют его принадлежность к определенной сфере. Так, ФЕ *закрывать геиштальт* часто указывает на увлечение психологией, а ФЕ *духовные скрепы* в том или ином контексте говорит о политических предпочтениях автора. Актуализируясь в дискурсе, ФЕ *духовные скрепы* часто выполняет текстообразующую функцию, при которой текст фактически «вырастает» из семантизации, объяснения данного ФН или развития образной основы идиомы. О популярности фразеологизма говорит факт его употребления в качестве так называемого интернет-мема или тэга, а также заголовка или подписи.

Как мы видим, интернет вносит существенный вклад в исследование фразеологии и в особенности фразеологической неологистики. Именно в интернете фразеологические неологизмы подвергаются «материальной» фиксации и доказывают сам факт своей коммуникативной востребованности. Интернет помогает зафиксировать употребление ФЕ, значительно опережая фразеографические работы, верифицировать значение устойчивого выражения, время и источник его происхождения или момент вхождения в язык, увидеть прагматический потенциал ФЕ и ее популярность в динамическом аспекте, а карнавальный характер интернет-общения и свобода обращения со словом в условиях виртуальной коммуникации порождают и различные случаи языковой игры и трансформаций.

Использованная литература:

- АСМУС, Н. Г. (2005): *Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. Дисс. канд. филол. наук.* Челябинск: Челябинский государственный университет.
- ВАЛГИНА, Н. С. (2003): *Активные процессы в современном русском языке.* Москва: Логос.
- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я., ГАЛАНОВА, Е. И. и др. (2008): *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* Москва: Языки славянских культур.
- КРОНГАУЗ, М. А. (2013): *Самоучитель албанского.* Москва: АСТ.
- МАЛИНСКИ, Т. (1992): Возникновение новых фразеологических единиц. *Русистика.* Берлин, 1992, № 2, с. 67–76.
- МОКИЕНКО, В. М. (2006): *Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное.* (25 октября 2006). <http://oomnik.iling.spb.ru/neologia/konferencii/2007/konferencii/2006/faily/mokienko-v-m>
- Национальный корпус русского языка* (2015): <http://ruscorpора.ru/>

- СИРОТИНИНА, О. Б. (2013): *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- ТРОФИМОВА, Г. Н. (2008): *Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты)*. Москва: Изд-во РУДН.
- Яндекс.Блоги (2015): <https://blogs.yandex.ru/>.
- Diary.Ru (2015): <http://www.diary.ru/>.
- Facebook (2015): <https://www.facebook.com/>.
- LiveJournal (2015): <http://www.livejournal.com/>.
- Lurkmore (2015): <https://lurkmore.co/>.
- Nechtoportal.ru (2015): <http://nechtoportal.ru/>.
- STĚPANOVA, L. (2011): *Современный русский язык: праздник вербальной свободы. Současný ruský jazyk: triumph verbální svobody*. Olomouc: UP.
- VK (В контакте) (2015): <http://vk.com/>.

Профиль автора:

Доброва Мария, магистр

Сфера научных интересов: фразеология, семантика, прагматика, исследования дискурса, активные процессы в СРЯ.

Katedra slavistiky
Filozofická fakulta Univerzity Palackého vOlomouci
Křížkovského 10
771 80 Olomouc
www.slavistika.upol.cz
mariia.dobrova01@upol.cz

Катажина ДЭМБСКА

Польша, Торунь

О метафорическом характере сверхлексемных единиц с компонентом *сердце* и их фразематическом потенциале (на материале русского языка)

The metaphorical nature of multi-word units containing the element “heart” and their phrasematic capacity (on the basis of the Russian language)

Abstract: The article addresses multi-word lexical units which contain the element “heart” and which are examples of conceptual metaphors.

On the basis of the material excerpted from the Internet – and by means of the conceptual metaphor theory offered by George Lakoff and Mark Johnson – the author confirmed the metaphorical nature of over 50 units. Then, by using the Google.ru browsing tool and the quotation-mark method, the author examined the phrasematic capacity of such units. The experiment has led to the statement that multi-word metaphorical units have a relatively large phrasematic capacity and can thus greatly influence the expansion of phrasemes in Russian.

Key Words: Multi-word lexical units – phrasemes in Russian – conceptual metaphors – phrasematic capacity.

Настоящая статья посвящается метафорическому смыслу сверхлексемных сегментов русского языка с компонентом *сердце*, имеющих, как нам кажется, фразематический потенциал. Поскольку сутью фразематики является воспроизводимость, в процессе исследования такого рода сочетаний важным является вопрос их репродуцируемости в текстах и включения в ряд единиц, по отношению к которым Войцех Хлеба пользуется новейшим термином «сверхлексемные репродукты» [Хлеба 2010: 65]. Данная проблема поднимается и в настоящей

статье, автор которой пытается не только охарактеризовать выбранные сверхлексемные единицы с компонентом *сердце* с точки зрения их метафорического характера, но и проверить степень их воспроизводимости, т.е. сориентироваться во фразематическом потенциале каждой из них¹. Для этой цели использовался самый открытый и легкодоступный корпус, который богат русскоязычными текстами разного рода и часто является источником новых языковых единиц, т.е. Рунет.

Фильтрация единиц в поисковой системе (Google.ru), а также проверка их воспроизводимости в текстах Рунета проходила двуэтапно. Сначала прошёл поиск самой единицы *сердце* и наблюдение за её окружением, т.е. положением относительно других единиц, что вело к отбору группы **потенциальных**² многолексемных сегментов, которые являются языковыми реализациями концептуальных метафор. Второй этап заключался в исследовании уже выбранных (воспроизводимых наиболее часто) сверхлексемных единых целых. Более точный анализ их воспроизводимости проводился самым удобным, но далеко не идеальным методом, т.е. с помощью кавычек [см. Wierchoń 2010: 91; Хлебда 2010: 59], что для выполнения поставленной задачи на данном этапе исследований нам казалось вполне достаточным.

По словам авторов книги «*Метафоры, которыми мы живём*» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора «пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Следовательно, авторы ставят метафору в центр как языковой, так и внеязыковой действительности, что и позволяет относиться к ней (метафоре) как к сердцу некой сложной системы. Таким образом, компонент *сердце* не является случайным объектом настоящих размышлений.

На основе проведенного исследования удалось собрать языковой материал, явно указывающий на метафорический смысл сверхлексемных единиц с этим компонентом. В настоящей статье, однако, внимание уделяется сегментам, которые пока являются, так сказать, кандидатами в группу репродуктов и не фиксируются словарями русского языка.

---

¹ Пётр Вежхонь называет их *многословными сегментами, подозреваемыми во фразематичности* [см.: Wierchoń 2010].

² Подчеркнуто мною (К. Д.).

Опираясь на теорию концептуальной (понятийной) метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, можно утверждать, что среди типов метафор, наблюдаемых в отобранном материале, на первый план выдвигается онтологическая метафора, т.е. «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п. как материальных сущностей и вещей» [Лакофф, Джонсон 2004: 49]. Однако, онтологические метафоры можно рассматривать ещё подробнее. Отобранные единицы позволяют выделить следующие группы:

1. **СЕРДЦЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ**, которое закрывается или открывается и в нём можно что-нибудь иметь, копить или держать. Оно может также чем-нибудь наполняться и т.п., а именно: **Сердце закрывается**³ для кого-, чего-н. или от чего-н. (например: для любви и радости, для Бога, для света, для щедрости, для всех, для другого; от страха, от боли, от обид, от несчастной любви, от предрассудков, от людей); **Сердце открывается на** кого-, что-н. или **для** кого-, чего-н. (например: на чьей-н. голос, навстречу любви, начьё-н. тепло, на раз; для любви, для дружбы, для другого, для окружающих, для людей, для страстей); **иметь в сердце** кого-, что-н.⁴ (например: любовь, Бога, сочувствие, добро, мысль, мир, тишину, желание, страх); **наполнить сердце** чем-н. (например: добротой, жалостью, благодарностью, любовью, красотой, энергией, радостью); **вынуть из сердца** что-н. (например: горечь, мечту, боль, всё ценное, досаду, годы счастья, любовь); **держат в сердце** кого-, что-н. (например: боль, зло, любовь, труп любви, обиду, злону, своих близких, детей); **сердце переполнено** чем-н. (например: любовью, нежностью, печалью, гордостью, благодарностью, страстью, чувствами, грустью, болью); **копить в сердце** что-н. (например: злону, ненависть, злость, обиду, грязь, страсть).

2. **СЕРДЦЕ – ЭТО ПОМЕЩЕНИЕ**, в котором можно занять место, поселиться, впустить сюда кого-нибудь, открывая дверь: **дверь в сердце** (например: открытая, закрытая); **занять место в чьём-н. сердце** (например: занять место в сердце мужчины, занять место

³ Единицы **Сердце закрывается** и **Сердце открывается** не принимаются во внимание, поскольку они могут пониматься в буквальном смысле, т.е. связанном с медицинской операцией на сердце, что значительно затрудняет точное определение результатов поиска этих сегментов в поисковой системе в их метафорическом значении.

⁴ По структуре обсуждаемые единицы представляют собой как предложения, так и группы слов, которые предложениями не являются, что и отражается в способе их записи. Обсуждаемые сегменты могут содержать как постоянные компоненты, так и валентные места, т.е. элементы, которые могут изменяться [ср. Chlebda 2010: 17]. Как принято [Там же: 16], постоянные элементы сегментов записываются жирным шрифтом, а изменяемые – курсивом.

в сердце избранника, занять место в сердце народа); кто-, что-н. **поселится в сердце** (например: *тоска поселится в сердце, демон ревности поселится в сердце, холодок поселится в сердце, грусть поселится в сердце*); **впустить в сердце кого-, что-н.** (например: *впустить в сердце радость, холод, любовь, прошлое, ненависть, злобу, тепло, эмоции, монстра*).

3. СЕРДЦЕ – ЭТО МАШИНА, которая работает (правильно или неправильно), может испортиться, остановиться и стать неисправной: **Сердце работает. Сердце работает правильно. Сердце работает неправильно. Сердце портится. Сердце останавливается. Неисправное сердце.**

4. СЕРДЦЕ – ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ, сделанный из непрочного материала и легко может разбиться: **сердце разбилось; хрустальное сердце; стеклянное сердце; сердце трескается.**

Одним из типов онтологической метафоры является персонификация, т.е. метафора, благодаря которой объекту приписываются черты человека. Данный тип метафоры также замечается среди сверхлексемных единиц с компонентом *сердце*, т.е. сердце персонифицируется, а именно: **Сердце танцует. Сердце смеётся. Сердце говорит что-н. кому-н. Сердце любит кого-, что-н. Сердце ненавидит кого-, что-н. Сердце выбирает кого любить, а судьба решает с кем жить. Сердце сходит с ума. Сердце жаждёт кого-, чего-н.** (например: *любви, перемен, труда, битвы, мести, тепла, воли, моря*). **Сердце испытывает что-н.** (например: *потребность, голод, дефицит чего-н., трудности, эмоции, нагрузки*). **Сердце учится чему-н. или что-н. делать** (например: *ласке, милосердию, любить, быть мудрым, стучать*). **Сердце страдает от чего-н.** (например: *от измены, от непонимания, от никотина, от обид, от диеты, от работы, от недостатка чего-н.*). **Сердце потеет. Сердце поёт. Сердце слушает** (глагол выступает как непереходный или переходный: *кого-, что-н.*).

Персонификация (так, как и другие онтологические метафоры) может ограничивать объём понятия, порождая, например, метафору СЕРДЦЕ – ЭТО ДРУГ/ПАРТНЁР: **поступать как велит сердце; поступать как подсказывает сердце; делать как велит сердце; делать как подсказывает сердце.**

Все приведённые выше примеры, как кажется, представляют собой готовые языковые единицы, которые адресант может использовать в речи. Чтобы в этом убедиться, следует проверить степень их воспроизводимости (репродуцируемости) в текстах. Самым обширным

и наиболее доступным текстовым корпусом, о чём уже упоминалось выше, является Интернет (для русского виртуального пространства – Рунет). В ходе проверки воспроизводимости анализируемых единиц методом кавычек (т.е. заключая данную сверхлексемную единицу в кавычки, обозначая тем самым её границы) подтверждается, что они в разной степени воспроизводятся в текстах.

Ниже представляется таблица со списком⁵ отобранных единиц и результатами поиска⁶:

Сверхсловная единица	Валентные места	Результат поиска
впустить в сердце	<i>кого-, что-н.</i>	34.200
вынуть из сердца	<i>что-н.</i>	25.800
дверь в сердце	–	305.000
делать как велит сердце	–	1.850
делать как подсказывает сердце	–	6.530
держат в сердце	<i>кого-, что-н.</i>	283.000
занять место всердце	<i>в чьём-н.</i>	183.000
иметь в сердце	<i>кого-, что-н.</i>	295.000
копить в сердце	<i>что-н.</i>	20.300
наполнить сердце	<i>чем-н.</i>	11.300
неисправное сердце	–	846
поселится в сердце	<i>кто-, что-н.</i>	195.000
поступать как велит сердце	<i>у</i>	2.330

⁵ Надо подчеркнуть, что в связи с установлением ограничений на объём настоящей статьи, в ней представляются только примеры многословных единиц с компонентом «сердце», а не их полный набор.

⁶ Поиск проводился 5. 10. 2015 г. Надо, однако, учесть, что число результатов не является постоянным и может как расти, так и снижаться.

поступать как подсказывает сердце	–	1.980
Сердце выбирает кого любить, а судьба с кем жить.	–	5
Сердце говорит	<i>что-н. кому-н.</i>	189.000
Сердце жаждёт	<i>кого-, чего-н.</i>	256.700
Сердце закрывается для Сердце закрывается от	<i>кого-, чего-нибудь чего-н.</i>	201 437
Сердце испытывает	<i>что-н.</i>	7.040
Сердце любит	<i>кого-, что-н.</i>	414.000
Сердце ненавидит	<i>кого-, что-н.</i>	2.320
Сердце останавливается.	–	62.800
Сердце открывается на Сердце открывается для	<i>кого-, что-н. кого-, чего-н.</i>	632 4.250
Сердце переполнено	<i>чем-н.</i>	37.700
Сердце поёт.	–	138.000
Сердце портится.	–	932
Сердце потеет.	–	288
Сердце работает.	–	97.400
Сердце работает правильно.	–	682
Сердце работает неправильно.	–	1.330
Сердце разбилось.	–	25.400
Сердце слушает. Сердце слушает	– <i>кого-, что-н.</i>	58.400 (вместе переходное и непереходное употребления)
Сердце смеётся.	–	6.110

Сердце страдает от	<i>чего-н.</i>	3.090
Сердце сходит с ума.	–	12.500
Сердце танцует.	–	6.530
Сердце трескается.	–	885
Сердце учится	<i>чему-н. или что-н. делать</i>	29.400
стеклянное сердце	–	27.300
хрустальное сердце	–	119.000

Собранный материал позволил подтвердить метафорический характер выбранных многословных единиц целых с компонентом *сердце*, а их воспроизводимость в текстах Рунета указала фразематический потенциал каждой из них: от воспроизводимой крайне редко (**Сердце выбирает кого любить, а судьба с кем жить** – 5 результатов) по выступающие в Рунете в десятках или сотнях тысяч (например: **Сердце любит** – 414.000 результатов, **дверь в сердце** – 305.000, **иметь в сердце кого-, что-н.** – 295.000). Это позволяет утверждать, что многословные единицы метафорического характера в значительной степени могут влиять на расширение состава фразем современного русского языка.

Использованная литература:

- ЛАКОФФ, ДЖ., ДЖОНСОН, М. (2004): *Метафоры, которыми мы живём*. Москва: Эдиториал УРСС.
- ХЛЕБДА, В. (2010): Метаоператоры в функции поисковой системы в обработке ресурсов Рунета для лексикографических целей. *Rossica Olomucensia XLIX*, 2010, num. 2, с. 57–66.
- CHLEBDA, W.(2010): Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproductów wielowrazowych. In: Chlebda W. (ed.): *Na tropach reproductów. W poszukiwaniu wielowrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 15–35.
- WIERZCHOŃ, P. (2010): Pięć bardzo skutecznych (sprawdzonych) sposobów na masowe wyodrębnianie wielowrazowych segmentów podejrzanych o frazematyczność (czyli reproductów). In: Chlebda W. (ed.): *Na tropach reproductów. W poszukiwaniu wielowrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 87–125.

Профиль автора:

Катажина Дэмбска, доктор гуманитарных наук

Темой её научных работ являются тенденции развития лексики и фразеологии польского, русского, чешского языков, а также активные процессы в словообразовании (особенно явление контаминации).

Katedra Filologii Słowiańskiej
Uniwersytet Mikołaja Kopernika
ul. Fosa Staromiejska 3
87-100 Toruń, Polska
kfs.umk.pl
katarzyna.dembska@umk.pl

Инна Владимировна КАЛИТА

Чешская Республика, Усти над Лабем

Характеристика человека посредством фразеологизмов с лексемой *голова* (компаративный ракурс: чешский vs. белорусский)¹

Describing human features using phraseological units containing the word “Head” (a comparative perspective: Czech versus Belarusian)

Abstract: Belarusian and Czech idioms containing the lexical unit “head” are analyzed in the article. Reflecting psycho-physical human characteristics and denoting the quality and the extent of mental abilities the similar idioms existing in both languages are represented by different structural forms. The Czech language is characterized by more widespread phraseology with an expansive determinant such as an adjective. Some graphic similarity and semantic cross-language iden-

---

¹ Автор использует букву а в написании прилагательного *беларусский* (и единицах, образованных от *Беларусь*), стремясь обратить внимание (прежде всего лингвистов) на неоднократно поднимаемый вопрос, уже более 20 лет относящийся к разряду нерешённых. Жители постсоветских стран расценивают советские названия своих стран как устаревшие. После распада СССР бывшая БССР (Белоруссия) приняла официальное название – Республика Беларусь. Образовательный портал Грамота.ру в качестве первого варианта приводит устаревшую форму – Белоруссия, -и (Республика Беларусь) и прилагательное *белорусский*. Написание буквы «о» в названиях представителей нации, как и написание прилагательного *белорусский* с «о» логично не увязывается с современным официальным названием страны – Беларусь. В современном контексте употребление устаревших названий – Белоруссия, Byelorussia, Bielorusie, Weissrussland, отражающих концептосферу советской эпохи и обозначающих колониальный дискурс, звучат неэтично. В официальной документации ООН (<http://documents.un.org/mother.asp>), представляющей документы на нескольких рабочих языках, с учётом постсоветских изменений, используются варианты: англ. – Belarus, Republic of Belarus, Belarusian history, The Belarusian Constitution; испанск. Belarus, República de Belarús; фр. – Bélarus, République du Bélarus.

tity is observed only among these three phraseological units (*garachaya - horká, dziravaya - děravá, dubovaya - dubová*).

Key Words: Belarusian – Czech – idioms – lexical unit – “head” – psycho-physical human characteristics – phraseology – graphic similarity – semantic cross – language identity.

Динамика психологии человека неразрывно связана с динамикой его тела и окружающей среды. Большинство используемых сегодня фразеологизмов сложилось на основе древних представлений, поэтому они естественным образом отражают связь с мифологическим сознанием и его обусловленность природными явлениями. По этой причине **психологический портрет человека**, оформленный во фразеологической картине мира, можно рассматривать с помощью **совмещения нескольких слагаемых: (1) четырех стихий** и уточнением связи человека с ними посредством (2) души, которая действует в сфере (3) «**социальных интерьеров**» своего времени.

Первое и второе слагаемое – принцип жизненного цикла во многих мифологиях и религиях. Четыре стихии: земля, вода, воздух и огонь – ярко отражают свои свойства в поведении человека. *Душа* во фразеологии большинства славянских языков образует семантически тождественный ряд со словом *дух*. «Социальным интерьером» в древности для человека была природа и животный мир, благодаря им человек психологически кристаллизовал стадии своего взросления. Характер животного стал олицетворять черты характера и поведения человека, в начале в сказках и мифах, позднее в художественной литературе в баснях. Первые два слагаемых – константы, они отражают архетипичные связи и исконную характеристику человека, заложенную в его генетическом коде. Третье – «социальные интерьеры», или среда эпохи – своеобразный фон, на котором существующие фразеологизмы могут преломляться в ином свете и видоизменяться. «Социальный интерьер» связан с широким пониманием мифа. Его первоисточник – мифологическое сознание первобытного человека, позже «скорректированное» религией, впоследствии наукой и рационалистическим сознанием, а в наше время находящееся также во власти политических институтов, – что можно обозначить как **неомифологическое сознание**. «Социальные интерьеры» для любой национальной фразеологии – переменная, служащая генератором обновления ФЕ. Каждая эпоха дает новые фразеологизмы, но в основе

их создания лежат две первые категории понятий и уже известные фразеологические схемы, т.е. традиция преемственности работает на всех уровнях. Неслучайно символика животного мира сегодня отражается прежде всего в политической фразеологии. Она является частью общего инновативного фона, который М. Чехова определяет термином *культурная фразеология* [Čechová 1993].

Чешский и белорусский взгляд на человека

Предлагаемая к рассмотрению пара языков: чешский и белорусский – является новым вектором в компаративной фразеологии. Его разработка усугубляется отсутствием переводного словаря. Сравнивая коммуникативный потенциал двух языков и их фразеологические фонды, следует отметить, что они значительно отличаются. Чешский язык действует на всех коммуникативных сферах, белорусский лишь декларативно является государственным языком, сферы его употребления крайне ограничены. Это обуславливает развитие неологических тенденций: минимальная фразеологическая инновация в белорусском и широко развитая инновативная тенденция в современном чешском.

Двухтомный «Слоўнік фразеалагізмаў» (2008) И. Лепешева (1924–2014) содержит 7000 ФЕ, Словарь чешской фразеологии и идиоматики («Slovník české frazeologie a idiomatiky», 1983-1994) включает около 10 000 ФЕ. Чешский словарь фиксирует и единицы, отражающие современные инновации. В словаре И. Лепешева новых единиц мало, что обусловлено ограниченной фреквенцией использования языка. При этом фразеологический фонд белорусского языка последовательно фиксировался, был и остается предметом научного интереса. Он является областью хорошо изученной, включая отдельные сферы: общеупотребительную, диалектную, и фразеологию отдельных белорусских писателей (Я. Коласа, К. Крапивы). Среди диалектных следует особо выделить словари Г. Ф. Юрченко (1928-2014) («І коціца і валіцца», «І сячэ і паліць», «Слова за слова», 1977), в основу которых положен диалект Мстиславщины. В его собрании зафиксировано 5300 диалектных ФЕ. В XX веке в Беларуси вышло несколько диалектных фразеологических словарей, созданных непрофессионалами. К первым диалектным словарям, зафиксировавшим и фразеологию, относится «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича (1870), который в планах Императорской Академии наук предполагался как вторая часть «Опыта словаря областных наречий». В свое время это было самое

полное собрание лексики и фразеологии живой речи, объединившее более 30 000 единиц.

ФЕ со словом *голова*: психофизические характеристики человека

Будучи центральным образом фразеологической системы любого языка, человек отражается прежде всего в зеркале соматических фразеологизмов, которые включают названия всех частей тела человека. Как древнейший пласт фразеологии, такие ФЕ отражают восприятие мира и способы его познания. Особое место в характеристике эмоционального поля человека отведено ФЕ со словом *голова*.

ГАЛАВА					HLAVA			
Бел.					общее	Чеш.		
<i>гарачая</i>	-	N	+	*	<i>horká</i>	-	N	+
<i>светлая</i>	-		+		<i>lehká</i>			+
<i>свежая</i>			+		<i>čistá</i>			+
<i>дзіравая</i>	-			*	<i>děravá</i>	-		
<i>дубовая</i>	-			*	<i>dubová</i>	-		
садовая	-							
яловая	-							
курыная	-							
					<i>skopová</i>	-		
					<i>telecí</i>	-		
					<i>gypsová</i>	-		
пустая	-				<i>prázdná</i>	-		
дурная	-							
хворая	-							
здоровая			+					

					<i>otevřená</i>			+
					<i>dobrá</i>			+
					<i>chladná</i>	-		+
					<i>nadělaná</i> (<i>udělaná</i>)		N	
					<i>popletená</i>	-		
					<i>rozpálená</i>	-		
					<i>těžká</i>	-		
					<i>tupá</i>	-		
					<i>tvrdá</i>		N	+
					<i>zamilovaná</i>	-		
					<i>zamotaná</i>	-		
					<i>velká</i>	-	N	
					<i>obnažená</i>			

Словарь И. Лепешева приводит 199 ФЕ со словом *gалава*, в Словаре чешской фразеологии и идиоматики содержится 209 ФЕ. Естественно, не все они относятся к психофизическим характеристикам.

Полные межъязыковые эквиваленты, в которых наблюдается графическое подобие и семантическое тождество, представлены тремя примерами: *гарачая – horká*, *дзіравая – děravá*, *дубовая – dubová*. К ним близки относительные эквиваленты: белорусский ряд *дубовая – садовая – яловая (галава)* соответствует чешскому определителю *dubová*, а ФЕ *куруная галава* является аналогом, метафорическим «укрупнением»: *skorová, telecí hlava*, к ним примыкает и более поздний вариант – *gypsová hlava*. В чешском языке фразеологизмы с расширяющим определителем – прилагательным представлены шире.

Отличны формы обозначения наличия/отсутствия умственных способностей:

з галавой / без галавы – být hlava otevřená / být prázdná hlava – «умный»/«глупый»;

мець галаву на плячах / не мець галавы наплячах – mít v hlavě / nemít nic v hlavě.

Отрицательные значения «отсутствия способностей» во ФЕ реализуются по схемам:

(1) (предлог без) + сущ в Р.п. + сущ. В.п.:

без клёпки ў галаве, без цара ў галаве – *mít v hlavě prázdnó;*

- (2) (предлог з) сущ. Т.п. + у(ў) + сущ. В. п. *галаве*:
з ветрам (вцяярком) ў галаве – *mít popletenou hlavu*; мякіна ў галаве,
салома ў галаве – *mít v hlavě rtiny/řezanku/slamu/otruby/seno/piliny*).

В некоторых межъязыковых аналогах одна соматическая часть замещается другой:

Nosit hlavu (*nos/bradu*) / *nosit se jako páv* – *задзіраць нос*.

Mít svou/tvrdou hlavu – *быць упарты як баран*.

Однако существуют и большие ряды межъязыковых соответствий, например: *být horká hlava / mít horkou hlavu* – *гарачая галава*; *mít čistou/jasnou hlavu* – *на свежую галаву*; *mít děravou hlavu* – *дзіравая галава*; *mít dobrou hlavu* – *светлая галава*; *mít hlavu na pravém místě* – *мець галаву на плячах*.

В отдельных ФЕ слово голова вчешском языке может замещаться словами *кровь, память, мозг, мысль, совесть, череп, нос, подбородок* (*krev, paměť, mozek, mysl, svědomí, lebka, nos, brada*), а также сниженными синонимами: *lebka, šiška, palice*.

Mít horkou hlavu (*krev*); *mít děravou hlavu* (*paměť*); *rozsvítit někomu hlavu* (*lebku*); *strašit někomu v hlavě* (*palici*); *vrtat někomu hlavou* (*mozkem*); *zamotat někomu* (*něčím*) *hlavu* (*šišku, palici*); *omlátit / otlouct / otloukat někomu* (*něco*) *o hlavu* (*palici, nos*); *nosit hlavu* (*nos, bradu*) *vysoko / vzhůru*; *nejít / nelézt někomu z hlavy* (*mysli*); *nedělat si z něčeho / s něčím velkou hlavu* (*svědomí*).

В белорусских ФЕ подобного рода валентность минимальна, *галава* может замещаться лексемой *шея*: *на сваю галаву* (*шыю*).

Рассмотренные примеры представляют общеславянское фразеологическое наследие и ФЕ, отражающие собственно-национальный опыт, являющийся основой для создания национальной языковой картины мира.

Использованная литература:

- АКСАМІТАЎ, А. (2000): *Прыказкі і прымаўкі: тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак*. Мінск: Беларуская навука.
- ДЗЯДОВА, А. С. (2013): *Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі*. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава.
- ІВАНОВА, С. Ф., ІВАНОЎ, Я. Я. (1997): *Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў*. Мінск: Беларускі Фонд Сораса.

- ЛЕПЕШАЎ, І. Я. (2008): *Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т.* Мінск: БелЭН імя П. Броўкі.
- ЯНКОЎСКИ, Ф. М. (1981): *Беларуская фразеалогія.* Мінск: Народная асвета.
- MRNÁČOVÁ, E., BALOWSKI, M. (2009): *Česko-polský frazeologický slovník.* Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě.
- ČECHOVÁ, M. (1993): *Kulturní frazeologie v současné komunikaci. Naše řeč*, t. 76, č. 4.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání.* Praha: Academia.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1982): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné.* Praha: Academia.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. A–P.* Praha: Academia.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. R–Z.* Praha: Academia.

Профиль автора:

Калита Инна В., доктор философии, кандидат филологических наук (PhDr., Ph.D.)

Научный сотрудник секции славистики при кафедре богемистики университета им. Яна Евангелисты Пуркyně в г. Усти над Лабем. Преподает на специальности «Деловой русский язык» фонетику и стилистику, практику речевого общения, основы межкультурной коммуникации, русскую литературу. Научная специализация в рамках славистики (1) социолингвистика, языковые контакты, билингвизм, (2) субстандартная лексика (русский и чешский сленг). К научным интересам относится магический реализм – его история и структурные компоненты рассмотрены на примере творчества современного русского писателя Дмитрия Липскерова.

Secce slavistiky při Katedře bohemistiky Pedagogické fakulty
Univerzity Jana Evangelisty Purkyně v Ústí nad Labem
České mládeže 8
CZ-400 96 Ústí nad Labem
<http://www.pf.ujep.cz>
inna.kalita@ujep.cz

Publikace vznikla na základě podpory studentského grantového projektu v rámci specifického vysokoškolského výzkumu na Univerzitě Jana Evangelisty Purkyně v Ústí nad Labem.

Елена НЕВЗОРОВА-КМЕЧ

Польша, Лодзь

Русские жаргонно-разговорные выражения в речи молодежи в XXI веке

Russian colloquial phrase units in the youth slang in 21st century

Abstract: The article deals with some slang units presented in the published (in print or electronic versions) dictionaries. We analyze the new phrase units, which could potentially be characterized as ones came into wide use in the speech of the Russian speakers, the units that have fallen invisible boundary between slang and colloquial speech. We show the main reasons that contribute to the stylistic change and the status of the newly emerged idioms.

Key Words: Phraseology – idiom – phrase unit – neologism – slang – jargon – Russian – lexicography.

Дискуссии, касающиеся живой русской речи, ведутся уже в течение более ста лет. Особый интерес лингвистов к жаргону приходится на 90-е годы XX века, когда стала особо заметна его экспансия в современном русском языке. Исследователи (напр. О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина [1999], В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина [2000], Л. И. Скворцов [1977], В. В. Химик [2004]) подходят к вопросу причисления единиц к той или сфере употребления внимательно и комплексно. Временную границу перехода жаргонизма в разговорную речь трудно установить, поскольку «в языке существует немало смешанных, переходных случаев [...]. Существует немало примеров лексической и семантической переходности, когда слово или фразеологизм сохраняют очевидную территориальную либо социально-групповую окрашенность, но тяготеют к наддиалектному или общежаргонному употреблению» [Химик 2004: 8]. Выделяя этот пласт лексико-фразеологических единиц, ученые используют по отношению к нему термины: *интержаргон*

(Б. А. Серебренников, Л. И. Скворцов, Л. П. Крысин), *общий жаргон* (О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина), *жаргонное просторечие* (В. В. Химик) или *жаргонизированная разговорная речь* (В. М. Мокиенко, Н. Г. Никитина). Мы в настоящей работе вслед за авторами «Большого словаря русского жаргона» (далее: БСРЖ) [Мокиенко, Никитина 2000] используем термин *жаргонизированная разговорная речь* и понимаем под ним экспрессивно переосмысленный пласт единиц современного русского словаря, которые вышли за рамки жаргонных подсистем и социолектов (но могут носителями ощущаться как имеющие социально-групповую или профессиональную окраску), понимаются и употребляются в расширенном значении большой группой носителей русского языка в устной и письменной формах, прежде всего, неформального общения (см. В. М. Мокиенко [2010], В. В. Химик [2004: 11]). Молодежный сленг играет роль начального элемента цепи «жаргон – просторечие/разговорная речь» или промежуточного звена между сферами некодифицированной лексики и разговорной речью. Неслучайно в БСРЖ мы встречаем следующие сочетания помет: *жрр.*, *мол.*

Разговорная речь обновляется за счет средств жаргона. Это происходит потому, что «на определенном историческом этапе развития <общепотребительного языка> ощущается некий вакуум, некая неадекватность номинативных средств реальности, что требует заполнения и компенсации» [Панов 2001]. Изменения в действительности диктуют необходимость создавать или менять что-то в языке. Для этого создаются новые слова и обороты (напр., *белоленточные черви* «распространившееся в начале 2012 года в российском Интернете наименование блоггеров, поддерживающих российскую либеральную оппозицию и выступающих против Владимира Путина»; *сетевые хомячки* «люди, выходящие на митинги протеста, на участие в которых договариваются в сети»; *бунт хорьков* «митинг «безгласного» народа»)

Это явление особо заметно при рассмотрении жаргона представителей субкультур, а также молодежного жаргона в целом. Молодежь старается заполнить не только лексико-фразеологические лакуны, создавая емкие выражения для обозначения каких-либо реалий, но и стилистические, замещая более экспрессивными уже существующие выражения [см. Панов 2001]. Например, в 2008–2010-х гг. встречаем следующие единицы: *гонять на цветах* «появиться в общественном месте с атрибутикой футбольного клуба (как правило, с шарфом, «розой»)»; *офф рот* «замолчи»; *до талого* «до конца»; *в студию* «покажи-

те, предъявите»; *Дядюшка Ляо* «товар низкого качества»; *делать мозг* «навязчиво передавать кому-л. большое количество информации»; *делать беременную голову* «навязчиво рассказывать кому-л. о своих проблемах»; *на верблюде* «в состоянии наркотического опьянения»; *поймать бледного* «кто-л. плохо себя чувствует, кого-л. тошнит»; *иди воруй* «отстань»; *голландская духовка* «пускать газы под одеялом»; *абонент не абонент* «бесплезные попытки дозвониться до кого-л. по мобильному телефону» и др. Мощная волна жаргонизации, пришедшая на 80–90 гг. XX в., казалось бы, спала. Правильная речь является в настоящее время элементом, благодаря которому можно выделиться на фоне других (так поступает, например, интеллектуализированная часть готов, которые предпочитают говорить на правильном, «чистом» языке» (см. Словарь. Сленг готической субкультуры.) Это не означает того, что жаргона нет. В отдельных молодежных субкультурах по-прежнему используются арготические единицы, которые являются их опознавательным знаком. Они называют представителей субкультур, элементы одежды, аксессуары, предметы, с помощью которых группа выделяется на фоне иных: *готическая лолита* гот. «стиль одежды а-ля «я фарфоровая статуэтка»»; *гроб с музыкой* байк. «мотоцикл «Хонда Голд Винт»»; *гвоздь без шляпки* брейк. «вращение на голове без шапки»; *восточные ворота* RPG «туалет»; *удачный вынос* RPG «победоносный штурм, захват неприятеля»; *черная ворона* комп. Counter Strike «штурмовая винтовка Steug AUG у контртеррористов, аналог Sig 552 у террористов (4-4)» и др. Эти арготические «термины» занимают маргинальную зону в системе всех «новых» единиц. За пределы арготического ядра подобные обороты не выходят или выходят редко (исключение составляют компьютерные жаргонизмы: *сидеть в инвизе* «находиться в скрытом режиме», *получить (накладывать) бан* «накладывать запрет на публикацию текста, быть отключенным от группы игроков администратором сайта», *жать на батоны* «набирать текст на клавиатуре» и др., а также единицы из жаргона хипстеров: *профাকাпить дедлайн* «прийти на работу позже назначенного срока»; *дико талантливый* «небездарный»; *я тебя услышал* «я тебе ничего не обещаю, но принял к сведению информацию»). Они имеют не только ограниченную сферу употребления и сомнительна также степень их воспроизводимости представителями субкультур.

Сегодня жаргон стал менее заметен также и потому, что он перешел в сферу интернет-общения. Во всемирной паутине «мода как таковая на разные «словечки» и выражения» живет, «словечки только быстро

меняются» [Кронгауз 2013: 8]. Выражения, приобретшие небывалую популярность в Интернете, затем перешедшие из виртуального в реальное общение, иногда подхваченные СМИ, становятся известны и общеупотребительны. Так произошло, например, с *ya криведко* «популярный мем с использованием падонковской орфографии, используемый для выражения радостных ощущений; нежелания что-л. делать; для показа собственной ничтожности и непонимания» [Словарь сленга], появившимся в 2007 г. (см. подробнее [Кронгауз 2013: 317–325]). Слово *креветка* уже существовало в молодежном сленге в значении «1. уничижительное обращение к младшему по возрасту подростку; 2. тихая незаметная девушка» [Никитина 2009: 381], но подхваченное СМИ вместе с модой на язык падонков оно приобрело иное значение и стало популярным в широких кругах молодежи. Особенности языка падонков были позаимствованы для выработки своего стиля говорения и представителями субкультуры Эмо.

Сетевое общение – это в настоящее время главный источник распространения новых выражений. Переданные в письменном виде, занесенные в словари и энциклопедии, размещенные в интернете, если их оформление и экспрессивность по вкусу другим, они расширяют область своего функционирования (напр., *мать харю* «спать»; *день взятия Бастилии* «несуществующий праздник»; *припадать на очко* «бояться» (ср. очковать); *экран смерти* «сообщение OS Windows об ошибке, требующей перезагрузки системы» (ср. письмо счастья).

Это также и новая реальность, в которой есть явления, не имеющие лаконичного названия. Эти пробелы предлагают восполнить сами пользователи: *интернетная кома* «отсутствие реакции на любые внешние раздражители во время пользования Интернетом»; *легкий лайк* «дружелюбный человек в соцсети, который поставит лайк под всем, что вы запростите»; *глаза панды* «темные круги под глазами, которые означают, что человеку необходимо выспаться»; *белый рыцарь интернета* «человек, который вступается за всех, над кем издеваются в сети», *банный день* «пользователь фейсбука с большим количеством обвинительных, нелицеприятных записей».

В интернете фиксируются языковые явления, которые возникли и за его пределами. Например, «стебная, отчасти сатирическая, хулиганская, неполиткорректная, непоследовательная сетевая энциклопедия прежде всего об интернете, субкультурах и языке» – Луркоморье (lurkmore.tu; lurkmore.ru) [Кронгауз 2013: 13] описывает выражение *офисный планктон*, появившееся в языке прессы в 2006–2008 гг., так:

«(он же «*офисное быдло*», «*канцелярская крыса*», «*козявка приказная*» и т.п.) – работники умственного труда с пониженной творческой составляющей, проводящие жизнь в офисах и прочих управлениях, но не относимые к инженерам [...] Сам же термин *планктон* можно с равной справедливостью отнести к любой другой нетворческой специальности: слесарский планктон, таксистский планктон, продавцовский планктон, комбайнёрский планктон, солдатский планктон и т.д. Но как нечто уничижительное оно прилепилось именно к офисному планктону» [<https://lurkmore.ru>]. Данный оборот не обошли и другие Интернет-энциклопедии (Википедия, Цикловики), а также сайт-словари, напр., в «Словоново» эта единица отмечена в словнике интернет-сленга, политического жаргона и офисного жаргона.

Последнее из упомянутых выражений, наряду с интернет-сленгом, стало одним из показателем нынешней языковой эпохи. Кроме *офисного планктона*, его формируют, в частности обороты: *нарубать задач* «оставить множественные указания подчиненным на продолжительный период времени и удалиться»; *бизнес гель* «офисный лубрикант», *убитый елот* «условная единица, цена в иностранной валюте».

Подведем итоги: 1. В жаргонно-разговорную речь, прежде всего, переходят без изменения значения (изредка расширенном) субстандартные единицы из интернет-сленга, компьютерного жаргона, офисного жаргона, языка хипстеров; 2. жаргонно-разговорная речь пополняется за счет индивидуально-авторских оборотов, созданных заново с целью заполнения языковых лакун в определении явлений действительности и распространенных в результате интернет-общения; 3. жаргонно-разговорные единицы, утратившие долю экспрессивности, трансформируются в новые (при этом носителями языка отчетливо ощущается модель трансформации). В этом случае новые единицы являются иной оценочной характеристикой известных явлений. 4. Для того, чтобы причислить оборот к жаргонно-разговорному, а также к фразеологическому, необходим мониторинг за ним. Это является чрезвычайно сложной задачей, однако проекты свободных словарей/словников в некоторой степени помогут ее решить. Они также станут базой для описания изменений, происходящих в языках, что, в свою очередь, является необходимым для выявления закономерностей их развития в определенную эпоху.

Использованная литература:

- ГРАЧЕВ, М. А., МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- ЕРМАКОВА, О. П., ЗЕМСКАЯ, Е. А., РОЗИНА, Р. И. (1999): *Слова, с которыми мы все встретились. Толковый словарь общего жаргона*. Москва: Азбуковник.
- КРОНГАУЗ, М. (2013): *Самоучитель Олбанского*. Москва: АСТ: CORPUS.
<https://lurkmore.ru>
- МОКИЕНКО, В. М. (2001): Проблемы фразеологической неологии. In: H. Walter – W. Mokijenko – M. Aleksiejenko (eds): *Новая фразеология в новой Европе. Słowo. Tekst. Czas VI. Tezy międzynarodowej konferencji naukowej. Szczecin, 6–7 września 2001 r.* Greifswald: Kiebu-Druck GmbH, s. 22–25.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: Норинт.
- МОКИЕНКО, В. М. (2010): *Интервью*. In: Евгений ГОЛУБЕВ. Жаргон в России — больше чем жаргон (02. 08. 2015), <http://journal.spbu.ru/?p=2063>
- НИКИТИНА, Т. Г. (2009): *Молодежный сленг. Толковый словарь. 2-е изд., испр. и доп.* Москва: АСТ: Астрель.
- ПАНОВ, Ю. А. (2001): *Экспансия сниженной лексики как заполнение лексических и стилистических лакун (Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 1. – Воронеж, 2001. – С. 4–12)* (14. 08. 2015), http://www.philology.ru/linguistics2/panov_y-01.htm.
- СКВОРЦОВ, Л. И. (1997): Жаргон. In: *Русский язык. Энциклопедия*. 2-е изд. Москва: Дрофа.
- Словарь сленга* (10.06.2015), <http://www.slangdictionary.ru>
- ХИМИК, В. В. (2000): *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- ХИМИК, В. В. (2004): *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт.

Профиль автора:

Елена Невзорова-Кмеч, к.ф.н.

фразеология, субстандарт, этимология, дидактика языков

Институт Русистики Лодзинского университета
Ул. Поморская, 171/173
90-236 Лодзь
<http://rus.edu.pl/>
lena_kmiec@hotmail.com

Маркета СВАШКОВА

Чешская Республика, Оломоуц

Старое и новое во фразеологической картине мира русских и чехов при описании внешнего облика человека¹

The old and the new in an idiomatic picture of the world of Russians and Czechs describing an appearance of a man

Abstract: An author of the article compares an old Czech and Russian idioms with the new ones. The research shows, that there are few constant semantic groups. Often there are comparisons, which consist components as plants and fruits, natural phenomenons, supernatural beings etc. However, there are idioms, which disappeared in the course of time from the use for different reasons. These are, for example, archaization, change of living conditions or lifestyle. An appearance of a new units is very rare, it occurs by transforming an old idioms or by adopting from other languages.

KeyWords: Idiom – Russian – Czech – an appearance of a man – archaization – neology – adopting – calque – transformation – language picture of the world.

Фразеология является неисчерпаемой сокровищницей культуры, истории и менталитета каждого народа, и именно в ней наиболее ярко отражается языковая картина мира народов и развитие их языков.

В настоящей статье мы рассмотрим русские и чешские фразеологические единицы, а именно: фразеологизмы, описывающие внешность человека. Основным материалом для нас послужили словари М. И. Михельсона (Русская мысль и речь, Свое и чужое. Опыт русской

---

¹ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokškolský výzkum udělené roku 2014 Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR. Číslo projektu IGA_FF_2014_051.

фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний) и В. И. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка), в которых можно найти как старые, уже исчезнувшие из языка или устаревшие и более не употребляющиеся ФЕ, так и актуальные ФЕ, далее словари В. М. Мокиенко и А. Вурма (Česko-ruský frazeologický slovník), Л. Степановой (Rusko-český frazeologický slovník) и Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym Л. Степановой, П. Фойту и М. Янковичовой, в которые в основном входят ФЕ, актуальные в языке до сих пор.

Главными источниками для работы с чешским материалом являлись словарь Я. Заоралека Lidová řeč, включающий устаревшие и диалектные ФЕ, и словарь под редакцией Ф. Чермака Slovník české frazeologie a idiomatiky, в который входят только ФЕ современного чешского языка.

Анализируя собранный материал, мы обнаружили, что в нем существует целый ряд ФЕ, которые ранее активно использовались в обоих языках, но сегодня исчезли из языка по языковым или экстралингвистическим причинам (историческим, бытовым и др.).

Под языковыми причинами мы имеем в виду исчезновение из языка слов, входящих в состав ФЕ, т.е. архаизацию слов-компонентов. Так, например, в чешском языке уже не используется слово *sopouch* – его заменил более современный эквивалент – *komín*. Поэтому исчезли из языка такие единицы, как *má nos jako sopouch, je jako by proletěl sopouchem, černý jako sopouch*, однако, ФЕ с этим значением и образом существуют и далее, но компонент *sopouch* был заменен сегодня более понятным компонентом *komín*: *má nos jako komín, je jako by proletěl komínem, černý jako komín*. С другой стороны, были ФЕ с компонентами-архаизмами, которые вели к утрате данных оборотов. Это, например, *suchý jako dřínka* (худой как кизилинка), *malý jako pazderek* (маленький как остаток при чистке льна), *hlava jak větel* (т.е. большая, *větel* – 1/4 гектолитра, устар. мера зерна), *záda jako kanafas* (спина крепкая как канифас), *bledá jako bartolomka* (*bartolomka* – тип свечи), в русском, напр., *бел как плат* (полотно) и т.д.

Как видим, кроме наименований вышедших из употребления предметов, значительную долю устаревших ФЕ составляют те, в состав которых входят названия старых единиц измерения. В чешском это, например, *větel* (см. выше), *sáh* (сажень), *loket* (локоть), *palec* (дюйм), *píď* (пядь) и т.д. Как известно, древнейшими мерами были соматизмы, т.к. человека сравнивал предметы с размерами своего тела. В русском языке такими словами служили, напр., аршин, *пядь*, *вершок* и т.д.

Под историческими причинами мы понимаем устарение данного предмета или явления настолько, что оно более не является важным для языка. Примерами могут быть такие единицы, как: *má pysky jako Leopold* (у него губы как у императора Леопольда Габсбургского – Габсбурги были известны большой нижней губой), *kouká jí pátek přes sobotu* (у нее пятница смотрит через субботу – у нее выглядывает нижняя юбка из-под верхней), ср. также *он короток – в солдаты не годен, серьга в ухе – плут парень*.

Под бытовыми причинами мы понимаем изменение образа жизни и быта человека. Ранее большинство народа жило в деревне, вело крестьянский образ жизни, было в подчинении местных владельцев и дворян – сегодня много ФЕ, содержащих наименования реалий деревенского, земледельческого или дворянского быта, более не употребляется, это, например, единицы: *hledí císařovi z kraje* (смотрит на императора с края), *má zuby jak patěrky* (*patěrky* – бусины на четках, от *pater noster*), *nosí na zádech pokladnici* (он носит на спине казну – горбатый человек), бочка сороковедерная, вербный херувим, по-немецки одетый и т.д.

Так, например, единица вербный херувим, указывающая на румяного, щекастого человека, напоминает о пасхальных открытках, которые посылались на Вербное воскресенье или Пасху. На них был изображен херувим – маленький ангелочек с румяными щеками. В советское время Пасха не признавалась, открытки исчезли, исчезла и сама единица. Однако в современной России снова продаются пасхальные открытки с херувимом, возможно, вернется и фразеологизм. А единица по-немецки одетый относится к временам Петра I. В то время были в Россию приглашены заграничные, чаще всего немецкие архитекторы, художники, врачи и другие специалисты, отличавшиеся от русских не только поведением, но и одеждой, что и отражает данный фразеологизм.

Подчеркнем, что мы ни в коем случае не хотим утверждать, что любая архаизация компонентов ведет к исчезновению ФЕ. Общеизвестно то, что существует большое количество фразеологизмов, которые продолжают оставаться актуальными, несмотря на содержащиеся в них компоненты-архаизмы, ср.: *среди бела дня, ни зги не видно* и др. Архаизмы даже придают им известную экспрессивность.

В извлеченном нами материале было довольно много фразеологизмов, которые употребляются до сих пор, напр.: *коломенская верста, сажень косая в плечах, рот до ушей, красный как пион, черный*

как *смоль* и т.д., они могут отличаться только несколько устаревшей грамматической формой или дополнениями, которых сегодня в данных единицах нет. Примером устаревших грамматических конструкций могут служить формы чешских сравнений с союзом *co* вместо *jako* – *huba co potáč* (*potáč* – количество нити, которое можно накрутить на веретено), или предлог *za* в сочетании с наименованиями маленьких предметов (*ani za mák, ani za nehet*), в конструкциях типа *ani za mák pěknú*, которые выражают меру со значением «немного», в русском языке это конструкции с предлогом *с* вместо *как*, например, *с коломенскую версту, голова с пивной котел*, до сих пор данная конструкция осталась в таких единицах, как: *с гулькин/воробьиный нос, мужичок с ноготок*.

Интересно, что некоторые ФЕ оказались одинаковыми по форме и семантике, однако больше не употребляются ни в русском, ни в чешском языках, напр., и в словаре М. И. Михельсона, и в словаре Я. Заоралека мы нашли единицу *гол как турецкий святой*, в чешском она характеризует лысого человека, в то время как в русском – бедного. В обоих языках также существует единица с тем же образом – *ряб, будто на нем горох молотили/черт по ночам горох молотил на роже – obličej, jako by na něm v noci mlátil hrách* и много других. Можно сказать, что это свидетельствует о близости мышления славян и о существовании общего ядра в их языковой картине мира.

ФЕ, описывающие внешний облик, часто называют также какую-нибудь черту характера. Напр., единицы *голова с пивной котел, а мозгу ни крошки и борода с ворота, а ум в прикалиток* указывают, кроме размера данных частей тела, и на глупость данного человека. Единицы *принес свою бороду на посмешище городу; волосом сед, а совести нет; борода выросла, а ума не вынесла; на аришин борода, да ума ни на пядь* характеризуют взрослого или старого, но глупого человека. Некоторые единицы присуждают человеку свойства характера по внешнему виду, как, напр., единицы *рыжий да красный – человек опасный; рыжих и во святых нет или с рыжим дружбы (торгу) не води, с черным в лес не ходи*. Кстати, интересно то, что рыжие волосы связываются с плохими качествами характера не только в русском языке. В чешском то же самое выражает и единица *co je ružího, není nic dobrého*. Следующими примерами совмещения физических атрибутов с определенными чертами характера могут быть, например, единицы: *черный глаз, карий глаз, минуй нас; голос соловьиный, рыло свиное; рожа кривая, да совесть прямая; сера, что свинья, а зла, что змея; молодец с воз, а ума с накопильника нету; личико беленько, да ума маленько*.

При сопоставительном исследовании фразеологии можно прийти к выводу, что во фразеологических фондах русского и чешского языков существует определенное ядро фразеологизмов, которые не меняются или не исчезают из языка под влиянием времени. Это, как правило, такие обороты, которые содержат в себе сравнение с чем-нибудь постоянным, они остаются в языке веками без изменения. Это, например, такие ФЕ как *červený jako rajče, černý jako saze, vysoký jako věž, bílý jako snít* – *мышинный хвост, бледный как полотно, белый как снег, красный как кирпич/свекла*. К этой группе чаще всего относятся фразеологизмы, содержащие следующие компоненты: наименования животных (*черный как ворон, красный как рак, рачьи глаза, журавлиные ноги, седой как лунь, сильный как бык*), наименования растений (*деревья, травы, цветы, плоды – красный как пион, девушка как ягодка, стройная как березка, как наливное яблочко, глаза как васильки*), далее наименования предметов неживой природы (*высокий как гора, твердый как камень, он как колода, черный как уголь, чистый как алмаз/стекло*), отрезков времени (*красивый как день, темнее ночи*), имена сказочных персонажей или героев известных литературных произведений (*нос как у Буратино, страшная как Баба-Яга, страшный как Кощей Бессмертный, гадкий утенок, krásná jako princezna, cyranovský nos, rytíř smutné postavy...*). В состав мало изменяющихся ФЕ входят также библеизмы.

Что касается новых явлений во фразеологизмах, описывающих внешний вид человека, то в общем можно сказать, что новые ФЕ образуются быстро, но часто они так же быстро и исчезают. Исключением является *страшнее атомной войны*. Большинство из новых ФЕ только некоторое время претендует на статус фразеологизма, однако, наконец, они выходят из употребления.

Новые фразеологизмы обычно быстро обрастают вариантами. Так, например, ФЕ *ноги из подмышек растут*, о девушке с длинными ногами, допускает новый вариант *ноги от шеи растут*, который чаще встречается в интернет-дискуссиях, кроме того, на основе данной ФЕ возникла новая единица с совсем другим значением: *узнать откуда ноги растут*, т. е. в чем суть дела проблемы. Также зафиксированы примеры обогащения лексики новыми значениями при помощи уже известных и часто употребляемых ФЕ, как это произошло у единицы *белая и пушистая*, где слово *пушистый* приобрело новое значение – «невинный» именно на основе семантики данного фразеологизма. Итак, новые фразеологизмы возникают не только путем заимствования,

но и преобразованием старых, уже известных единиц, путем изменения некоторых их компонентов, эти процессы во фразеологии нередко затем находят отражение в лексике.

Использованная литература:

- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (1997): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*, Ростов-на-Дону: Fenix.
- ДАЛЬ, В. И. (2015): *Толковый словарь живаго великорусского языка*, online версия (5. 9. 2015). <http://slovardalja.net/search.php>.
- ДАЛЬ, В. И. (2015): *Толковый словарь живаго великорусского языка, Том 1–4*, (1. 9. 2015). <https://books.google.cz>.
- КОЗЛОВА, Т. В. (2001): *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных*. Москва: Дело и сервис.
- МИХЕЛЬСОН, М. И. (1994): *Русская мысль и речь, свое и чужое, опыт русской фразеологии, сборник образных слов и иносказаний, Том I, Том II*. Москва: Русские словари.
- СТЕПАНОВА, Л. (2006): Словарь М. И. Михельсона “Русская мысль и речь” как источник для исторического изучения фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005)*. Olomouc, s. 829–835.
- СТЕПАНОВА, Л. (2007): К динамике фразеологической картины мира (по материалам словаря М.И.Михельсона «Русская мысль и речь»). In: *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s.75–81.
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky-Přirovnání*. Praha: Academia.
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1994): *Slovník české frazeologie a idiomatiky-Výrazy slovesné*. Praha: Academia.
- ČERMÁK, FR., HRONEK, J., MACHAČ, J. (1988): *Slovník české frazeologie a idiomatiky-Výrazy neslovesné*. Praha: Academia.
- МАСНЕК, В. (2010): *Etymologický slovník jazyka českého*. Brno: Nakladatelství Lidové noviny.
- МОКИЕНКО, В., ВРУМ, А. (2007): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: UP.
- СТЕПАНОВА, Л. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: UP.
- СТЕПАНОВА, Л., ФОЈТЎ, П., ЯНКОВИЧОВА, М. (2014): *Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- ЗАОРÁЛЕК, Ј. (2009): *Lidová rčení*. Praha: Levné knihy.

Профиль автора:

Маркета Свашкова, магистр, аспирант

Исследование фразеологической картины мира на идеографической группе “внешность человека” в русском, чешском, испанском, польском и английском языках.

Университет им. Палацкого,

Оломоуц,

Чехия

www.upol.cz

svaskovam@gmail.com

Людмила СТЕПАНОВА

Чешская Республика, Оломоуц

Изменение состава фразеологических неологизмов в новых словарях¹

Changing of the fund of phraseological neologisms in new dictionaries

Abstract: The paper deals with the problem of the new idioms and the dictionary of neologisms. The author describes the new Russian and Czech dictionaries of neologisms. The dictionaries show the development of new idioms in Russian. Many new idioms come from foreign languages, from slangs and phrases of known persons. The author presents new idioms included into dictionaries made at the department of Slavic languages.

Key Words: Neologisms – Russian new idioms – Czech new idioms – loan words – slang of young people – criminal slang – Russian-Czech dictionary of phrasological neologisms – Russian-Czech-Slovakian dictionary of phrasological synonyms – phrases of known persons.

Тема неологизмов в современном русском языке (в сопоставлении с чешским и другими славянскими языками) активно разрабатывается на кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце. Так, в 2011 г. коллективом преподавателей, аспирантов и студентов кафедры был составлен электронный словарь новой русской лексики и фразеологии, включающий более одной тысячи русских слов и фразеологизмов. Словарь находится на страницах кафедры, где к нему могут получить доступ все желающие (http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/publikace.html).

---

¹ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené roku 2014 Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR. Číslo projektu IGA_FF_2014_051.

Выборка неологизмов производилась из словарей новой русской лексики и фразеологии, из современных средств массовой информации, беллетристики, из Интернета, из записей устной речи. Наибольшее количество новых слов можно было почерпнуть из текстов со сниженной стилистической окраской. Стремясь к уравниваемости материала, авторы в качестве противовеса таких текстов привлекали статьи из политической, правовой и экономической сферы, из так называемых «гламурных» журналов.

Приступая к работе, авторы должны были очертить рамки предмета исследования. Была принята следующая дефиниция неологизма: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003: XI]. Таким образом, сюда включаются и семантические неологизмы.

Все собранные слова и выражения располагаются в Словаре в алфавитном порядке под заголовочным словом. Каждое слово снабжается чешским эквивалентом или объяснением значения на чешском языке. Затем следуют иллюстрации – один или два (редко – более) контекстов из Интернета, масс-медий или беллетристики, которые показывают значение данных слов и их употребление в тексте.

БАЛДА¹

под балдой *кто hovor.*

v opilosti, v podnapilém stavu.

- ▶ Знала я в нашем доме гулящую, она всегда ходила слегка под балдой и летом визжала во дворе, когда ее «рвали на куски» – выражение мамы. Но наутро она была целенькая, как огурчик, веселая, с косящими от кайфа глазами. Но она была одна! Щербакова. Время ландшафтных дизайнов
- ▶ Он всегда, когда под балдой, на кого-нибудь нарывается. univer.
omsk.ru

БАЛДА²

без балды (булды) hovor.

bez legrace, vážně

- ▶ Заработок в Интернете // Заработок в сети // заработок на иностранном сайте без балды. zarobotok2009.ucoz.ru

БАЛДА³

от балды (делать что) hovor.

bez předběžného plánu, aniž si to předem promyslet, by očko

- ▶ – Я поступила просто, – объяснила Леона, – набрала адрес, так сказать, от балды, вот смотри. Донцова. Синий мопс счастья
- ▶ – Могла ведь и продиктовать тебе цифры от балды, – продолжала Ольга, – обмануть и уйти. Но я считаю тебя подругой, поэтому говорю правду. Донцова. Горячая любовь снеговика.

Анализ новой лексики показал, что наиболее активными процессами в развитии русского языка в конце XX в. были процессы внешнего (американизмы) и внутреннего (жаргонизмы) заимствования. Именно внутренние заимствования играют все большую роль. Возникают также новые дериваты сленговых основ: *кинутый (кинуть), отрыв (отрываться), развод (разводить); тусовка, тусня, тусняк, туса, тусовщик* – от *тусоваться (тусовочный / не тусовочный человек – любит / не любит компании, тусовка* – не только вечеринка, но и круг людей, объединенных какими-л. интересами (*киношная, театральная тусовка*) и др.

Благодаря деривации могут возникать новые омонимичные пары, связь между которыми уже не осознается современными носителями языка. Поэтому составители Словаря должны были решить важную проблему представления в вокабулах тех полисемичных слов, у которых одно (или несколько значений) было старым, но наряду с этим развились новые значения или появились дериваты омонимичных слов. Поскольку данный словарь не носит общего характера, а является словарем неологизмов, то в нем приводятся лишь новые значения. Каждое из них снабжается чешским эквивалентом (комментарием) и иллюстрациями.

В данный словарь были включены и многие новые фразеологизмы, которые пополнили фонд фразеологических неологизмов, представленный в «Русско-чешском фразеологическом словаре» [Степанова 2007], ср. зафиксированные там ФЕ: *мыльная опера, замести под ковер, делить пирог, скелет в шкафу, золотой парашют, ломать через колено,*

бесплатных завтраков не бывает или бесплатный сыр только в мышеловке, класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки, гнать пургу, лепить горбатого, вешать лапшу на уши, быть в отпаде, топтать (тискать) клави и многие др.

Из молодежных выражений жаргонного происхождения можно назвать также: *выпасть в осадок*, *быть в отпаде* «очень удивиться чему-л., восхищаться чем-л.», (куртка, магнитофон) *с наворотами* «суперсовременный, супермодный»; *продвинутый кент* «знающий молодой человек», *морщить (чесать) репу* «думать»; *без приколов* «серьезно, без шуток»; *все ништяк, все пучком (пучок)*! «все хорошо, все в порядке», *кому в лом (в напяр)* *делать что* «не хочется делать что-л.»; *на крайняк* «в крайнем случае»; *крыша едет (поехала, ползёт, поползла)* *у кого* «кто-л. ведет себя странно, чужаковато», *по фиг, по барабану кому что* «все равно, безразлично кому-л. что-л.» и т.д.

Традиции включать в свои словари самый новый фразеологический запас мы остались верны и в вышедшем в нашем университете в прошлом году Русско-чешско-словацком словаре фразеологических синонимов (Л. Степанова, П. Фойту, М. Янковичова), куда вошли следующие фразеологизмы с пометой *Нов.*: *сдвиг по фазе у кого*, *крыша не в порядке у кого*, *купол едет у кого*, *с головой не дружит кто* – о человеке со странностями; о придурковатом и глупом человеке; *доходит как до утки [на третьи (на пятые) сутки]* – о тугодуме, несообразительном человеке; *мышей не ловит кто* – кто-л. не способен выполнять своей работы, не делает положенного; *просекать / просечь фишку* – проявлять изворотливость, сообразительность; *вкалывать как карлик у водокачки* – работать без отдыха; *пальцы веером у кого* – о высокомерном, заносчивом человеке; *синяя птица* – о слабом, хилом человеке и др.

Нужно отметить, что большое влияние на активность употребления фразеологизмов оказывают масс-медиа, с удовольствием подхватывающие, напр., высказывания политиков. Достаточно вспомнить нашумевшее выражение *мочить в сортире*, которое теперь уже вошло во фразеологический состав русского языка. Немногие уже помнят, что В. В. Путин сказал его во время пресс-конференции в Астане, когда он комментировал бомбардировки российской авиацией Грозного, в более широком контексте. Отвечая журналистам ОРТ, Путин дословно сказал:

Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж извините, в туалете поймаем, мы в сортире их замочим, в конце концов (24 сентября 1999 г.).

В 2011 г. газеты пестрели другой фразой президента, сказанной им на заседании Правительства: *отделять мух от котлет* (*котлеты от мух*) и *мухи отдельно, котлеты отдельно*. Популярность этого выражения была настолько велика, что в русскоязычном Интернете активно обсуждались версии его происхождения: его приписывают Чехову, возводят к фильму «Дневной поезд» (1976 г.) или к анекдоту о посетителе ресторана, получившем котлеты с мухами («...когда я приду к Вам в следующий раз, принесите мне мухи отдельно, а котлеты отдельно»). Указывается также, что подобный анекдот был зафиксирован еще в переведенной с французского книжке «Всемирное остроумие» (1903). Здесь вместо мух тараканы, а фраза приписана Жерару де Нервалю (1808–1855). <http://forum.lingvo.ru>. Ср. употребление в беллетристике:

Простившись с комиссаром, я пошла по набережной. Итак, следовало отделить котлеты от мух. Травмы, не совместимые с жизнью... Интересно, как это можно было так изуродоваться, упав всего лишь с третьего этажа? Д. Донцова. Крутые наследники.

В. Путину принадлежит и ставшее крылатым выражение *визгу много, а шерсти мало*, которое он употребил в ответе на вопрос о Э. Сноудене:

...господин Сноуден считает себя правозащитником и борется за распространение информации. Задайте себе вопрос: нужно ли выдавать таких людей для посадки в тюрьму? Лично я бы не хотел заниматься такими вопросами. Это все равно, что... <>. Все равно, что поросенка стричь: визгу много, а шерсти мало <>. Господин Сноуден человек свободный, чем быстрее он выберет конечную точку своего пребывания, тем будет лучше и для нас, и для него. 25. 06. 2013. <http://www.gazeta.ru>.

Как показал В. М. Мокиенко, данный фразеологизм был зафиксирован ещё в словаре В. И. Даля и прежде встречался в русской литературе, однако затем был забыт и относился к устаревшим, поэтому он не входит в современные словари. После его употребления в высказывании В. Путина, оборот обрел вторую жизнь и стал активно использоваться в СМИ. Историко-этимологический анализ показал, что источником выражения является немецкий фразеологизм, восходящий к народному анекдоту (шванку) XV-го века [Мокиенко 2013: 11–18].

К новым ФЕ, запестревшим на страницах масс-медий в последнее время, принадлежит также оборот *дорожная карта* (зафиксировано 7 мая 2003 года). В американской культуре термин *дорожная карта* (Road map) в одном из переносных смыслов значит «план, как двигать-

ся дальше», планы на будущее, на перспективу; наглядное представление сценария развития. Ср.:

Министр иностранных дел Белоруссии Владимир Макей провел встречу с директором департамента по присоединению новых стран к ВТО Секретариата организации Чиеду Осаке и согласовал «дорожную карту» по переговорам о присоединении страны к Всемирной торговой организации. 11. 09. 2015. <http://ria.ru>.

Правительству необходимо разработать и утвердить дорожную карту развития морских портов в Азово-Черноморском бассейне. Также должны быть определены планы по развитию железнодорожных и автомобильных подходов. 16. 9. 2015. <http://www.fish.gov.ru>.

Итак, сопоставление материалов трех словарей, вышедших на кафедре славистики ФФ УП в 2007-2014 гг., позволяет проследить процесс развития фразеологической неологии за последние десять лет. Можно видеть, что большое место в неологическом запасе занимают многочисленные заимствования из английского языка, из русских сленгов и жаргонов, а также из высказываний известных политиков, прослеживается постепенное «устаревание» неологизмов, их вхождение в повседневный речевой обиход.

Использованная литература:

МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.

МОКИЕНКО, В. М. (2013): Неологизация архаизма: визга много, а шерсти мало. *Мир русского слова*. 2013, № 3, с. 11-18.

СТЕПАНОВА, Л. (2007): *Русско-чешский фразеологический словарь*. Olomouc: UP.

СТЕПАНОВА, Л., ФОЙТУ, П., ЯНКОВИЧОВА, М. (2014): *Русско-чешско-словацкий словарь фразеологических синонимов*. Olomouc: UP.

СЛОВАРЬ новой русской лексики и фразеологии (2011) / Ред. Л. Степанова. http://www.rusistika.upol.cz/fileadmin/ksl/rusistika/pdf/Slovník_noveho_ruskeho_lexika.pdf

Профиль автора:

Prof. Людмила Степанова, CSc.

Является членом кафедры, читает лекции по тенденциям развития современного русского языка, лексикологии, русским реалиям, межкультурной коммуникации, стилистике, сфера научных интересов — русская и славянская фразеология.

Кафедра славистики философского факультета
Университета им. Палацкого
Кржижковского 10
CZ-771 48 Оломоуц
www.slavistika.upol.cz
ludmila.stepanova@upol.cz

Людмила Владимировна СТОЛБОВАЯ

Россия, Санкт-Петербург

Структурирование и интерпретация семантического пространства фразеологизмов со значением «состояния человека»

**Structure and interpretation of semantic space of idioms with the meaning
“The states of a Human being”**

Abstract: The paper deals with the problem of combined analysis of idioms with the meaning “The states of a human being”. Investigation has shown that modeling of structure semantic space becomes complicated due to many variables: such as different presentation about division of state into long (feelings), changeable (mood, emotion), constant (richness/poverty), sporadic (lack of money/ready money). The analysis revealed that with the expansion of conceptual field, the meaning of the word is widen as well, and this process in its turn leads to formation of new concepts.

Key Words: Consciousness – idioms – image – notion – sign – conceptual system – mental representation – comparative analysis – cognitive analysis.

В данной работе мы намерены дать описание структуры и содержания фразеосемантического пространства (ФСП) «состояния человека» как совокупности семиотической, семантической и когнитивной сфер языка, которая реализуется в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей языка. При этом она образует семантическое пространство, которое есть не что иное, как совокупность значений и смыслов, используемых этносом в процессе речевого общения на определенном языке.

Мы полагаем, что ФСП может быть предъявлено в двух видах: а) в виде семантической модели как совокупности понятий отдельного участка фразеологической картины мира и б) в виде лингвокогнитивной модели, представляющей собой упорядоченную конвенциональную схему, которая систематизирует знания носителей языка о концептах и языковых средствах. Изучение когнитивной структуры концепта «Состояния человека» учитывало соотношение языковых и когнитивных структур, что дало возможность описать схему организации знаний в выделенном ФСП.

Мы разделяем мнение Е. С. Кубряковой о том, что «упорядоченность самой концептуальной системы держится на существовании в ней небольшого числа базовых концептов, которые, постоянно развиваясь и дробясь, оказываются в состоянии лечь в основу массы новых лексических значений и в то же время сформировать их особые группировки» [Кубрякова 1997: 26]. Считаем, что с этих позиций можно рассматривать и исследуемый нами лингвокультурный концепт (ЛК) «Состояния человека».

ЛК является условной единицей, вычленение которой производится в исследовательских целях для демонстрации специфики взаимосвязи и взаимодополнительности семантического и когнитивного подходов к выявлению знаний, принципов их организации и функционирования.

С точки зрения когнитивного анализа, ЛК представляет собой семантическую категорию только более высокой степени абстракции и, в отличие от понятия, существует в ментальном мире человека не в виде четких представлений, а как «пучок» виртуальных представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово и фразеологизм: «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 1997:41].

Результаты концептуальной интерпретации представлены следующим образом: а) в виде описания слоев ФСП, концептуальных секторов и образующих их концептуальных признаков; б) в плане предъявления ядерно-периферийной схемы упорядочения слоев пространства, которое представляет собой гибкую систему взаимосвязанных смыслов – лично значимых и ситуативно обусловленных идеальных сущностей; в) интерпретационным полем как совокупности ментальных и оценочных стереотипов, фреймов, слотов, вытекающих из отражения ФСП сознанием социума.

Эти *когнитивные структуры* содержат основную типичную или потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Анализ нашего эмпирического материала позволил выделить несколько фреймов, отражающих состояния человека как биологического, анатомического, социального и функционального существа. Понятийная область биологического человека объединяет фреймы: «Жизнь» – «Смерть», «Здоровье» – «Болезнь», «Голод», «Пьянство», «Счастье», «Радость», «Любовь». Область состояний человека как социального существа объединяет фреймы: «Статус», «Успех», «Богатство», «Нищета», «Деньги», «Жилище».

Под *когнитивным слоем* понимается наглядно-чувственная система образов, отражающая совокупность когнитивных признаков концепта определенного уровня абстракции, имеющего обычно языковые способы объективации. *Когнитивный признак* – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак.

В структуре ФСП «состояния человека» было выделено 8 основных слоев состояний, каждый из которых является фрагментом целостной когнитивной сферы: 1. «дискомфортные эмоционально-психические состояния»; 2. «дискомфортные физиологические состояния»; 3. «дискомфортные материально-экономические состояния»; 4. «дискомфортные духовные состояния»; 5. «комфортные эмоционально-психические состояния»; 6. «комфортные физиологические состояния»; 7. «комфортные материально-экономические состояния»; 8. «комфортные духовные состояния».

Когнитивные секторы формируются яркими когнитивными признаками, к примеру, такими как: тревожные состояния, явившиеся результатом нарушения покоя человека; данный когнитивный сектор формируется базовыми ядерными концептами: «Беспокойство», «Волнение», «Тревога», «Страх», «Боязнь», «Трусость», «Испуг» и т.п., или сектор сильной неприязни, вражды к кому-либо, репрезентируется концептами: «Гнев», «Ярость», «Бешенство» и т.п.

Результаты нашего фразеосемантического анализа подтверждают предположение психологов о диффузном характере онтологической основы психических состояний, которое находит отражение в языковых значениях. Семантические параметры фразеологических глаголов состояния представляют собой типовые значения, при помощи которых можно описывать линейные и парадигматические отношения в языке, включают: 1) антонимические отношения (*быть*

наверху блаженства – оказаться на дне); 2) синонимические отношения (как сыр в масле кататься – купаться в золоте; хоть шаром покати – нет ни крошки; под ложечкой сосет – кишки марш играют); 3) параметры, характеризующие начало, продолжение или конец испытываемого состояния (ломать голову) – (голова идет кругом) – (гора с плеч); 4) параметры, обозначающие длительность состояния (сидеть битый час); 5) интенсивность состояния (кровь застыла в жилах); высокую степень проявления интенсивности (прийти в бешенство, небо показалось с овчинку); 6) параметры качества состояния: положительные, позитивные (идти в гору); отрицательные, негативные (катиться под гору); 7) параметры оценки состояния: испытывать чувство гордости – (работать как пчелка), испытывать чувство стыда – (коптить небо); 8) параметры, характеризующие отношение (чувства) к объекту: любить (влюбиться по уши в кого-то) – ненавидеть кого-то, что-то (всеми фибрами своей души).

ФСП «состояния человека» может характеризоваться следующими параметрами: а) модальностью, которая в языке репрезентируется фразеологизмами: сидеть как на иголках («тревожность»), едва волочить ноги («утомление»), быть на седьмом небе («воодушевление») и т.п.; б) глубиной, интенсивностью состояния, которое может характеризоваться степенью выраженности переживаний и сдвигами физиологических функций. Примером могут служить концептуальные цепочки: «Страх» – «Ужас» – «Паника»; «Раздражение» – «Возмущение» – «Гнев» – «Ярость» – «Бешенство», репрезентируемые в языке фразеологизмами: нервы на пределе, не гневить Бога, не находить себе места; рвать и метать; разорвать в клочья и т.п.; в) степенью напряжения: «Паника», «Бешенство», при которых кровь стынет в жилах; небо в овчинку кажется и т. п. (тензорные состояния); г) продолжительностью и устойчивостью (временное отражением состояний – «Грусть», «Печаль»; «Гнев»), которые репрезентируются фразеологизмами: впасть в отчаяние, метать громы и молнии и т.п.; д) полярностью состояния, отражением совершенно противоположных состояний «Богатство» – «Нищета» (купаться в золоте – не иметь ни кола, ни двора т.п.).

Анализ когнитивных слоев психофизиологических состояний человека подтверждает многокомпонентный характер ФСП наличием в его составе образных (образно-метафорических) компонентов. Большинство образных компонентов поддается описанию и интерпретации. ЛК «Состояния человека» репрезентируются идеальными ментальными сущностями: «Страх», «Беспокойство», «Ненависть»,

«Злость», «Страдание» и т.п., которые в общей сложности составляют 30 ядерных базовых понятий, выделенных нами в результате семантического анализа, и соподчиненных им понятий.

Как следует из представленных секторов, фреймовая модель ФСП «состояния человека», понимаемая как способ ее структурной организации, не является гомогенной. В неё входят онтологические, аксиологические, образные характеристики концепта, которые разрабатывались на основе семантического анализа фразеологизмов. Так, позитивная оценка состояния человека представлена концептами, в которых фразеологизмы номинируют силу, энергию, активность человека, а фразеологизмы с отрицательной оценкой номинируют нездоровье, слабость, внешнюю непривлекательность. В отношении физиологического состояния человека оценке подвергаются следующие признаки: психофизическое состояние; образ жизни; внешний вид, а в отношении ментального состояния объектом оценки становится разум, рациональное мышление, память, интеллект.

ФСП «состояния человека» проявляется в образах, используемых во фразеологизмах. Если в русском языковом сознании здоровый энергичный человек сравнивается с быком (*здоров как бык*), с мерой длины (*косая сажень в плечах*), то в английском сознании человек сравнивается с крикетным мячом (*as lovely as a cricket*), со скрипкой (*as fit as a fiddle*). Для проведения сравнения плана содержания фразеологизмов в разноструктурных языках мы обращались к их образным составляющим, являющимся частью концептуальной структуры фразеологизма и оказывающим влияние на его семантику. В сумме эти коннотации дают представление о культурном коде русской и английской лингвокультуры.

Использованная литература:

- КУБРЯКОВА, Е. (1997): Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 56, №3, с. 22–31.
- СТЕПАНОВ, Ю. (1997): *Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

Профиль автора:

Столбовая Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета. Сфера научных интересов – современная лингвистика, касающаяся вопросов языковой природы фразеологизмов, когнитивная семантика и межкультурная коммуникация.

НОУ ВПО

«Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов». Инд.192238,

г. Санкт-Петербург,

ул.Фучика, д. 15.

stolbovaya39@mail.ru

Ядвига ТАРСА

Польша, Ополе

Фразеологизмы в демотиваторах

Idiomatic expressions in demotivators

Abstract: The article presents new compound words, which are frequently a verbal component of internet polycode texts, i.e. demotivators. Demotivators, i.e. pictures combining graphics or photo and ironic commentary, were at first a response to motivational posters, whose task was to encourage people to work or learn. In the virtual world demotivators comment on current events or mock everyday nonsense. They are such a solidified genre that some of the commentaries used in demotivators can be perceived as phraseological neologisms.

Key Words: Idiomatic expression – demotivator – polycode text – the Internet – verbal component – graphics component – compound word – phraseological neologisms.

Демотиватор – это изображение, состоящее из картинки, расположенной на черном фоне, и набранного белым шрифтом или одного слова, или лаконичного комментария. Иногда в демотиваторе верхняя фраза является завязкой, нижняя – неожиданной развязкой. Контраст, возникающий при последовательном прочтении двух фраз, рассчитан на эффект неоправданного ожидания, который обуславливает возникновение комического эффекта. «Демотивационные постеры появились как пародия на мотивационные постеры (плакаты) или мотиваторы – вид наглядной агитации, предназначенный создать подходящее настроение в школах, университетах и на рабочих местах. (...) Мотивационные постеры очень часто бывали скучны, поэтому широко распространилась практика их пародирования, обычно заключающаяся в составлении постеров по такому же стандарту, но вызывающих вместо положительных эмоций отчаяние, уныние, грусть. Подобные пародии

получили название демотивационных постеров» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Демотиватор>]. В Интернете существует множество сайтов, на которых можно посмотреть или самому создать демотиваторы. Однако все чаще эти демотиваторы являются юмористическими картинками, не вызывающими чувства отчаяния и грусти.

Демотиваторы можно считать новым (компьютерным) типом креолизованных текстов, которые стали неотъемлемой частью Интернет-коммуникации. Креолизованные тексты – это тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180–181]. Для такого рода текстов в научной литературе предлагаются разные термины. И. В. Бугаева в статье *Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика* называет такие термины как креолизованные, поликодовые, гибридные, бимедиальные, мультимедиальные, полимедиальные тексты, супер-текст, полимодальный вербально-визуальный текст, семиотически-осложненные тексты [Бугаева 2011: 149]. Проанализировав многочисленные сайты и большое количество демотиваторов, она выделила следующие их функции: коммуникативную, когнитивную, эмоционально-экспрессивную, волюнтаривную, метаязыковую, идеологическую, формирования реальности, эстетическую и аксиологическую [Бугаева 2011: 150].

Анисимова делит креолизованные тексты на тексты с частичной и полной креолизацией. Она пишет, что в текстах с частичной креолизацией между вербальными и изобразительными компонентами складываются автосемантические отношения. В текстах с полной креолизацией между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения [Анисимова, 2003, 15]. И именно синсемантические отношения характерны для интернетовских креолизованных текстов, в которых в качестве вербального компонента выступают фразеологизмы.

Между вербальной и графической частями креолизованных текстов устанавливаются разные отношения. Первое из них – это отношение взаимодополнения, когда вербальному комментарию отводится вторичная, дополнительная функция, а изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Вербальный комментарий только описывает изображение и дублирует его информацию. В отношении взаимозависимости вербальный комментарий выполняет первичную,

основную функцию и без него смысл изображения неясен или может быть превратно истолкован. Изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию [Анисимова, 2003, 11–12].

Часто вербальным компонентом демотиваторов являются фразеологизмы. В демотиваторах чаще всего обыгрывается прямое и переносное значение устойчивых выражений. Ситуация, представленная на фотографии, актуализирует прямое значение фразеологизма и вызывает комический эффект. Например, в одном из демотиваторов использована фотография белки, которая так держит свой хвост, что он становится похожим на пистолет. В качестве комментария использован фразеологизм *держи хвост пистолетом*, значение которого «не робей, не унывай», однако в сочетании с фотографией на первый план всплывает прямое значение этого словосочетания.

В демотиваторах такого типа появляются также трансформированные фразеологизмы. Замена компонента обычно мотивирована ситуацией, представленной на фотографии, как, например, в демотиваторе, в котором графический компонент составляет фотография резиновых хозяйственных перчаток, украшенных кольцом, жемчугом и мехом, а во фразеологизме красиво жить не запретишь компонент *жить* заменен словом *мыть*.

В демотиваторах используются не только традиционные, зафиксированные словарями фразеологизмы, так как интернет-общение способствует возникновению новых устойчивых выражений. Во всемирной паутине информация распространяется быстро, и ее мгновенно узнают многие пользователи. Благодаря этому в Сети быстро появляются выражения, фразы, которые знакомы многим и многими повторяются. Так возникают мемы, т.е. информация или фразы, спонтанно приобретшие популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами. Одновременно, культура Интернета – это, прежде всего, карнавальная культура, культура смеха, игры, насмешки, стеба. Популярным в ней становится то, что привлекает внимание своей необыкновенностью, абсурдностью, забавностью. С другой стороны, в Интернете чаще всего люди экономят время, эмоции выражают смайликами, эмодзи-конами, в разговорах используют краткие сообщения, комментируют прочитанное готовыми клише. Жанр демотиваторов выработал также свои собственные клише, новые устойчивые словосочетания, которые используются не только в демотиваторах, но и других видах сетевых

текстов. Некоторые из них можно назвать интернациональными, так как они появляются и в русских, и польских демотиваторах. Трудно сказать, где они появились впервые, так как интернет-пользователи демотиваторы охотно копируют.

Среди самых популярных устойчивых выражений, используемых в качестве комментария в демотиваторах, можно назвать следующие: *сильная, независимая женщина; тем временем (где-то) в параллельной вселенной; это неловкое чувство, когда ...; кто-то уже не тот; кто-то / что-то 80 lv; Что-то есть? А если найду?; что-то прошло успешно.*

Сильная, независимая женщина – это ироническое определение женщины, которой исполнилось сорок лет, у нее нет ни мужа, ни детей. Она живет одна с кошкой или кошками.

Выражение *тем временем (где-то) в параллельной вселенной* появляется в демотиваторах, показывающих мир, в котором все наоборот: животное охотится с ружьем на людей, зебра переходит улицу по пешеходному переходу, созданному из людей, бабушка нападает на прохожих, голуби кормят людей хлебом в парке и т.п.

Фраза *это неловкое чувство* чаще всего стоит в начале предложения, иронически характеризующего ситуацию, указанную в графическом компоненте демотиватора, напр.: *это неловкое чувство, когда телефон толще тебя* (под селфи очень худого парня).

Еще одно выражение, шуточно комментирующее содержание графического компонента, это *пример дружбы между животными*. Обычно он появляется под фотографиями хищников, поймавших добычу. Его дополняет предложение, превратно толкующее представленную ситуацию.

Названные выше устойчивые словосочетания имеют свои эквиваленты в польских демотиваторах, но есть и такие, которые характерны только для Рунета. Одним из них является выражение *80 lvl*, имеющее свои корни в компьютерной игре. Как можно прочитать в *Антологии сетевого фольклора*, «восьмидесятый уровень – до недавнего времени максимально достижимый для развития персонажа в WorldofWarcraft-популярнейшей игре MMORPG. Эльф или паладин восьмидесятого уровня до недавнего времени был стереотипом до крайности погруженного в интернет гика, утратившего все связи с реальностью. Однако, относительно недавно у восьмидесятого уровня появилось новое значение – высочайшая степень какого-либо мастерства» [<http://www.netlore.ru/80-lvl>]. В демотиваторах эта фраза может или действительно означать похвалу мастерства (как в демотиваторе, в котором очень

удачно спряталась кошка), или иронически характеризовать какое-либо явление.

Следующее выражение происходит из анекдота о гопнике, который в темном переулке подходит к мужчине и спрашивает: – Деньги есть? – Нет. – А если найду? – Буду весьма признателен. В демотиваторах используется только фрагмент этого анекдота – *деньги есть*, а если найду, причем компонент *деньги* заменяется другими словами, в зависимости от содержания картинки, напр.: *конфеты есть, а если найду, пожрать есть, а если найду, совесть есть, а если найду, круассаны есть, а если найдем* и т.д.

Кто-то / что-то уже не тот – это шуточный или иронический комментарий к фотографиям, на которых изображены люди или предметы, у которых внешний вид или качества другие, чем те, к которым мы привыкли. В зависимости от графического компонента демотиватора это устойчивое выражение может выражать положительную или отрицательную оценку.

Еще одно устойчивое словосочетание, которое в русских демотиваторах является частым комментарием, это выражение *что-то прошло успешно*. Оно означает, что на самом деле все прошло не успешно, а наоборот, графический компонент показывает ситуации, которые оказываются неудачей, показывают отрицательный эффект каких-то действий или усилий.

Как нам кажется, названные примеры устойчивых выражений можно считать фразеологическими неологизмами. «Это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003: XI]. Они состоят из двух и более компонентов, они воспроизводимы, не создаются заново каждый раз интернет-пользователями. Обычно они имеют шуточный, иронический, оценочный характер, который связан с игровым, карнавальным характером интернет-коммуникации.

Использованная литература:

- АНИСИМОВА, Е.Е. (2003): *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Москва: Издательский центр «Академия».
- БУГАЕВА, И.В. (2011): *Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика* (10. 09. 2015). <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugueva.pdf>.
- Восьмидесятый уровень*. (10. 09. 2015). <http://www.netlore.ru/80-lvl>.
- Демотиватор* (10. 09. 2015). <https://ru.wikipedia.org/wiki/Демотиватор>.
- МОКИЕНКО, В.М. (2003): *Новая русская фразеология*. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.
- СОРОКИН, Ю.А., ТАРАСОВ, Е.Ф. (1990): Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. In: П. Г. Котов (ed).: *Оптимизация речевого действия*. Москва: Наука, s. 180–186.

Профиль автора:

Кандидат филологических наук Ядвига Тарса
Сфера научных интересов – фразеология, крылатые слова, коммуникативистика.

Институт славистики Опольского университета
пл. Коперника 11
PL – 45-040 Ополье
www.inslaw.uni.opole.pl
tarsa@poczta.onet.pl

Оксана ЦАГАШОВА

Чешская Республика, Оломоуц

Новые слова и словосочетания из области моды (на материале современных русских и чешских женских журналов)¹

The new words and phrases of fashion in the current russian and czech women's magazines

Abstract: This thesis deals with the new words and phrases of fashion in the current Russian and Czech women's magazines. It explains the concept of neologism and other related terms. Types of neologisms, which most commonly appear in the current Russian and Czech women's magazines, are described here. It states actual processes running in the current Russian and Czech languages and how are these processes exposed in the texts we have searched. Moreover, the loan words in these magazines, their origin and the way of their adaptation are being examined.

Key Words: The new words – the new phrases – actual processes – Russian women's magazines – Czech women's magazine – Russian language – Czech language – neologisms – types of neologisms – phraseological neologisms – loan words.

В наши дни мода и стиль оказывают сильное влияние не только на нашу внешность (одежда, прически, макияж и т. п.), но также на наш словарный запас. В нашу речь проникает множество новых слов и выражений, особенно посредством телепередач (не только направленных на моду), радио, рекламных каталогов и брошюр, журналов (модных и других). Это может происходить, во-первых, сознательно, когда мо-

¹ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené roku 2014 Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR. Číslo projektu IGA_FF_2014_051.

лодые люди (прежде всего девушки и женщины) стремятся выглядеть в глазах других современно или, как они сами часто говорят, “cool”. Во-вторых, довольно часто это происходит и подсознательно, когда, читая современные русские женские журналы или непосредственно модные журналы, читатель/читательница запоминают новое слово или выражение, часто вследствие того, что определенное новое слово или выражение выделяется, так как оно написано латиницей среди кириллицы. Цитирование в русском тексте латиницей называется трансплантацией (напр., *color-blocking*; *smokey eyes*; *MUST HAVE*; /джинсы/ *straight leg*; *skinny*; *it-girl*; *casual* /стиль/; *nude* /стиль/ и др.). Может также происходить соединение частей двух слов (одна часть написана латиницей, другая кириллицей, напр., *wow-эффект*; *wish-лист*; *fashion-история*; *fashion-инфудстрия* и др.).

В современных чешских журналах также выделяются слова, заметные на первый взгляд, однако они «не бросаются» в глаза так явно, как в современных русских женских журналах, так как все в чешских журналах написано латиницей, хотя некоторые слова и выражения сохраняют свое первоначальное иноязычное написание, привлекающее внимание читателя/читательницы (напр., *anti-age /efekt/*; *beauty*; *chic trik*; *hand made*; *glamour*; *baker boots*; *showroom*; *oversize taška*; *preppy look*; *hobo bags*; *stiletto*; *It girl*; *chelsea boots* и многие другие). Как видно из вышеприведенных примеров слов и выражений из области моды, большое место в современных русских и чешских женских журналах занимают англицизмы (американизмы). Сильное влияние английского языка на современный русский и чешский языки заметно не только в области моды или в современных женских журналах, но и в области политики, техники, экономики, культуры, туризма, наименований продуктов, блюд, напитков и других.

В лингвистике постоянно возникают дискуссии на тему, что можно относить к неологизмам, а что уже нельзя. Это довольно сложный вопрос, и существует много разных, часто противоречивых мнений. В настоящее время имеется множество различных дефиниций, некоторые из них мы проведем ниже. В своей статье «Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное» В. М. Мокиенко отмечает, что «отправной точкой теоретического и практического осмысления новой лексики и фразеологии является определение объекта исследования и его границ – особенно временных и пространственных» [Мокиенко 2006: 116]. Чешские лингвисты рекомендуют относить к неологизмам слова, выражения и фразеологизмы, появившиеся в течение последних

пяти (максимально десяти лет). У русских лингвистов наблюдается несколько другой подход к временной границе неологизмов. Как известно, РАН издает словари новых слов за каждое десятилетие, т. е. ныне был издан обширный словарь новых слов под названием «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т.» (под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова). По словам Т.Н. Буцевой, неологизмы можно выделить в рамках каждого десятилетия. В процессе сбора новых слов в течение нескольких лет становится ясно, что многие новые слова и выражения могут стать в конце исследования общеупотребительными, т. е. потерять свой оттенок новизны. Итак, термин *неологизм* можно понимать по-разному. Ныне приведем дефиницию профессора В. М. Мокиенко: *неологизмы* – «это незафиксированные в словарях новые слова и фразеологизмы, а также слова и словосочетания с новыми значениями, которые появились в языке в результате заимствования, калькирования, словосложения и т. п., переноса значения (метафора и метонимия), расширения или сужения значения» [Мокиенко 2003: 11]. Так как мы подвергаем анализу также чешские современные женские журналы, то приведем не только русскую, но и чешскую дефиницию термина *неологизмы*, напр., определение чешского лингвиста Э. Лотко: *neologismus je „nevžitý, neustálený tvar, nové slovo, popř. jeho nové užití n. jiná nová jednotka v jazyce vzniklá, resp. vznikající, popř. do něj převzatá odjinud z potřeby pojmenovat něco nového (např. grant, folkař), z důvodů strukturních (např. parník – parolod) apod.“* [Lotko 1998: 70].

В нашем докладе мы принимаем дефиницию профессора В. М. Мокиенко, так как мы считаем, что слова и словосочетания с новыми значениями также необходимо относить к неологизмам. Однако следует уточнить, что к неологизмам мы относим также выражения, которые могут находиться в словарях новых слов, а также в орфографических словарях, но они незафиксированы в других словарях (напр., толковых, словаре синонимов, антонимов и др.), что отражает то, что данные слова, выражения и фразеологизмы еще не вошли в общеупотребительный язык.

После определения данного термина мы перейдем к определенным типам неологизмов, повстречавшихся нам в современных русских и чешских женских журналах. Как в своей статье «Проблема системного описания неологической лексики современного русского языка» отмечает Е.В. Маринова, у многих неологизмов довольно сложно установить конкретный тип неологизма, т. е. если заимствование это или

новообразование, исконное или иностранное и т. п. [Маринова 2006: 106].

Следует отметить, что в данном докладе мы принимаем классификацию Е. В. Мариновой, которая выделяет следующие типы неологизмов: гибриды, анализ-конструкции и псевдозаимствования.

Значительное место в современном русском и чешском языках занимают полиморфемные, членимые слова, имеющие иноязычный корень – *гибриды* – это слова, возникающие из морфем разного происхождения (заимствованного и исконного), напр.: *рейтинговый, брокерство, барсеточник, свехмобильный, флешка, SMS-ка* и др. [Там же]. В современных русских женских журналах нам повстречались следующие примеры данного типа, напр.: *бейсболка; беретки; принтованное* (платье); *оксфордская* (рубашка); *оксфорды; лоферы; балетки; ботильоны; стайлинговые* (средства); *шопоголик; модница-экстремалка; бьютиголик*; а современных чешских женских журналах находятся такие слова, как *unisexový* (kousek); *streetový; conversky; artistka; shoppovat; espadrilky* (boty); *manolky; boyfriendky; slimky; šéfredaktorka; shopaholik* и многие другие. Указанные примеры содержат иностранные корни и исконные суффиксы (из русского и чешского языков).

В современном русском языке значимую роль занимают так называемые *аналит-конструкции*, т. е. это сложносоставные наименования с начальным неизменяемым компонентом, напр.: *бизнес-класс, боди-арт, ток-шоу, велошорты, бизнес-образование, шоп-тур, арт-бизнес* и другие [Маринова 2006: 108]. В современных русских женских журналах имеются следующие примеры: *ретро-трусики; брюки-дхоти; брюки-бананы; юбка-карандаш; юбки-пачки; куртка-парка; куртка-пальто; куртка-косуха; куртка-бомбер; плащ-кимоно; бьюти-поиск; бьюти-заведение; бьюти-калейдоскоп; розы-сумки; сумка-мешок; рубашка-поло; футболка-поло; дизайн-бюро; модница-экстремалка; VIP-персона; бизнес-леди; шартрез-электрик*; а в современных чешских женских журналах данный тип неологизма не был обнаружен.

В исследуемых русских женских журналах также находится небольшое количество *псевдозаимствований*, это дериваты, образованные в русском языке от иноязычного корня с помощью иноязычного аффикса, напр.: *демаркетинг, сушист, шлягермейкер, кенгуринг, сумоист* и др. [Маринова 2006: 107–108]. Из русских женских журналов мы выбрали следующие примеры: (матовый) *лайнер; глоссер; брашинг; топ-сайдер; батист*; а в чешских женских журналах нам данный тип неологизмов не повстречался.

В сфере моды можно найти также некоторое количество новых фразеологизмов. Вначале определим термин *фразеологический неологизм* и затем приведем избранные примеры из области моды. В. М. Мокиенко отмечает, что фразеологические неологизмы — «это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2006: 117]. Приведем примеры некоторых новых фразеологизмов из области моды в русском языке, напр.: *подбитый ветром* (о верхней одежде, холодной, не греющей) [Бессонова 2014: 68], *полный рок-н-ролл* (очень хорошая вещь, предмет) [Там же: 69], *фейсом не вышел* (о некрасивом человеке) [Там же: 69], *кто-либо в прикиде* (о красиво одетом человеке) и другие; а в чешском языке имеются такие примеры как *být IN*, *být OUT*, *být šik*, *být cool*, *být trendy* и другие.

В рассматриваемых журналах находится также несколько словосочетаний, которые часто повторяются и претендуют на позицию фразеологических неологизмов. Из русских журналов можно привести следующие примеры: *соболиные брови*; *брови-ниточки*; *быть шик*; *писк моды*; *MUST HAVE*; *маст хэв* (вещь, которую каждый очень хочет иметь, напр., одежда, аксессуары и т. п.); *куриная/гусиная лапка* (узор ткани или также морщинки вокруг глаз) и другие.

А из чешских женских журналов нам удалось извлечь такие примеры: *být šik*; *být trendy*; *být IN*; *MUSÍM MÍT*; *boyfriend džíny*; *skinny džíny*; *svěží look*; *oversize taška*; *capri kalhoty*; *kalhoty trubky* и др.

Из вышеизложенного вытекает, что в современных русских и чешских женских журналах можно найти значительное количество неологизмов из области моды. В современных русских журналах наибольшее количество неологизмов из сферы моды представляют аналит-конструкции (напр., *брюки-дхоти*; *юбка-карандаш*; *юбки-пачки*; *куртка-парка*; *куртка-пальто*; *куртка-бомбер*; *плащ-кимоно*; *бьютти-поиск*; *бьютти-заведения* и др.), в то время как в современных чешских женских журналах они отсутствуют. Затем в современных русских и чешских женских журналах находится большое количество неологизмов-гибридов (напр., РЯ: *бейсболка*; *беретки*; *принтованное /платье/*; *оксфорды*; *стайлинговые /средства/*; *шопоголик*; ЧЯ: *unisexový /kousek/*; *streetový*; *conversky*; *artistka*; *shoppovat*; *espadrilky /обувь/* и др.), количество в обоих языках почти одинаковое. Лишь небольшую часть в современных

русских женских журналах занимают в сфере моды псевдозаимствования (напр., *глоссер; брашинг; топ-сайдер; батист* и др.), однако, в современных чешских женских журналах они нам не повстречались. Говоря о фразеологических неологизмах в сфере моды в современном русском и чешском языках, можно отметить, что их количество невелико, они встречаются довольно редко, однако, по нашему мнению, в данных журналах находится большое количество устойчивых словосочетаний, которые со временем могут стать фразеологическими неологизмами.

Использованная литература:

- МАРИНОВА, Е.В. (2006): Проблема системного описания неологической лексики современного русского языка. In: Т. Н. Буцева – О. М. Карева (eds): *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конференции*. СПб.: Изд-во «Лема», с. 105–110.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. Opole.
- МОКИЕНКО, В. М. (2006): Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное. In: Т. Н. Буцева – О. М. Карева (eds): *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конференции*. СПб.: Изд-во «Лема», с. 116–120.
- ЛОТКО, Е. (1998): *Slovník lingvistický termínů pro filology*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- SAVICKÝ, N., ŠLAUFOVÁ, E., ŠIŠKOVÁ, R. (1999): *Rusko-český a česko-ruský slovník neologismů*. Praha: Academia.

Электронные источники:

- БЕССОНОВА, Л. А. (2014): *Современные фразеологизмы как фрагмент языковой картины мира* (6. 9. 2015). <http://elib.bsu.by/handle/123456789/101146>
- <http://cs.wikipedia.org/wiki/>
- <http://neologismy.cz/>
- <http://ru.wikipedia.org/>

Журналы:

- Дарья Н5 3/2015
- Добрые советы 3/2015
- Женские секреты 3/2015
- Женские секреты 5/2009
- ОК! Н10 3/2015

Самая 11/2014

Самая 3/2013

Самая 5/2009

YES! 5/2009

Bazar 2/2013

Bazar 4/2014

Fashion 9/2015

Glanc 4/2015

Chvilka pro tebe 18/2015

Svět ženy 11/2012

Svět ženy 6/2015

Žena a život 19/2011

Профиль автора:

Mgr. Оксана Цагашова

Является аспирантом кафедры, ведет занятия по практическому русскому языку, сфера научных интересов – неологизмы в русском, чешском и украинском языках, а также новые слова и словосочетания в современных русских, чешских и украинских женских журналах.

Katedra slavistiky

Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci

Křížkovského 10

771 80 Olomouc

www.slavistika.upol.cz

oxana.b@seznam.cz

Милада ЯНКОВИЧОВА

Словакия, Банска Быстрица

Игра в шахматы и шахматные фраземы

Chess and chess phrasemes

Abstract: The article is devoted to the study of Russian chess phrasemes, i. e. phrasemes motivated by messages occurring in playing chess and representing a sub-group of sports phrasemes. A formal indicator of a chess phraseme is the occurrence of a chess expression in its components. The author divides chess expressions into three groups and investigates what chess phrasemes are formed on the basis of them. Chess phrasemes are almost exclusively used in journalistic texts on political issues. They belong to literary phraseology thus they single themselves out of the phraseological fund of the Russian language which as a whole belongs to the colloquial layer of the language.

Key Words: Phrasemes – motivation base of the phrasemes – sports phrasemes – chess – chess expressions – chess phrasemes.

Фразеологический фонд любого языка пополняется из различных источников. Мотивационной базой фразем конкретного языка являются различные области жизни народа – носителя данного языка: его культура, история, мифология, религия, ремесла и производственная деятельность, современная наука и техника, а также, не в последнюю очередь, способы проведения свободного времени, к которым относится также занятие спортом. В последнее время в русском языке наблюдается значительное количество фразем, возникших на базе спортивных коммуникатов, т. е. выражений, употребляемых в спортивной коммуникации: в текстах спортивной публицистики (в статьях о спортивных событиях и результатах спортсменов, публикуемых в спортивных журналах и спортивных рубриках разных газет), а также в специальных текстах о спорте (в теоретических справочниках, учебниках, в правилах

игры отдельных видов спорта и т. п.). Такие фраземы часто встречаются также в публицистических текстах, не посвященных непосредственно спорту. Как отмечает А. В. Савченко, «именно язык средств массовой информации (СМИ) на сегодняшний день активно способствует образованию спортивных фразеологизмов в речи и языке» [Савченко 2014: 223]. Сказанное относится не только к русскому языку, но и к другим языкам, например, словацкому или польскому [Jankovičová 2010; Хлебда 2005]. При этом характерно, что фраземы спортивного происхождения наиболее часто встречаются в политической публицистике; таким образом, прослеживается определенная параллель между спортом и политикой.

В нашем докладе мы будем рассматривать фраземы, возникшие на базе выражений, употребляемых лишь в одном виде спорта – в шахматной игре; такие фраземы мы будем условно называть шахматными фраземами.

При игре в шахматы используются разного рода выражения – как специальные простые и составные шахматные термины, так и нетерминологические устойчивые словосочетания; все они могут служить базой для образования фразем. Для того, чтобы шахматное выражение стало фраземой, оно должно подвергнуться процессу фразеологизации. Сам процесс фразеологизации включает в себя: 1) функциональное обособление выражения: оно уже не создается в процессе речи, а извлекается из памяти в готовом виде; 2) независимое употребление выражения: оно теряет связь с ситуацией своего первоначального употребления и 3) перенос выражения: оно употребляется в других областях, отличных от первоначальной области его использования. В результате фразеологизации в языке сосуществуют два омонимичных выражения: нефразеологическое выражение, ставшее мотивационной базой фраземы, ее генетическим прототипом, и собственно фразема.

В докладе мы будем исследовать шахматные фраземы в двух аспектах: с точки зрения шахматных выражений, которые подверглись фразеологизации, и с точки зрения значений, которые данные шахматные выражения в процессе фразеологизации приобрели.

Формальным показателем шахматной фраземы является наличие шахматного выражения в её компонентном составе. В русской фразеологии мы выделили три основные группы шахматных выражений: 1) названия предметов, используемых при игре в шахматы; 2) названия действий, осуществляемых при игре в шахматы; 3) названия ситуаций,

возникающих при игре в шахматы. Данное разделение мы будем придерживаться и в нашем докладе.

1) Названия предметов, используемых при игре в шахматы

При игре в шахматы используется шахматная доска и шахматные фигуры: *король, ферзь, ладья, слон, конь, пешка*. Из них в шахматной фразеологии находим следующие выражения: *шахматная фигура, ферзь, конь и пешка*.

Шахматная фигура – обобщенное название короля, ферзя, ладьи, слона, коня (в отличие от пешки). Оно мотивировало возникновение фраземы *шахматная фигура*, имеющей значение «кто-л. неспособный повлиять на ход событий, с мнением которого не считаются», ср.: Президент Аргентины написала в своем «Твиттере»: «Как президент (40 миллионов аргентинцев) я не позволю, чтобы наша Аргентина стала *шахматной фигурой* в геополитической игре великих держав».

В шахматной коммуникации выражение *шахматная фигура* употребляется и без определения «шахматная», например, *расставить фигуры, взять фигуру, пожертвовать фигурой, передвижение фигур, перемена фигур* и т.п., которые не фразеологизировались и в публицистических текстах выполняют роль образных публицизмов.

Пешка – фигура низшей ценности из-за ее ограниченной подвижности. В обиходной речи этот шахматный термин детерминологизировался и приобрел значение «незначительный, несамостоятельный в своих действиях человек, зависящий от чужой воли или неспособный повлиять на ход событий», ср.: Он *пешка* в её руках.

Слово *пешка* стало фразеомобразующим центром фраземы *пешка на шахматной доске* с тем же значением, что и метафорическое выражение *пешка*, ср.: Ю. Любимов о возвращении на Таганку: «Я не *пешка на шахматной доске*». Став фраземой, данное выражение расширяет свое значение и может обозначать не только незначительного, несамостоятельного отдельного человека, а вообще более широкий круг людей, включая целую страну, напр.: Британский аналитик: Россия не *пешка на шахматной доске*.

В последнее время появился фразеологический неологизм *пешка в чужой игре*, имеющий значение «кто-л. не способен повлиять на ход событий, в которых он участвует, но которые вызваны кем-то другим и управляются им», ср.: Украина – *пешка в чужой игре*. Эта фразема иногда сочетается с глаголом *оказываться / оказаться*: *оказываться / оказаться пешкой в чужой игре* и получает значение «стать неспособным

повлиять на ход событий, вызываемых и руководимых кем-то другим», напр.: За назначение Александра Завгороднего и.о. генерального директора «Укрзализинци» министр инфраструктуры Андрей Пивоварский может поплатиться должностью. (...) Министр *оказался пешкой в чужой игре*.

Ферзь – самая сильная шахматная фигура. Ее передвижение по шахматной доске всегда влияет на ход шахматной партии, что и мотивировало возникновение фразем *ход ферзём* со значением «решительное действие, влияющее на ход последующих событий» и *делать / сделать ход ферзём*, имеющей значение «совершать / совершить действие, существенным образом влияющее на ход последующих событий», ср.: *Ход ферзём*. Купив имущественный комплекс компании Bitel, российская Altimo застраховала себя от возможных исков со стороны компании МТС. – Стенли, однако, в ответ на финансовые интриги, *сделал ход ферзем*: назначил председателем московской группы своего четвероюродного кузена.

2) Названия действий, осуществляемых при игре в шахматы

Ход – передвижение фигуры или пешки с одного поля на другое. Этот шахматный термин выступает как компонент нескольких русских фразем, представляющих собой словосочетание, состоящее из глагола действия *делать / сделать* + прилагательного, обозначающего характер действия + существительного-термина *ход*, например: *делать / сделать удачный (верный, правильный, хороший) ход* – «прибегать / прибегнуть к какому-л. удачному средству, приему и т.п., позволяющему достичь удачного результата»; *делать / сделать неверный ход* – «прибегать / прибегнуть к какому-л. ошибочному действию, приёму и т.п., вследствие которого наступило ухудшение ситуации»; *делать / сделать хитрый ход* – «совершать / совершить ловкие, обманные действия, уловки»; *делать / сделать ответный ход* – «отреагировать, ответить на какие-л. действия соперника», ср: Его цель – *сделать удачный ход*, укрепив положение страны. – Несмотря на некоторую нетерпеливость, (...) следует действовать по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь». Слишком велика вероятность *сделать неверный ход*. – Тогда она решила *сделать хитрый ход* – чтобы обелить себя, надо очернить супруга. – Я не собираюсь соглашаться и решил *сделать ответный ход* и подать в суд за клевету.

Встречаются, хотя и не так часто, фраземы без указанного глагольного компонента, ср.: Она говорила: Это политически *неверный ход*.

Мы теряем свой престиж на Западе. – *Хитрый ход* Ципраса призван взять под контроль политический абсурд в Греции.

Особое место занимает пара шахматных фразем *ход конем* и *делать / сделать ход конем*. В шахматной игре выражение *сделать ход конем* значит «передвинуть коня определенным способом, резко отличным от движения всех остальных фигур». В то время как те передвигаются всегда по прямой, конь ходит по ломаной линии, что осложняет наблюдение за ним, делает его удары сложнее предвидимыми, неожиданными, как бы «коварными». Именно эта особенность мотивировала значение шахматных фразем *ход конем* – «находчивый, хитроумный поступок, вносящий неожиданное изменение в сложившуюся ситуацию» и *делать / сделать ход конем* – «использовать хитрый и эффективный прием, вносящий неожиданное изменение в ход событий и способствующий достижению какой-л. цели», ср.: Последний *ход конем* Путина ошарашил Вашингтон и утер нос ЕС. – Мы *сделали ход конем* и атаковали фашистов не по сухой части перешейка, а через болото, застав их врасплох.

Рокировка – допускаемый один раз в течение игры одновременный ход королем и ладьёй, имеющий целью увести короля из центра. Данная цель рокировки мотивировала появление в русской фразеологии шахматной фраземы *делать / сделать рокировку* со значением «осуществить перестановку сил, замену одного другим в целях укрепления своих позиций», ср.: В ближайшее время он уступит пивной бар в пользу своих старых компаньонов. Пора *делать рокировку*. Одно дело, когда в городской думе сидят бизнесмен, генеральный директор ЦУМа, и совсем другое – пивного бара.

Гамбит – дебют, в котором одна из сторон жертвует материал с целью получения позиционного преимущества. Такое значение указанного шахматного термина стало мотивационной базой для возникновения фраземы *разыгрывать / разыграть гамбит*, фразеологическое значение которой можно толковать следующим образом: «жертвовать / пожертвовать чем-то, получая от этого большую выгоду», напр.: США *разыгрывают* с Россией *гамбит*. В данном случае жертвуют бывшей Украиной.

3) Названия ситуаций, возникающих при игре в шахматы

Мат – ситуация, когда король находится под шахом и нет возможности этого шаха избежать. По своей сути, это проигрышное положение, при котором король не может защищаться от атакующей фигуры

противника. В нетерминологическом значении в обиходной речи слово *мат* обозначает «безвыходное положение, грозящее кому-л. неприятностями, гибелью», ср.: Куда ни обращусь – всюду *мат*.

Такое положение в шахматной игре можно оценивать с двух сторон: со стороны атакующего и со стороны атакуемого, что и стало мотивационной базой для возникновения двух антонимичных фразем: *поставить мат кому-л.* со значением «одержат победу, выиграть» и *получить мат* со значением «потерпеть поражение, проиграть». Им синонимичны фраземы *поставить шах и мат кому-л.* и *получить шах и мат*, в компонентном составе которых выступает также шахматный термин *шах*, ср.: В иранском вопросе Обама хочет *поставить* Конгрессу *мат*. – Киев *получил* газовый *мат*. – Владимир Путин *поставил* Западу *шах и мат*. – Порошенко может *получить шах и мат*.

Шах – непосредственное нападение какой-л. фигурой на короля противника. Опасная ситуация, в которой оказывается король – главная фигура в шахматной игре – мотивировала образование фраземы *объявить шах кому-л.*, имеющей значение «поставить кого-л. в затруднительное положение», ср.: Путин *объявил шах* террористам в поисках решения конфликта в Сирии.

Пат, патовое положение – положение в шахматной игре, при котором фигуры одной из сторон не имеют ходов и королю её не объявлен шах (партия считается ничейной). Безвыходное положение, в котором оказывается один из игроков, послужило мотивацией для возникновения фразем *патовая ситуация* или *патовое положение* со значением «безвыходное положение, тупик», ср.: *Патовая ситуация*: у США и Европы разные планы в отношении Украины. – Экономист: *Положение* в Эстонии *патовое*: либо бедность при показателях роста, либо – долговая яма.

Цейтнот – положение, когда игроку не хватает времени для обдумывания ходов. Этот термин встречается в шахматных выражениях *попадать / попасть в цейтнот* (когда игрок не укладывается во время, отведенное для обдумывания ходов) и *быть (оказаться) в цейтноте* (исчерпать время, отведенное для обдумывания ходов в партии шахматной игры); оба выражения подверглись фразеологизации и получили значение «испытывать острую нехватку времени, быть очень занятым», ср.: Четкий и продуманный распорядок не только дисциплинирует, но и учит не *попадать в цейтнот*. – Как управлять своим рабочим временем, чтобы не *оказаться в цейтноте*? – Муниципальные власти в *цейтноте*.

Итак, можно констатировать, что шахматные фраземы образуют небольшую группу фразем, насчитывающую лишь несколько десятков единиц. Большинство из них возникло в результате фразеологизации шахматного выражения, состоящего из глагола действия и простого шахматного термина; случаи фразеологизации составного шахматного термина встречаются редко. Шахматные фраземы употребляются почти исключительно в публицистических текстах, в статьях, посвященных политическим вопросам. Все они относятся к книжным фраземам, выделяясь, таким образом, из фразеологического фонда русского языка, большинство единиц которого относится к разговорным средствам языка.

Использованная литература:

САВЧЕНКО, А. В. (2014): Фразеология сферы спорта как пример языковой игры. *Вестник СПбГУ, Сер. 9*, 2014, вып. 1, с. 221–227.

Словарь шахматных терминов (2015): <http://www.gambiter.ru/chess/item/14-shahmatnye-terminy.html>.

ХЛЕБДА, В. (2005): Политика это спорт. Фразеология спортивного происхождения в сегодняшнем польском публичном дискурсе. In: M. Jankovičová – J. Mlacek – J. Skladaná (eds.): *Frazeologické štúdie IV*. Bratislava: Veda, s. 87–93.

JANKOVIČOVÁ, M. (2010): Slovenské frazémy športového pôvodu. In: V. Severa – W. Hrubá (eds.): *Parémie národů slovanských V*. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity, s. 51–58.

Профиль автора:

д-р Милада Янковичова, кандидат филологических наук

Ведет семинарские занятия по последовательному и синхронному переводу, занимается сопоставительным изучением русской и словацкой фразеологии.

Кафедра славянских языков Философского факультета
Университета им. Матеев Бела в Банской Быстрице
ул. Тайовского, 40
974 01 Банска Быстрица
www.ff.umb.sk
milada.jankovicova@umb.sk

**Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIII.
Olomoucké dny rusistů 10.–11. 09. 2015**

Rossica Olomucensia LV

Editorka Mgr. Martina Pálušová, Ph.D.

Výkonný redaktor doc. Mgr. Jiří Špička, Ph.D.
Odpovědná redaktorka Mgr. Jana Kreiselová
Technická redakce RNDr. Helena Hladišová
Návrh obálky Ivana Perůtková

Určeno pro odbornou veřejnost

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47 Olomouc
www.upol.cz/vup
e-mail: vup@upol.cz

Olomouc 2016

1. vydání

Tato publikace neprošla redakční jazykovou úpravou.

Edice – Sborník

ISBN 978-80-244-4938-8

VUP 2016/0053